ФОНД РУССКИЙ МИР

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 204
Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

а также
в Издательском доме «МИРС» по адресу:
199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
e-mail: mirs@ropryal.ru, sales-mirs@yandex.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать в Издательском доме «МИРС» и С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным адресам.

Подписной индекс в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» – 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации включила журнал «Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20; тел./факс (495) 152-54-81; тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2; тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15; mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б, Международный центр научной и технической информации; тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41, +7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ"»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая общественная организация «Ассоциация выпускников советских и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая общественная организация «Общество выпускников советских и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24; ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

МИРС

№ 4
2011

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
Е. Е. Юрков
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: editor@ropryal.ru

Издательский дом «МИРС»

[официальные материалы]

4 Первый всемирный фестиваль русского языка
5 Научно-методическая программа Всемирного фестиваля русского языка

[лингвистические заметки]

7 Т. П. Млечко
Язык Ломоносова в высшей школе ближнего зарубежья
13 Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская
«Картина мира»: содержание, терминологический статус
и общая иерархия её составляющих
21 А. В. Уржа
Использование понятия изосемии в изучении синтаксиса и стиля
переводных текстов
26 Дж. О. Фалоджу
Имена в русских пословицах и поговорках: взгляд иностранца
31 А. А. Азроянц
Термины *опыт* и *практика* в «Экономическом магазине» А. Т. Болотова

[культура речи]

36 Т. М. Балыхина, Р. Р. Джумаева, М. С. Нетёсина
Аудиторский анализ речи, звучащей в коммуникативном пространстве
мегаполиса: процедура выявления селективных признаков
43 Т. С. Борщевская
Терминография менеджмента (критический обзор новейших изданий)
48 Ван Сюй
Китай в системе номинаций российских информационных текстов
12 И. Б. Дягилева
Уважая свой язык — уважай себя!

[взаимосвязь литературы и языка]

53 П. С. Глушаков
Об одной семантической особенности прозы Василия Шукшина
57 О. С. Макарова
Структурно-смысловое единство миниатюр цикла «Крохотки»
А. И. Солженицына
62 Ю. Н. Афонина
Проблема сохранения библейских и мифологических аллюзий в русских
переводах «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса

[кино]

67 Л. Д. Бугаева
Кинотекст: прояснение значения
75 И. А. Мартьянова
Кинематографический треугольник: Пушкин, Тынянов, Эйзенштейн

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Щукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
К. А. Кузьмина
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 5 000 экз.

Подписано в печать 15.12.2011
Отпечатано в типографии «Инфо Ол», Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д. 1

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Материалы с краткой аннотацией и списком ключевых слов просьба представлять только в электронном виде. Требования к оформлению статей: http://www.spbmirs.ru/magazine/rules.html

[методика преподавания русского языка]

80 А. М. Ямалетдинова
Современная модель педагогического образования: сущность, специфика, становление
85 И. А. Гончар
Оперативный тестовый контроль как часть модели обучения аудированию иноязычного текста

[представляем новые книги. рецензии]

91 Т. Е. Милевская —
Русский язык возвращается в чешские школы (*Орлова Н., Вагнерова М., Кожушкова М.* «Класс!»: Учебник русского языка для средних школ. Прага: Издательство «Klett», 2010)
92 В. Н. Панибратов
Гусейнов Г. Закатальские этюды. СПб.: «Златоуст», 2011.
93 *Романова А.* Холст, масло. СПб.: Геликон Плюс, 2011.
94 О. В. Хорохордина —
Красноярская ярмарка книжной культуры

[наши юбиляры]

104 Юбилей доктора педагогических наук, профессора Лены Галеевны Саяховой

[хроника]

90 Научно-практическая выездная сессия «Русисты России — русистам СНГ»
96 Традиционная научная встреча русистов четырех стран
(Санкт-Петербург, 29 сентября — 1 октября 2011 года)
103 XIV Международная научно-практическая конференция
«Русистика и современность»
(Санкт-Петербург, 2–3 декабря 2011 года)
97 ЭСТАПРЯЛ и «Русский мир» в Нарве вносят свой вклад
в создание городских традиций
98 Первый международный семинар «Русский язык вне России»
(г. Берн, Швейцария, 3 июня 2011 года)
99 Круглый стол по проблемам обучения профессиональной речи
(Санкт-Петербург, 15 июня 2011 года)
101 Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы обучения иностранных граждан в российском вузе: теория и практика»
(г. Тула, 5–6 декабря 2011 года)
101 Всероссийский научно-практический семинар
«Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы»
(г. Ставрополь, 6–7 декабря 2011 года)
102 Конференция «Златоуста»: «Традиционное и новаторское в методиках РКИ»
30 Межвузовский научно-практический семинар «Учебно-профессиональная сфера общения в курсе русского языка как иностранного»
(Санкт-Петербург, 8 декабря 2011 года)
52 Магистры защищают квалификационные работы...

[россия... народы, языки, культуры]

105 Кострома
112 Топонимическая поэма
114 Костромской технологический университет

ПЕРВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

2 ноября 2011 года в Доме молодежи «Царскосельский» г. Пушкина состоялась заключительная церемония I Всемирного фестиваля русского языка. В ней приняли участие около 600 победителей конкурсов на лучшее владение русской речью, конкурсов русской песни, викторин на знание русской истории и культуры, а также лучшие специалисты в области преподавания русского языка и литературы. В качестве гостей фестиваля были приглашены государственные и общественные деятели, деятели культуры, известные ученые-русисты, члены Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), члены Правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), представители национальных ассоциаций преподавателей русского языка и литературы, представители фонда «Русский мир», при поддержке которого стало возможным проведение столь масштабного мероприятия.

Приветственное слово произнесли Л. А. Вербицкая, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета, исполнительный директор фонда «Русский мир» В. А. Никонов, глава Администрации Пушкинского района Санкт-Петербурга И. П. Пахоруков. Приветственное слово губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко зачитала председатель комитета по образованию администрации Санкт-Петербурга О. В. Иванова.

Были награждены победители фестиваля в категории «школьники». Третье место заняла Буяннемех Кулганаа из Монголии. Второе место досталось Радованович Анджеле из Черногории. Абсолютным победителем стала Алимардонова Фарангис из Таджикистана.

В категории «все желающие» призовые места от третьего до первого разделили Хаж Сасси Анис из Туниса, Жабкова Эва из Чехии и Карапетян Сейран из Армении.

Самым захватывающим стал конкурс среди студентов-иностранцев, где 5 девушек и юноша прямо на сцене демонстрировали свое исключительное знание русского языка и чувства юмора. Не обошлось без новояза: так прямо на глазах зрителей были придуманы слова «фонарист» (вместо «фонарщик») и «плавун» (вместо «пловца»). Победителями данной номинации стали: Йоханнес Пойнтер из Австрии, Шень Юйчень из Китая и Елена Севанович из Сербии, которые разделили третье, второе и первое места соответственно.

В категории «учителя-словесники» абсолютным победителем стала Бетси Сандстром из США. Второе и третье место разделили Эрих Пойнтер из Австрии и Анна Деянова-Атанасова из Болгарии.

В конкурсе русской песни жюри выбрало 6 финалистов. Здесь победили все, т. к. жюри не смогло сделать выбор лучшего исполнителя. Финалисты: Таис Усманова из Казахстана, Адриана Баллова и Любовь Герусова из Словакии, Чу Цзиньи из Китая, группа «Фестиваль» из Японии, Шебештьен Каталин Бараксон и Анна Регина Ласло из Венгрии и Русланбек Шанаев из Казахстана.

Во время фестиваля прошло традиционное награждение «Медалью Пушкина «За распространение русского языка в мире». Медалью были награждены: В. П. Абрамов, декан филологического факультета Кубанского государственного университета, И. М. Владова, председатель Общества русистов Болгарии, член союза переводчиков Болгарии, Л. П. Клобукова, заведующая кафедрой русского языка для иностранных студентов гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Джан Цзыли, декан факультета русского языка Шанхайского университета.

I Всемирный фестиваль русского языка призван содействовать укреплению позиций русского языка, русской культуры и российского образования во всем мире. В нем принимали участие иностранные школьники и студенты, знатоки русского языка из разных стран мира, зарубежные преподаватели русского языка и литературы.

I Всемирному фестивалю русского языка предшествовал большой комплекс мероприятий, проведенных в 2010–2011 гг., — Праздники русской словесности в Европе, Азии, Африке и Америке, включавшие широкую конкурсную программу (конкурсы на лучшее владение русским языком, викторины на знание русской культуры, конкурсы русской песни), научно-методическую программу для преподавателей русского языка (лекции и практические занятия по актуальным вопросам обучения русскому языку как иностранному, мастер-классы и круглые столы), встречи с представителями национальных ассоциаций преподавателей русского языка и литературы. Помимо Праздников русской словесности были проведены два интернет-тура конкурса на лучшее владение русской речью,

позволившие привлечь к мероприятиям фестиваля большое число участников. Всего в этом комплексе мероприятий приняли участие 53 с половиной тысячи человек из 70 стран мира.

Предварительные мероприятия фестиваля, и особенно Праздники русской словесности, широко освещались в средствах массовой информации разных стран мира. В них принимали участие не только знатоки русского языка, но и представители государственной власти и органов образования, зарубежные писатели, журналисты, общественные деятели, ректоры вузов, выдающиеся ученые-русисты.

30 октября — 2 ноября 2011 года состоялся заключительный этап I Всемирного фестиваля русского языка. 31 октября и 1 ноября прошли финальные конкурсы для всех категорий участников: написание творческих письменных работ, составление монологов-импровизаций на заданные темы, конкурс русской песни. В ходе этих конкурсов участники стремились показать свой уровень владения русским языком и знание российской культуры и истории. В эти же дни для участников фестиваля была организована разнообразная культурная программа: посещение музеев и театров Санкт-Петербурга и его пригородов. Кроме того, в рамках фестивальных дней прошли круглые столы, семинары, выставки новинок учебно-методической литературы.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В рамках заключительных мероприятий Всемирного фестиваля русского языка были проведены круглый стол и методический семинар для зарубежных преподавателей русского языка и литературы.

Круглый стол на тему «Русский язык и русская культура за пределами России» был проведен 31 октября 2011 года в помещениях выставочного центра «Ленэкспо», 7-й павильон. Модераторами круглого стола были Л. А. Вербицкая, президент МАПРЯЛ, президент СПбГУ и Е. Е. Юрков, генеральный секретарь МАПРЯЛ, директор Института русского языка и культуры СПбГУ.

На круглом столе с сообщениями выступили:

– Валерий Петрович Абрамов, декан филологического факультета Кубанского гос. ун-та, д-р филол. наук, проф.;

– Клобукова Любовь Павловна, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, проф.;

– Попова Татьяна Игоревна, проф. кафедры РКИ и методики его преподавания СПбГУ, д-р филол. наук, нач. Научно-методического отдела Института русского языка и культуры СПбГУ;

– Рогова Кира Анатольевна, проф. кафедры РКИ и методики его преподавания СПбГУ, д-р филол. наук, гл. редактор журнала «Мир русского слова»;

– Химик Василий Васильевич, зав. кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов СПбГУ, д-р филол. наук, проф.

Начала дискуссию К. А. Рогова, которая поставила вопрос о взаимодействии русского литературного языка с другими составляющими языка национального — просторечием, диалектами и жаргонами. В качестве критериев допустимости использования внелитературных языковых средств в современных текстах художественной литературы и публицистики, — с точки зрения К. А. Роговой, — могут выступать ситуационная обусловленность употребления и адекватность их экспрессивно-оценочных значений целеустановке говорящего.

Тему продолжил проф. В. В. Химик. Он обратил внимание на положительные процессы, происходящие в русском языке в последние годы: интенсивное обогащение словарного запаса, востребованность письменной формы речи в интернет-общении, речевое раскрепощение и речевая свобода. В то же время он отметил отсутствие привычки к сознательному выбору речевого средства.

В выступлении проф. Т. И. Поповой был поднят вопрос об общем состоянии российской культуры, о котором, с точки зрения докладчика, можно судить по доминантам речевого поведения современного россиянина. Докладчик отметил повышение агрессивности в речевом поведении современного человека, что, свидетельствуя о болезненных процессах в обществе. может вести к серьёзным нарушениям в культурных традициях. Наблюдение за речевым поведением человека в новой сфере общения — Интернете — позволяет сделать некоторый оптимистический прогноз.

Интернет-общение — самая неконтролируемая сфера общения, самая незащищенная сфера общения, в ней нет строго закрепленных правил. В нем меньше всего действуют нормы, которые определяются статусом человека. В нем трудно определить характер общения — официальный / неофициальный. В общем, все характеристики собеседников — пол, возраст, профессия и т. д. — становятся нерелевантными в интернет-общении.

В этой ситуации агрессивность, казалось бы, должна стать доминантной чертой речевого поведения. Однако оказалось, что пользователи Интернета способны к самоорганизации. Повышенный риск возникновения конфликтов привел к тому, что в Интернете появился сетевой этикет (сетикет). «Сетяне» не создают нового этического кодекса поведения, они пытаются защитить свои человеческие права в новых, дающих большие возможности, обстоятельствах общения. От хаоса и вседозволенности в сетевом общении они пытаются перейти к цивилизованному поведению. Этот процесс идет по пути размежевания, дифференциации групп пользователей, придерживающихся одинаковых взглядов на нормы речевого поведения в коммуникативном пространстве Интернета и следующих одинаковым правилам. Все это позволяет с некоторым оптимизмом посмотреть на будущее российского общества и состояние российской культуры.

Проф. Л. П. Клобукова переключила внимание участников круглого стола на другую важную проблему — проблему межкультурной коммуникации в деловой сфере. Одной из важных задач, с ее точки зрения, является создание комплекса научно-методической литературы, описывающей проблемы межкультурной компетенции. Отсутствие межкультурной компетенции у участников межкультурной коммуникации приводит к коммуникативным неудачам. Цель такого научно-методического комплекса не перевоспитывать представителей других культур, а предупредить недопонимание в их деловых взаимоотношениях.

В дискуссии приняли участие В. А. Степаненко (зам. Директора ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова), Ю. Е. Прохоров (ректор ГосИРЯ им. А. С. Пушкина), зарубежные учителя русского языка А. Деянова-Атанасова, Б. Сандстром и другие.

Методический семинар «Новый учебник. Как его сделать интересным?» был проведен 1 ноября 2011 года в Доме молодежи «Царскосельский» (Малый зал). Присутствовали 57 преподавателей русского языка и литературы из зарубежных стран и Российской Федерации. Вела семинар заместитель директора Секретариата МАПРЯЛ по научной работе, доц. СПбГУ, канд. филол. наук Н. О. Рогожина. На семинаре выступили:

– Леонид Викторович Московкин, проф. кафедры РКИ и методики его преподавания СПбГУ («Учет новейших достижений науки в практике создания учебников по РКИ»),

– Татьяна Игоревна Попова, профессор кафедры РКИ и методики его преподавания СПбГУ («О принципах построения учебника нового поколения (на примере учебного комплекса „Русское поле“)»).

– Ольга Андреевна Лазарева, доц. кафедры РКИ и методики его преподавания СПбГУ («Лексический материал в учебниках русского языка как иностранного»).

В докладе Л. В. Московкина рассматривались новейшие достижения методической науки: лингвометодические исследования последних лет, лингвопсихологические исследования, лингвокультурологические исследования, теория тестирования и демонстрировались возможности их учета в практике создания современных учебников по русскому языку для иностранцев.

Л. В. Московкин рассказал о создании учебника нового поколения «Успех. Элементарный уровень». Он раскрыл основные принципы создания учебника, рассказал о его стуктуре, особенностях текстов и упражнений, продемонстрировал урок учебника и рассказал об особенностях работы по нему в иностранной аудитории.

В докладе Т. И. Поповой «О принципах построения учебника нового поколения (на примере учебного комплекса „Русское поле“)» были названы принципы построения учебника нового поколения для продвинутого этапа обучения (2-й сертификационный уровень по шкале уровней ТРКИ):

– комплексность, обучение всем видам речевой деятельности;

– соответствие стандартам владения РКИ и требованиям, предъявляемым к коммуникативной компетенции обучаемого в рамках определенного уровня;

– коммуникативность, направленность на обучение речевой деятельности;

– направленность на работу в аудитории и самостоятельную работу студента (Книга для студента, Книга для преподавателя, Рабочая тетрадь, CD и DVD диски);

– соединение коммуникативной грамматики с текстовым подходом;

– проблемность обучения;

(Окончание на с. 20)

Т. П. Млечко

ЯЗЫК ЛОМОНОСОВА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

TATYANA P. MLECHKO
LOMONOSOV'S LANGUAGE AT HIGHER SCHOOLS OF THE NEAR ABROAD

«Собраться рассеянным народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу?»
М. В. Ломоносов

В статье представлена ретроспектива и современная оценка заслуг М. В. Ломоносова-филолога перед языком русской науки, перед национальной высшей школой, а также перед Российским государством, единству и сплочению которого способствовало создание единых норм литературного языка. Язык Ломоносова в настоящее время в разном объеме сохранился и востребован как язык высшего образования в странах ближнего зарубежья и в этом качестве играет важную роль в упрочении единого коммуникативного пространства СНГ.

Ключевые слова: русский язык, М. В. Ломоносов, язык образования, язык науки, адаптация терминологических заимствований, единая языковая норма, геополитическая роль русского языка, языковая скрепа коммуникативного пространства Содружества.

The paper focuses on the position in the list of M. V. Lomonosov's merits for science and motherland which in modern interpretation is of particular importance for the unity of educational and scientific CIS space. It provided the intellectuals of the new generation, appearing in new geopolitical conditions, could cooperate efficiently in it. It concerns the preservation of Lomonosov's language at Russia's near abroad universities as the language of instruction or an academic subject.

Keywords: Russian language, M. V. Lomonosov, language of instruction, language of science, term adoption, standard, geopolitical role of Russian language, language clench of CIS communicative space.

Татьяна Петровна Млечко

Доктор педагогики, профессор, ректор Славянского университета в республике Молдова, член Президиума МАПРЯЛ
► Mlechko@yahoo.com

В перечне заслуг М. В. Ломоносова перед наукой и Отечеством есть одна не часто упоминаемая позиция, которая в актуальном для сегодняшнего дня преломлении имеет особое значение для обеспечения единства образовательного и научного пространства СНГ с целью эффективного сотрудничества в нем интеллигенции нового поколения, формирующейся в изменившихся геополитических условиях. Речь идет о сохранении в вузах ближнего зарубежья России литературного языка, одним из создателей которого был Ломоносов, — в качестве языка обучения или учебного предмета.

По исторически сложившейся традиции языком образования и научного общения в гуманитарном пространстве Содружества является русский.

Именно М. В. Ломоносов сделал его языком высшего образования и науки в России. В 1745 году он хлопочет о разрешении читать публичные лекции на русском языке и в июне 1746 года впервые по-русски начинает их читать. 24 июня 1746 года публикуется сообщение «Санктпетербургских Ведомостей» о чтении М. В. Ломоносовым публичных лекций по физике: *«Сего июня 20 дня, по определению Академии Наук президента... Кириллы Григорьевича Разумовского, той же Академии профессор господин Ломоносов начал о физике експеримен-*

тальной на российском языке публичные лекции читать, причем, сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей, и сам президент Академии с некоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами присутствовал. Для сегодняшнего (25 июня) праздника вторая лекция отложена до наступающего четверга, а впредь оные будут продолжаться по вторникам и пятницам, от 3 до 5 часов пополудни» [3: 363–364].

Известно, что в те времена русский язык не приветствовался учёными-иноземцами, с позицией и положением которых в Российской Академии М. В. Ломоносов не был согласен. В письме от 30 декабря 1759 года «сиятельнейшему рейсграфу» М. И. Воронцову «всеуниженный и всеусердный слуга Михайло Ломоносов» писал: «*Иностранные в Канцелярии члены против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки приращения ученых россиян*» [Там же: 619–628]. В сочинении «Похвальное слово» (1749) великого ученого и патриота России не случайно из уст правительницы России изложен призыв: «*Обучайтесь прилежно. Я видеть Российскую Академию, из сынов российских состоящую, желаю. ... Простирайтесь в обогащении разума и в украшении Российского слова*» [1, т. 8: 254–255].

Большая часть студентов писала на латыни лучше, чем по-русски. Реформа Ломоносова состояла во введении родного русского языка как основы обучения. В 1758 году им были введены «российские классы», «чего с начала гимназии до него не бывало» [Там же, т. 10: 403]. В том же письме М. И. Воронцову Ломоносов сообщает: «Введенными мною российскими классами в Гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким же образом и о Университете крайне стараюсь, но мало к тому моего авторитету».

Тем не менее, столетие спустя, именно к его «священной тени» были обращены слова благодарности М. П. Погодина в «Воспоминании о Ломоносове в торжественном столетнем собрании Московского Университета, 12 января 1855 года» за то, что «дал почувствовать впервые прелесть родного языка... доставил ему [Университету] первых наставников русских, своих воспитанников»:

«...Ломоносову, Ломоносову, должны мы ныне воздать подобающую ему честь! Твои намерения, твои мысли, твои семена не исчезли. Они живут и дают жизнь.

Русская словесность тобою насажденная, красуется плодами блистательными.

...Есть ещё живая, родственная связь между Ломоносовым и Университетом — настоящее русское слово, которое он установил, которое возделать и возрастить досталось после него Московскому Университету» [3: 619–620].

Стать языком образования, то есть языком обучения наукам, возможно только, если у науки есть свой голос на этом языке. Этим российские науки тоже обязаны Ломоносову. Об этом хорошо сказано в той же речи М. П. Погодина, где он размышляет о личности, которой «предоставлено было судьбою ...продолжать дело Петрово в области самой высокой, преобразовать родной язык и посадить европейскую науку на Русской почве...» [Там же: 619–620].

Велика и бесспорна роль Ломоносова в формировании русского научного языка. Прекрасное знание родного языка, использование языков классических — латинского и греческого, владение несколькими западноевропейскими языками в сочетании с обширными сведениями в точных науках, литературная одаренность и многогранная талантливость натуры в разных сферах (см: [2]) позволили М. В. Ломоносову заложить фундаментальные основания русской технической и научной терминологии. Понятно, что, помимо самобытной национальной почвы, базой для создания научного языка были европейские языки различных областей науки. В связи с этим важны изначально установленные и не утратившие своей актуальности правила и рекомендации по адаптации чужестранных заимствований: оставлять непереведенными слова лишь тогда, когда невозможно подыскать равнозначное русское слово или же когда иностранное слово уже получило распространение, и в этом случае придать иностранному слову форму, наиболее близкую русскому языку.

Будучи создателем российской национальной образовательной системы (Регламент академической гимназии» 1758 г., а также «Проект школьной системы» 1760 г.), М. В. Ломоносов первым в истории русской педагогики систематизировал методы и приемы обучения, обозначив многие из них на русский манер.

Важно подчеркнуть, что Ломоносов не отстраненно создавал термины, а органично вводил их в практику вербального изложения собственных мыслей и исследовательских наработок в разных областях, формируя научный стиль русской речи. Оценивая в этом плане свой собственный вклад, М. В. Ломоносов писал в 1762 году: «*На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражению идей трудных, о чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всяких письмах употребляемые из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит*» [1, т. 10: 352].

Постоянно по разному поводу и разными способами Ломоносов убеждал приверженцев иноземной речи в том, что русский язык — это язык философии, науки, техники, политики; на русском языке можно передать «тончайшие философские воображения и рассуждения; многоразличные естественные свойства и перемены... в строении мира и человеческих обращениях» [Там же, т. 7: 392].

Необходимо подчеркнуть, что подобные этому и иного рода яркие и эмоциональные высказывания М. В. Ломоносова о русском языке демонстрируют убежденность в его не ограниченных ничем возможностях.

Примером тому может служить характеристика достоинств родного языка, данная М. В. Ломоносовым в предисловии к «Российской грамматике»: «*...В нём великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильная в изображениях краткость греческого и латинского языка*» [Там же, т. 7: 391]. Это хрестоматийное, широко известное изречение — звено в цепочке ему подобных утверждений великого ученого относительно того, что «повелитель многих языков, язык российский не только обширностью мест, где он господствует, но купно собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе».

Однако не только филологическое, но и патриотическое звучание содержат эти высказывания.

Так, именно с «обширностью мест, где он [язык] господствует» связана еще одна заслуга М. В. Ломоносова перед Отечеством, поскольку единый в своих нормах и правилах язык способен послужить сплочению земель и единству народа, говорящего на едином языке. В этом ещё одно предназначение и роль «Российской грамматики», выдержавшей 14 изданий и не потерявшей своего научного значения до сих пор. Таким образом, создание Ломоносовым норм литературного языка в течение 20 лет филологических изысканий приобрело и общественно-политическое значение, так как способствовало централизации государства.

В «Предисловии о пользе книг церковных в русском языке» 30 декабря 1759 г. М. В. Ломоносов пишет как о «подтверждении нашего преимущества» о том, что «*народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах*» [3: 195].

Несмотря на значительную временну́ю дистанцию, мысли М. В. Ломоносова относительно общественной роли языка не перестают быть актуальными не только для России, но и для того исторически сложившегося геополитического пространства, на котором в течение веков русский язык достаточно широко использовался в самых разных сферах. — «*Собраться рассеянным народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу?*» [1, т. 7: 91].

Чтобы сохранить русский язык как одну из прочных и значимых скреп постсоветского гуманитарного пространства, он должен быть сохранен в системе образования, в том числе высшего, которое и является поставщиком кадров для науки, а также для других сфер, в которых развивается межгосударственное сотрудничество.

Постоянно осуществляемый нами обзор различных источников информации по различным странам СНГ и Прибалтики дает противоречивую и постоянно меняющуюся картину положения русского языка в высшей школе. Именно поэтому её непросто представить в цифрах и деталях, однако о ситуации можно достаточно определенно судить по тенденциям, которые просматриваются через характерные особенности положения русского языка в системе высшего образования государств ближнего зарубежья России. Примеры по отдельным странам, иллюстрирующие и подтверждающие наши выводы, мы представляем по версии портала ГРАМОТА.РУ, поскольку именно она содержит однотипную информацию о положении русского языка в интересующем нас ареале без тенденциозных комментариев.

– В некоторых странах обучение на русском языке сохранено в государственных вузах.

Двухпоточное образование — параллельные потоки с обучением на национальном и русском языках — ведется в достаточно полном объеме только **в Беларуси и Казахстане:** также студентами языки друг друга изучаются как предмет.

– Нередко обучение на русском языке вытесняется в **частные вузы либо** предлагается в государственном вузе **на контрактной основе**, то есть на коммерческой, платной.

С 1999 года, согласно Закону об образовании, в государственных вузах **Латвии** обучение должно вестись только на латышском языке (исключения существуют в области филологии). Спрос на высшее образование на русском языке остается значимым: на нём учатся в девяти из пятнадцати частных вузов.

– Существует практика, когда русский язык в вузах изучается **как предмет**, как язык специальности.

В **Узбекистане** во всех 63 вузах в качестве обязательного учебного предмета изучают русский язык. Наиболее крупные высшие учебные заведения, в которых функционируют факультеты русской филологии или русскоязычные группы, расположены в Ташкенте, Ташкентской, Самаркандской, Навоийской, Андижанской, Ферганской и др. областях.

Свой вклад в подготовку специалистов, владеющих русским языком, вносит вузовская система **Армении**. В 16 государственных вузах русский язык изучают на первых 2 курсах. В течение всего периода обучения русский язык изучают в 6 филиалах российских вузов. Особую роль в этом процессе играет Российско-Армянский государственный университет (РАУ), в котором на русском языке обучается 1200 студентов.

– Преподавание в высшей школе предписано вести только на государственном языке.

Преподавание в туркменских высших учебных заведениях ведется исключительно на туркменском языке. В стране нет филиалов российских вузов. В **Туркмении** практически не осталось вузов, готовящих преподавателей русского языка и литературы для старших классов средних школ и высших учебных заведений, за исключением небольшого отделения в пединституте г. Туркменабата, выпускающего ежегодно всего 5–6 специалистов по русскому языку и литературе.

В 1999 году Конституционный суд **Украины** принял решение, по которому было запрещено получать высшее образование на русском языке.

– Показателем интереса к российскому образованию служит востребованность мест по квотам, предоставляемым РФ.

Несмотря на наличие объективных и субъективных трудностей, среди выпускников школ **Грузии,** особенно среди наших соотечественников, сохраняется высокий процент желающих продолжить свое образование в российских вузах. В России учится несколько сот студентов из Грузии. Большой интерес проявляется к стипендиям, выделяемым Министерством образования России и Правительством Москвы для грузинской стороны.

– Актуальной остается потребность в открытии **филиалов российских вузов** в странах ближнего зарубежья, что юридически непросто решается в отдельных государствах.

В 18 **азербайджанских** вузах и средних специальных учебных заведениях на русском языке обучаются 20 тыс. студентов. Преподавание на русском языке ведется и в филиалах российских вузов, однако они до сих пор не имеют правового оформления из-за отсутствия межправительственного соглашения о порядке их открытия и функционирования.

– Стабильно положение в разных странах СНГ не одинаковых по своему учредительному статусу Славянских университетов, где обучение ведется на русском языке.

В **Киргизии** прочные позиции русский язык сохраняет и в сфере высшей школы. В большинстве киргизских вузов преподавание ведется на русском языке. Примером успешного двустороннего взаимодействия не только в области образования, но и гуманитарной сфере в целом стал Киргизско-Российский славянский университет (КРСУ). Открытый в 1993 году, он стал первым университетским проектом России со странами ближнего зарубежья, одним из самых престижных и авторитетных учебных и научных центров не только республики, но и всего Центрально-Азиатского региона.

Чтобы не разрушать цельность картины по каждой из стран, мы сохранили в приведенных выше примерах и ту информацию по высшей школе, которая выходит за пределы иллюстрируемого положения. Действительно, многие ситуации являются комплексными. Примером тому может служить Республика Молдова.

Как информирует тот же портал ГРАМОТА.РУ, **в Молдове** прекращено обучение на русском языке по ряду престижных и востребованных специальностей. Сокращение количества групп с русским языком обучения приводит к тому, что желающие получить высшее образование на русском языке вынуждены поступать в частные учебные заведения.

Добавим к этому, что в большинстве вузов РМ есть только отдельные русские группы, которые обучаются в смешанном языковом режиме. Возможно поэтому о реальном положении русского языка в сфере высшего образования трудно судить по данным статистики. В официальном статистическом ежегоднике РМ, в соответствующем разделе, есть такие количественные показатели, как «Учащиеся в школах, гимназиях и лицеях по языку обучения», «Учащиеся в колледжах по языку обучения», «Учащиеся в учреждениях среднего профессионального образования по языку обучения», но нет таких сведений по высшим учебным заведениям, хотя ежегодно вузы объявляют набор абитуриентов в русские группы (до 25% мест), правда, не на все специальности. Также в Молдове не однажды озвучивалась идея перевода всего государственного высшего образования на государственный язык. В проекте нового Кодекса об образовании образца 2008 года предлагалось перевести только на государственный язык обучение в вузах по отдельным специальностям, среди которых медицина, юриспруденция, государственное управление [5; 6]. С 1997 года в РМ существует Славянский университет. С одной стороны — это доказательство соблюдения языковых прав человека на выбор языка образования в РМ, с другой — свидетельство того, что право это платное для равноправных русскоязычных граждан, поскольку, несмотря на многочисленные попытки, в Молдове не удалось реализовать типовой межгосударственный российско-молдавский проект по созданию Славянского университета [4].

Констатируя противоречивость ситуаций с русским языком в системе высшего образования в государствах ближнего зарубежья России, необходимо также констатировать факт его сохранения в какой бы то ни было форме и факт того, что в настоящее время эта тенденция в общем пространстве доминирует. Понятно, что на первом плане в республиках закрепление позиций государственных языков, активное приобщение к международному английскому языку, беспечная уверенность в том, что русский язык «и так сохранится». В связи с этим напоминание о языке Ломоносова, о языке высокоразвитой науки и эффективной образовательной системы, основы которой были заложены великим российским ученым, сегодня как никогда актуально в плане сохранения общего гуманитарного пространства и общего языка коммуникации в его пределах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1959, 1989.
2. Михайло Ломоносов. М., 1989.
3. Михаил Васильевич Ломоносов // «Русскій миръ в лицах». М., 2004.
4. *Млечко Т. П.* Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. Кишинев, 1999.
5. *Млечко Т. П.* Родной язык нетитульного населения страны как язык высшего образования (русскоязычная вертикаль образования в Республике Молдова) // Слово в межкультурном и межличностном общении: Сб. тезисов. Washington, 2009. С. 16–19.
6. *Млечко Т. П.* Родной язык нетитульного населения страны как язык высшего образования // Russian Language Journal, ACTR. Vol. 59. Washington, 2009. С. 37–49.

[культура речи]

УВАЖАЯ СВОЙ ЯЗЫК — УВАЖАЙ СЕБЯ!

Ирина Борисовна Дягилева,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИЛИ РАН

В последние годы в прессе широко обсуждается тема спасения русского языка, необходимости усилий всего общества для его сохранения. И эта тема действительно очень важна, ведь каждый из нас говорит не на английском, китайском, немецком, а на русском языке!

Речь является яркой характеристикой личности человека, его индивидуальности. Чем интереснее, точнее выражаем мы свои мысли, тем больше шансов у нас быть услышанными на работе, в кругу друзей и знакомых. И кто знает, может быть, умение найти точное слово поможет нам быстрее добиться карьерного роста и даже обрести близкого человека.

Но проблема в том, что мы часто используем в повседневной жизни малозначащие слова и фразы. Ярким примером этого является наша эмоциональная речь при оценке понравившегося фильма, прослушанной музыки, новой знакомой или знакомого. Например, если судить по материалам Интернета, со словом фильм часто употребляются такие прилагательные, как классный (341 тыс.), прикольный (240 тыс.), клевый (88 тыс.), офигенный (80 тыс.), крутой (60 тыс.), обалденный (39 тыс.), улетный (4 тыс.). Пожалуй, понятно — фильм, оцененный таким образом, собеседнику понравился, но разницы в оценке явно не ощущается. Может быть, стоит вспомнить, что фильм бывает просто хорошим, отличным, ярким, прекрасным, замечательным? А если выбрать что-то посвежее? Этот фильм чудный, милый, незаурядный, симпатичный, блистательный, славный...

Как известно, за каждым словом стоит определенный образ. Какой образ вам ближе: балда (бестолковый, глупый человек), фига (кукиш), прикол (свая, кол, укрепленные в земле, для причала, привязи; на приколе — бездействовать, не работать)? Или чудо (диво, необычайная вещь или явленье), слава (почетная известность), симпатия (влечение, внутреннее расположение)...

Образ человека складывается не только из его внешности и одежды, а прежде всего из того, как он говорит (вспомните Сирано де Бержерака и прекрасную Роксану!). И это значит, что времени на свою речь надо тратить даже больше, чем на массаж, косметику и журналы мод. Эмоциональная красивая речь — важный способ очаровать собеседника, способ показать уважительное отношение к окружающему миру. Попробуйте вместо привычных, надоевших слов, употребить слово яркое, точное, достойное, ведь слово — выражение духовной сущности человека.

И тогда вы внесете свой важный вклад в сохранение родного языка и, уважая свой язык, будете уважительно относиться к себе!

Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская

«КАРТИНА МИРА»: СОДЕРЖАНИЕ, ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ОБЩАЯ ИЕРАРХИЯ ЕЁ СОСТАВЛЯЮЩИХ

NINA A. LYUBIMOVA, ELENA V. BUZALSKAYA
THE "WORLD VIEW": CONTENTS, TERMINOLOGICAL STATUS AND THE GENERAL HIERARCHY OF ITS COMPONENTS

Нина Александровна Любимова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ
► nina-lubimova@yandex.ru

Елена Валериановна Бузальская

Кандидат педагогических наук, ассистент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ
► helve@yandex.ru

Статья посвящена проблеме содержания и терминологического статуса картины мира, её отношения к производным картинам мира (религиозной, мифологической, художественной и др.), а также вопросу допустимости синонимии картины мира, модели мира, образа мира в различных дисциплинах.

Ключевые слова: картина мира, модель мира, образ мира, языковая картина мира, терминологический статус, соотношение картин мира.

The article focuses on the problems of contents and terminological status of the world view in different fields of science (philosophy, psychology, linguistics, anthropology etc.), on the problem of the correlation between world view, linguistic world view, world image, world model, etc.; and contains the drawing of hierarchy of the main world views.

Keywords: world view, world image, world model, linguistic world view, terminological status, hierarchy.

Антропоцентризм, ставший в XX веке основным вектором развития многих наук, привел к обновлению их категориального аппарата терминами и понятиями[1], статус которых до сих пор трактуется неоднозначно. Одним из таких элементов, содержание которого продолжает интуитивно варьироваться исследователями в силу сложности разграничения в нем субъективного и объективного компонентов, является *картина мира*. В некоторых сферах науки она осталась понятием, в других используется и как понятие, и как термин. В настоящее время оказывается затруднительным указать конкретную область возникновения данного понятия и определить момент его терминологизации[2]. Как правило, автором термина называют Л. Витгенштейна, представителя аналитической философии, который в 1918 году в «Логико-философском трактате» говорил о *картине мира* (Bild der Welt) [5: 7], или *картине действительности* (Bild der Wirklichkeit) [Там же: 19]. Для него подобная «картина представляет собой определенную ситуацию в логическом пространстве, представляет существование и не-существование со-бытий» [Там же: 8]. Вариативность формулировки свидетельствует о том, что в данном случае *картина мира* не является термином и не несет в себе скрытых отсылок к какой-либо теории. Согласно точке зрения В. П. Руднева, термин *картина мира* «восходит не к Л. Витгенштейну, а к Л. Вайсгерберу» [27],

который в 1930-е годы писал: «В языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют *картиной мира* конкретного языка» [3: 210]. И Л. Витгенштейн, и Л. Вайсгербер развивали мысль о взаимозависимости двух феноменов — языка и мышления, но для первого язык был своего рода границей между миром мыслимым и миром непознаваемым; для второго — особого рода системой, сетью, видом коллективной памяти народа. И поэтому Л. Витгенштейн понимает *картину мира* (далее — КМ) широко[3], а в теории Л. Вайсгербера она становится *термином* категориального аппарата, как и у всех последователей В. фон Гумбольдта[4].

В конце XIX — начале XX века словосочетание *картина мира* встречается и в работах других немецких филологов, философов, культурологов и антропологов, а также представителей естественных наук[5]. В их работах о картине мира традиционно говорится как об *изображении*, *отражении*, *отображении*, что свидетельствует о буквальном, не переносном значении, т. е. о ее понятийном статусе. Такое понимание обнаруживается преимущественно в естественных науках. Например, в физике это «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [8: 65]. В данном случае речь идет не о естественном формировании субъективных представлений об окружающем мире, а о логическом построении объективной символьной (математической) схемы мира. В свою очередь, О. Шпенглер, говоря о *картине мира*, делил ее на «природу» и «историю», понимая последнюю как «картину *памяти*» человечества: «Великая задача познания мира <…> в каждом случае остается одинаковой: выразить во всей чистоте язык форм той картины мира, которая заповедана бодрствованию отдельного человека и которую ему, поскольку он не сравнивает, приходится считать «самим» миром» [32: 256–260]. В антропологии *картина мира* чаще всего используется для обозначения схематичного изображения мироустройства, свойственного цивилизациям в бесписьменный период развития. Изображения подобного рода, пространственно или темпорально ориентированные, есть у индейцев северной, южной Америки, скандинавов, египтян, ненцев и многих других народов.

Исследования, посвященные КМ, в целом выявляют две исходные позиции: КМ как свидетельство становления сознания человечества и как свидетельство формирования конкретной личности. В словаре терминов философии науки под КМ понимается «общее представление о мире, его устройстве, типах объектов и их взаимосвязях» [21: 95]. Поскольку любая совокупность представлений человека об окружающем мире базируется на механизмах и процессах мировосприятия, мироощущения, миропонимания и мироосознания, то к «представлению о мире» возможно отнести мировосприятие и мироощущение, а к «представлению о его устройстве, типах объектов и их взаимосвязях» — миропонимание и мироосознание. Мировосприятие и мироощущение — первичные психические процессы: им соответствует *образ мира.* Миропонимание и мироосознание как результаты осмысления сигналов, полученных в результате мировосприятия и мироощущения, формируют *модель мира*[6]. Таким образом, целостному мировидению (или мировоззрению), о котором говорил В. фон Гумбольдт, соответствует *картина мира*, представляющая собой феномен из двух уровней: уровня отраженных сознанием индивида физических явлений — образа мира и уровня переосмысления полученных сигналов — модели мира. Так, например, с философской точки зрения создание КМ индивидом — метафорическое обозначение процесса его самоопределения, сопровождающегося выделением себя из окружающего пространства: «превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в субъекта» [31: 49]. Это положение, когда «солнце не светит больше изнутри человека» [2: 229], а изучается им как внешний объект. В данной области науки *картина мира* может заменяться понятием *модель мира*, поскольку указывает на механизм систематизации представлений человека об окружающей его

действительности. О *картине мира* как о модели становления самосознания человечества пишет и Карл Ясперс: «Человек издавна создавал для себя картину универсума: сначала в виде мифов (в теогониях и космогониях, где человеку отведено определенное место), затем калейдоскопа божественных деяний, движущих политическими судьбами мира (видение истории пророками), еще позже — данного в откровении целостного понимания истории от сотворения мира и грехопадения человека до конца мира и страшного суда» [34: 29].

В психологии понятие КМ связано с вопросом восприятия мира — с исследованием психофизических механизмов оценивания объектов окружающего пространства. Поэтому чаще всего оно заменяется синонимичным в данной области знания понятием *образ мира*. Например, А. Н. Леонтьев говорит о том, что чувственное, являясь основой опыта, приводит к возникновению абстракций, которые «создают каркас оппозиций ментального *образа мира*», и тогда «предметный мир предстает в значении, т. е. *картина мира* наполняется значениями» [20: 251–261].

В лингвистике, культурологии и лингвокультурологии при использовании *картины мира* в качестве понятия (в общем, философском значении «мировидения») допустима синонимия *картины мира, модели мира и образа мира*. Эта тенденция прослеживается, например, в следующих определениях: «Картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека» [25: 19–20]; «Картина мира — это порожденная человеком упрощенная замена реального мира придуманной схемой мира или образом мира» [16: 5–6]; «Культурная (понятийная) картина мира — это отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека <…>. Это образ мира, преломленный в сознании человека, т. е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [28: 22]. Единственное, что разделяет понятия *картина, образ* и *модель мира,* — это то, что *картина* и *образ мира* формируются неконтролируемо, произвольно, а *модель мира* — «сознательное воспроизведение объекта-оригинала теми или иными средствами» [12: 77].

В существующих определениях *языковой картины мира* (далее — ЯКМ) нет указанной выше синонимии[7], что позволяет предположить, что ЯКМ — термин. Так, например, Е. С. Яковлева под языковой картиной мира понимает «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [33: 47]. В определении В. В. Красных «языковая картина мира — сложно организованное семантическое пространство» [17: 54]. Для Ю. Н. Караулова это «отраженное в языке и выраженное с помощью языка упорядоченное представление об устройстве окружающей реальности» [11: 161]. По мнению Е. С. Кубряковой, — «часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [18: 142] и т. д. Иначе говоря, ЯКМ — система, фиксирующая результаты работы сознания, но не самостоятельное пространство, так как «язык не может создавать отдельного от человеческого сознания мира, он сам по себе уже выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира» [15: 37].

Несмотря на то что терминологический статус *языковой картины мира* не вызывает сомнений, неопределенность статуса самой КМ оказывает влияние и на неоднозначность трактовки ЯКМ. Так, например, О. А. Корнилов говорит о необходимости «перенести понятие „языковая картина мира“ из разряда красивых метафор в категорию научных терминов» [16: 1].

Таким образом, оперирование понятием или термином *картина мира* предполагает учет: 1) того, с каких позиций (философии, психологии, лингвистики, культурологии или др.) рассматривается ее содержание; 2) в широком (понятийном, метафорическом) или узком (терминологическом) значении используется — от этого зависит принципиальная возможность или невозможность синонимических замен, а также сама структура КМ (наличие двух начал — образного и моделирующего — или только одного); 3) в рамках какой школы и в каких целях трактуется.

Помимо определения статуса КМ, важным является вопрос об иерархии картин мира. В работах, созданных в 1920–1950-е годы Л. Вайсгербером, Л. Уорфом, Э. Сепиром, Э. Кассирером и другими последователями В. Фон Гумбольдта, наряду с термином *языковая картина мира* встречаются также *наивная картина мира*, *научная*, *религиозная, мифологическая и художественная*. Так, например, ЯКМ в их работах сближалась, а в некоторых случаях и прямо отождествлялась (как, например, в трудах Л.Уорфа) в своем значении с *научной*, поскольку она представляет собой основанную на многовековом эмпирическом опыте народа систематизацию явлений и объектов окружающего мира. Власть языка над научным познанием подчеркивалась также в работах Э. Кассирера: «Отправной точкой всякого теоретического познания является уже сформированный языком мир: и естествоиспытатель, и историк, и даже философ видит предметы поначалу так, как им их преподносит язык» (цит. по: [26: 116]).

В настоящее время в работах ученых прослеживается позиция сближения *языковой* картины мира с *наивной*, понимаемой как «реальные представления о мире и человеке, свойственные чертам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [12: 77]. Так, например, Ю. Д. Апресян использует понятие *наивная языковая картина мира*, понимая её как «отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1: 39]. Ю. Н. Караулов и Ю. Н. Филиппович говорят о *наивно-языковой картине мира*, различая «научную картину мира и языковую, или наивно-языковую» [11: 8], полагая, таким образом, языковую картину мира абсолютным синонимом наивно-языковой и противопоставляя её научной.

Отношение научной и наивной КМ к ЯКМ можно определить как влияние системы представлений о мироустройстве (научной или интуитивной) на конкретный способ её фиксации — язык, где «язык выступает <…> лишь формой выражения понятийного (мыслительного, абстрактного) содержания» [14: 25]. В. Б. Касевич описывает эту зависимость (когнитивного от знакового и наоборот), обращаясь к понятиям филогенеза и онтогенеза: «В филогенезе мысль определяет язык, точнее, в языке закрепляются результаты когнитивного опыта, который носит идиоэтнический характер» [13: 115]; в онтогенезе, напротив, каждый человек «получает существеннейшую долю уже „готового“ когнитивного опыта, в языке кристаллизованного» [Там же].

Исходя из сказанного, ЯКМ в равной степени содержит в себе как интуитивную, образную (наивную), так и логическую (научную) составляющие (подобно тому, как КМ содержит в себе образ мира и модель мира) и, следовательно, представляет собой феномен иной структуры, отличной от структур *наивной*, *научной*, *религиозной*, *мифологической* и *художественной картин мира.* ЯКМ соотносима лишь с одним кодом — языком, в то время как остальные указанные картины мира могут быть выражены не только в языковом, но и символьно-графическом, музыкальном и математическом кодах.

В работах представителей когнитивной лингвистики существуют понятия *когнитивная карта мира, когнитивная* и *концептуальная картины мира,* которые часто используются как синонимы [22: 102]. К*огнитивная картина мира* — «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом, являющийся как результатом прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления» [24: 52]. Можно сказать, что это *глобальная картина мира,* включающая в себя основные базовые универсальные концепты человеческого сознания, позволяющие ему ориентироваться в мире и социуме (пространство, время, свое-чужое и т. п.). В то же время «представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи

объективного мира. В значениях <…> фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу» [30: 141]. Отсюда следует, что внутри глобальной КМ представляется возможным выделить *национально-специфическую концептуальную картину мира.*

Так как и глобальная, и национально-специфическая концептуальная картины мира могут получить свое выражение в языковом коде, ЯКМ может рассматриваться как один из возможных вариантов кодировки категорий и концептов, поскольку «как и образ, знак — это конкретное бытие, <…> они оба могут замещать другую вещь» [19: 127].

Картина мира содержит в себе формации и иного порядка: *религиозную*, *мифологическую*, *художественную, научную* и *наивную* КМ, что связано с многогранностью человеческого сознания, пользующегося разными способами и каналами мировосприятия, обеспечивающими его взаимодействие с миром. Так, к рациональному способу относимы опытно-экспериментальный (наивная КМ) и теоретический (научная КМ). К иррациональному — интуитивный (мифологическая КМ) и данный через откровение (религиозная КМ). Художественная КМ (далее — ХКМ) — результат творческой трансформации материала, получаемого сознанием из переосмысления фактов *наивной, религиозной*, *мифологической*, *научной картин мира.*

Выделяемые в настоящее время *фольклорная, христианская, исламская, мусульманская, географическая* и многие другие картины мира представляют собой производные разной величины, однородности и степени удаленности от перечисленных основных картин мира. Так, производные религиозной картины мира можно обозначить как *конфессиональные картины мира*; производные научной картины мира — как *дисциплинарные* (физическая, географическая и т. д.), при дальнейшем делении — *парадигмальные* (смена научных парадигм внутри конкретной дисциплины). Фольклорная КМ, которая, согласно исследованиям, представляет собой отделившуюся со временем от мифа и потерявшую свое исходное значение «часть обряда, мнемонического (сакрального) символа» [4: 31], генетически связана с мифологической. Наивная КМ, согласно приведенному выше определению В. Б. Касевича, неоднородна (связана одновременно со всеми остальными картинами). В силу своей комплексности она становится основным истоком возникновения художественной картины мира, основные функции которой (аккумулятивная, стимулирующая, трансляционная и др.) преимущественно осуществляются посредством языковой картины мира, поскольку «конкретный язык как система содержательно интерпретированных оппозиций есть <…> концентрированное выражение картины мира данного сообщества» [13: 121].

Представляется возможным предположить, что ЯКМ в пространстве культуры относится к основным КМ, как знаковая[8] система относится к описываемой ситуации. Так, например, религиозная КМ может быть выражена через совокупность дискурсов разных конфессий: православного, исламского, протестантского и др. Мифологическая КМ содержит мифологический, героический, сакрально-ритуальный фольклорный дискурс и т. п. К художественной КМ в ее языковом воплощении относимы исследования художественного дискурса, литературного, научно-фантастического и многие другие, вбирающие в себя типы дискурсов и научной, и мифологической, и религиозной КМ.

Оставляя в стороне вопросы диахронии (является ли мифологическое или наивное первоосновой и источником появления научной и религиозной КМ; продиктовано ли существование мифологической КМ уровнем развитости сознания; вторична ли наивная КМ по отношению к остальным, и др.), представляется возможным описать синхронное взаиморасположение картин мира в сознании и культуре следующим образом.

Соприкосновение религиозного (высокого, иррационального, «ниспосланного свыше») с «наивными» представлениями человека о действительности приводит к возникновению внутри глобальной картины мира национально-специфических вариантов адаптации получаемой информации — к возникновению конфессий,

располагающихся на границе соединения наивного и религиозного (рис. 1). Переключение процесса постижения с поиска внутренних причин мироустройства на внешние связывает наивное с областью мифологии. На стыке этих двух КМ возникает национально-специфическое фольклорное — колыбель этикетных формул и моделей социального устройства. Рационализация поиска обеспечивает переход от мифологического к области объективных закономерностей: научной КМ. Здесь связующей прослойкой становится смена парадигмальных картин мира, подчиненных, с одной стороны, определенным циклам, а с другой — базирующихся на неизменности объективных фактов.

Научная и религиозная картины мира, в силу своей центрированности на бесконечной для процесса постижения субстанции (Бог, материальный мир), не подвластной человеку, не полностью включены в поле культуры (в культуру входят только конфессиональная и парадигмальная их составляющие) и обладают своим собственным дополнительным кодом (религиозная — символьным и научная — математическим), поскольку язык, в силу своей антропоцентричности, не способен описывать непознанное.

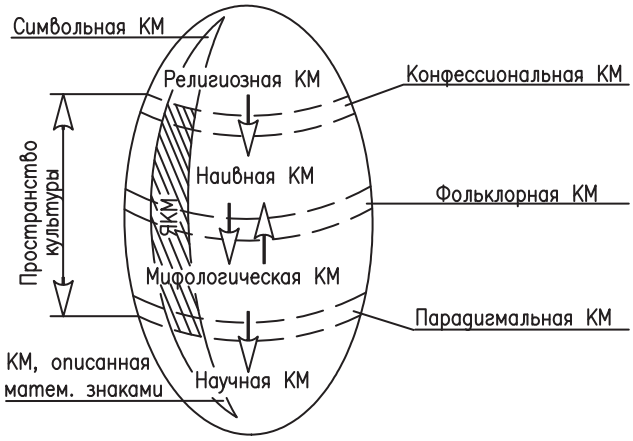


Рис. 1. Структура глобальной картины мира.

Примечание: на рисунке стрелками обозначено взаимодействие или влияние КМ друг на друга; отдельным вертикальным сектором выделена область опосредованных КМ: заштрихованная область представляет собой поле ЯКМ, включающее в себя дискурсы соответствующих КМ, незаштрихованные области — символьная КМ и КМ, описанная математическими знаками. Пунктирными линиями обозначена проницаемость границ основных картин мира: универсального (религиозная, наивная, мифологическая, научная) и национально-специфического (конфессиональная, фольклорная, парадигмальная). ХКМ не отражена в схеме основных картин мира, так как она не может иметь постоянной фиксированной локализации в пространстве культуры, в силу своей «вторичности».

Если же говорить о структуре КМ только как о феномене сознания, оказывается возможным представить процесс воплощения результата работы сознания (продукции) следующим образом: универсальные категории при необходимости корректируются в сфере национально-специфического и получают свое внешнее выражение (языковую реализацию). Процесс же восприятия информации начинается с обработки языкового кода и через национально-специфическое движется к универсальному (рис. 2).

Основные КМ (научная, наивная, мифологическая, религиозная и художественная) пронизывают все три сферы структуры КМ: когнитивную, национально-специфическую концептуальную и языковую. Во внешнем кольце рис. 2 (в когнитивной КМ) они содержат универсальные категориии: архетипы мифов, повторяющихся во всех культурах; основную идею научной парадигмы, синхронной для большинства стран мира, и т. д. Производные КМ (парадигмальная, фольклорная, конфессиональная) принадлежат сфере национально-специфической концептуальной КМ. Особое место художественной картины мира, обусловленное ее комплексным характером, позволяет расположить ее «*на стыке*» всех КМ или «*поверх*» них.

Анализ истории и бытия КМ позволяет предположить невозможность ее окончательной терминологизации. Постоянные колебания в трактовке *картины мира* от понятия к термину и обратно — единственно возможный вариант существования феномена КМ в науке, поскольку антропоцентрическая двойственность (объект сознания и объект культуры одновременно) заложена в ней изначально как неотъемлемая, сущностная, характеристика. Это относится и к другим элементам категориального аппарата науки, которые связывают бытие человека и объекты окружающего его пространства: языковая лич-

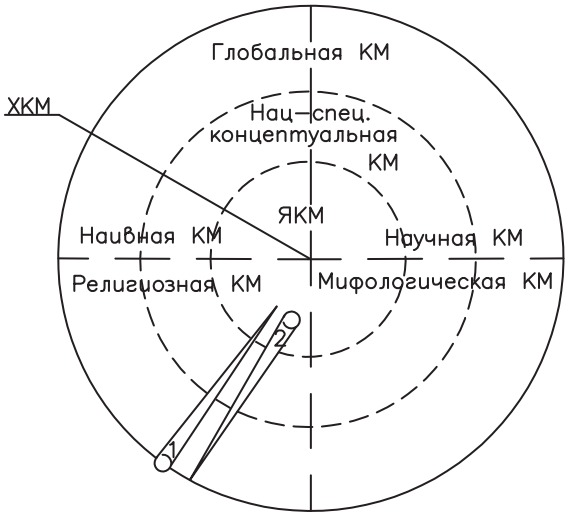


Рис. 2. Соотношение картин мира в сознании человека.

Примечание: конус, отмеченный цифрой «1», указывает на процессы продукции; конус, отмеченный цифрой «2», — на вектор восприятия. Пунктирными линиями обозначена проницаемость границ сфер и основных картин мира.

ность, языковое сознание, образ, концепт, ментальность и т. п.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее «понятие» означает не форму мышления, а элемент категориального аппарата науки (научное понятие).

[2] КМ в качестве *понятия* используется со времен Платона. В Античности она имела значение некой идеальной сущности, в Средние века о ней упоминали при объяснении мироустройства Петр из Альи («Imago mundi» ок. 1410), Таддео из Пармы («Об элементах» 1321) и др.; во времена Великих Географических открытий ею оперировали картографы. Позже КМ использовалась и в других науках. Так, например, Ян Амос Коменски в 1658 году назвал свой иллюстрированный учебник иностранного языка «Orbis sensualium pictus. *Svet v obrazech*». Вероятно, именно вследствие распространенности *понятия* существует так много гипотез возникновения *термина* КМ: М. В. Пименова полагает, что он «принадлежит К. Ясперсу» [23: 8]; в других исследованиях родоначальником термина называют немецкого физика Г. Герца, и т. д.

[3] При широком понимании *картина мира*, *модель мира*, *образ мира*, *видение мира* и *мировидение* могут употребляться «как равнозначные <…> выражения» [9: 31].

[4] В. фон Гумбольдт говорил о том, что «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [6: 80], так как «разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [7: 349].

[5] *Schlenther J. Fl.* Stirb und werde. Ein Weltbild nach Lucrez und andern. Berlin, 1879; *Semler Ch.* Das Weltbild der Ilias und seine Bedeutung für unsere Zeit. Dresden, 1885; *Dannemann Fr.* Wie unser Weltbild entstand. Die Anschauungen vom Altertum bis zur Gegenwart über den Bau des Kosmos. Stuttgart, 1912; *Gruner P.* Das moderne physikalische Weltbild und der christliche Glaube. Berlin, 1922.

[6] Согласно В. Н. Топорову, *модель мира* — «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [29: 161].

[7] По мнению А. А. Залевской, в том случае, если рассмотрение фрагментов *картины мира* происходит с позиции установления фактов национальной специфики языка, необходимо говорить о *языковой картине мира*; если же объектом исследования «является культура, языковое сознание членов определенной лингвокультурной общности, в центре оказывается *образ мира*» [10: 205].

[8] Знак в данном случае понимается как двусторонняя сущность и предполагает наличие двух составляющих — означаемого и означающего (по Соссюру). Потому является ли концепт единицей ЯКМ или, напротив, ЯКМ — лишь один из способов экспликации концепта, представляется зависимым от того, рассматривается ли концепт как единица культуры или единица сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. тр. Т. 2. М., 1995.
2. *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.
3. *Вайсгербер Л.* Родной язык и формирование духа. М., 1993.
4. *Воронцова Т. И.* Текст баллады. Концептуальная картина мира на матер. английских и шотландских баллад. СПб, 2002.
5. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
6. *Гумбольдт В.* Избр. тр. по языкознанию. М., 1984.
7. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М., 1985.
8. *Герц Г.* Три картины мира // Новые идеи в философии. Сб. 11: Теория познания и точные науки. СПб., 1914. С. 65–123.
9. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
10. *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. тр. М., 2005.
11. *Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования. М., 2009.
12. *Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004.
13. *Касевич В. Б.* Язык и культура // Филология. Русский язык. Образование: Сб. статей, посвященный юбилею проф. Л. А. Вербицкой. СПб, 2006. С. 114–123.

14. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

15. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. Изд. 2-е, доп. М., 2005.

16. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.

17. *Красных В. В.* Лингвокогнитивные основы воспроизводимости // Вестн. ЦМО МГУ. 2009. № 3. Лингвокультурология. С. 54–62.

18. *Кубрякова Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 141–172.

19. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.

20. *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв. М.,1983. С. 251–261.

21. *Лебедев С. А.* Философия науки: словарь основных терминов. М., 2004.

22. *Павиленис Р. И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.

23. *Пименова М. В.* Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово, 1999.

24. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.

25. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова. М., 1998. С. 8–70.

26. *Радченко О. А.* Язык как миросозидание: лингвофилос. концепция неогумбольдтианства. М., 2004.

27. *Руднев В. П.* Перевод и параллельный философско-семиотический комментарий // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. «Логос». 1999. № 1. С. 101–130.

28. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур. М., 2007.

29. *Топоров В. Н.* Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161–166.

30. *Уфимцева Н. В.* Язык, культура и образ мира билингва // III Междунар. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». Варшава, 2006. С. 138–144.

31. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Время и бытие. М., 1993.

32. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М., 1993.

33. *Яковлева Е. С.* К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–2–3.

34. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.

[официальные материалы]

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

(Окончание. Начало на с. 5–6)

– использование аутентичных текстов;

– наличие контрольно-измерительных материалов.

В докладе был затронут вопрос о реализации *идеи самонаправляемого обучения русскому* языку и методике его преподавания. Основное отличие данной методики — овладение иноязычной компетенцией с помощью информационно-коммуникативных ресурсов; возможность составления собственной образовательной парадигмы. В рамках реализации этой идеи учебник нового поколения должен быть дополнен интерактивными способами взаимодействия преподавателя и студента в интернет-среде, мультимедийными приложениями, дистанционной доступностью.

В докладе О. А. Лазаревой рассматривался вопрос о современных лексических минимумах для разных уровней владения РКИ, были выделены их недостатки. Докладчик отметил, что существуют возможности оптимизации этих минимумов на основе анализа современных лингвокогнитивных исследований, и в частности теории языковой личности академика Ю. Н. Караулова.

Особая часть доклада была посвящена новым явлениям в лексике русского языка — идиолексемам. Были проанализированы компоненты этих идиолексем — графодериваты. Докладчиком было сформулировано понятие компетенции декодирования символов. Были приведены составленные автором упражнения, позволяющие формировать эту компетенцию.

Докладчикам были заданы вопросы. В дискуссиях по докладам выступили участники семинара — преподаватели из Польши, Грузии, США, Украины, Австрии и Конго.

Участниками семинара были выдвинуты следующие предложения.

1. Обобщить опыт создания современных учебников русского языка для иностранцев.

2. Обобщить предложения по совершенствованию учебников на основе анализа современных лингвистических, психологических и лингвокультурологических исследований.

3. Разработать рекомендации по составлению нового поколения учебников РКИ.

А. В. Уржа

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ИЗОСЕМИИ В ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИСА И СТИЛЯ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ

ANASTASIA V. URZHA

THE USE OF ISOSEMY IN SYNTAX AND STYLE STUDY OF TRANSLATED TEXTS

В статье рассматриваются синтаксические и стилистические характеристики изосемических и неизосемических конструкций (ср. прыгнуть и совершить прыжок) в контексте сопоставления переводов рассказов Эдгара По на русский язык. Результаты исследования показывают, что преобразование одного типа конструкций в другой при переводе сопряжено с изменением семантики текста и его стилистической окраски.

Ключевые слова: синтаксис, синонимия, изосемия, стиль, перевод.

The paper focuses on syntactic and stylistic differences between isosemous and non-isosemous synonyms (to jump vs. to take a jump) used in Russian translations of Edgar Poe's tales. The study shows a construction conversion of one type into another one entails text semantics and stylistics changes.

Keywords: syntax, synonymy, isosemy, style, translation.

Анастасия Викторовна Уржа

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
► English2@yandex.ru

Переводы произведения на другой язык, сосуществующие в литературной среде, представляют необычный материал для изучения грамматики текста, принципов его строения и интерпретации. Выбор переводчиком той или иной синтаксической конструкции из ряда вариантов, которые в системе языка соотносятся как синонимичные, не только воплощает художественный смысл произведения, но и высвечивает семантические потенции каждого типа предложений. Немалый интерес, в частности, представляет употребление изосемических или неизосемических конструкций, близких в денотативном плане, но кардинально различающихся на уровне семантики целого предложения, в комплексе выражаемых ими смыслов, в их стилистической принадлежности и роли в организации текста.

Понятие изосемии было введено Г. А. Золотовой [4] для характеристики соотношения частеречных и специфических категориальных значений полнозначных слов, влияющего на их синтаксические функции. «По признаку соответствия / несоответствия отображаемого категориального значения слова основному категориальному значению данной части речи, основные подклассы частей речи названы изосемическими, периферийные — неизосемическими. (Например, слова *белый*, *петь* принадлежат изосемическим подклассам прилагательного и глагола, а *белизна, пение* — неизосемическому подклассу существительных.) Изосемические подклассы слов образуют и изосемические модели предложений: *Лаборанты испытывают новый прибор. Прибор точен и надежен.* (Ср. с неизосемической конструкцией: *Лаборанты ведут испы-*

тания нового прибора. Прибор отличается точностью и надежностью). Изосемические и неизосемические модели предложений соотносятся как синтаксические синонимы» [5: 108–111]. Умение преобразовывать изосемические обороты в неизосемические, а также правильно использовать их в текстах разных стилей и жанров — важный аспект владения русским языком, осваиваемый иностранными учащимися [2: 36–39].

Сопоставляя конструкции этих двух типов в диахроническом плане, ученые прежде всего указывают на их стилистические различия. В. В. Виноградов в книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» отмечал: «В официально-деловой, научной, публицистической речи часто было существенно стереть или затушевать оттенок индивидуализирующей, нередко фамильярной изобразительности действия, присущий простой форме того или иного глагола» [1: 451]. Использование таких «описательных» оборотов отчасти восходило к церковнославянской традиции (*одержать победу, нанести вину, иметь желание* и т. д.), отчасти они «явились кальками западноевропейских фразеологических сочетаний (*принять участие, иметь успех* и т. д.) и усиленно развивались с половины XVIII века». В последней же трети XIX века, когда резко возросла роль «газетно-публицистического и научно-популярного языка» (испытывающего, в свою очередь, заметное влияние «стилей официальной и канцелярской речи»), обороты типа *оказать воздействие, дать оценку, произвести продажу, подвергнуть наказанию* получили широкое распространение в печати и в речи, вплоть до «языка мещанства» [Там же: 450]. В середине XX века, в период, по выражению О. Г. Ревзиной, «стагнации официального литературного языка» [7: 34] употребление таких оборотов в качестве клише, речевых штампов стало массовым. Их неуместное использование в литературе, в том числе и в художественном переводе, отмечали Корней Чуковский и Нора Галь в статьях о «канцелярите» (см. примеры: *забота постоянно держит в напряжении мой ум* [10]; *производился забор выдыхаемого воздуха*; *его мучили мысли, порожденные состоянием разлуки* и др. [3].

Основой нашего исследования стали результаты сопоставительного анализа вариантов перевода фантастических рассказов Эдгара По на русский язык [9]. Изобилие пассивных конструкций и неизосемических моделей предложений составляет особенность аналитического, «наукообразного» стиля произведений Э. По [11]. Создатели же многочисленных русских переводов выбирали различные стратегии интерпретации оригинала. Синтаксическое строение ряда вариантов оказалось в значительной степени «облегчено» благодаря заменам неизосемических моделей на изосемические, ср. первый и второй переводы:

As I imagined, the ship proves to be in a current; *if that appellation can properly be given* to a tide which... thunders on to the southward... ('Ms. Found in a Bottle').

(1) Какъ я и предполагалъ, корабль находится въ полосѣ теченія — *если только это названіе можетъ быть примѣнено* къ могучему морскому приливу, который... мчится къ югу... (К. Д. Бальмонт*, 1911).

(2) Какъ я и предполагалъ, корабль захваченъ теченіемъ, *если можно назвать* теченіемъ этотъ стремительно несущійся къ югу потокъ... (Аноним. перевод, изд. «Вестника иностранной литературы», 1912).

Under these circumstances, it is not to be wondered at that a *close intimacy arose between the two little captives* ('Hop-Frog').

(1) Неудивительно, что при подобных обстоятельствах *между маленькими пленниками завязалась тесная дружба* (В. В. Рогов, 1970).

(2) Неудивительно, что *оба плѣнника сблизились между собой и подружились* (Аноним. перевод в изд. И. Д. Сытина, 1908).

***The resemblance shall be so striking* that the company of masqueraders will take you for real beasts... ('Hop-Frog').**

(1) *Сходство будетъ такъ поразительно*, что всѣ примутъ васъ за настоящихъ обезьянъ... (М. А. Энгельгардт, 1914).

(2) *Вы будете до того похожи*, что никто и не подумает, что вы не настоящие обезьяны... (М. Викторов, 1927).

***In smoking it was a matter of little importance how much was employed.* Usually, I had half filled the bowl of the hookah with opium and tobacco cut and mingled intimately, half and half ('The Oval Portrait').**

(1) *При куреніи было почти безразлично, какое количество употреблялось.* Обыкновенно, я наполнялъ трубку до половины опіумомъ и табакомъ, и перемѣшивалъ то и другое — половина на половину (К. Д. Бальмонт, 1911).

(2) *Когда куришь, не так важно, сколько взять.* Обыкновенно я брал табака и опиума поровну и затем, измельчив и хорошенько перемешав, до половины набивал трубку этой смесью (Н. Галь, 1976).

Сопоставляя варианты *похожи — сходство, подружились — завязалась дружба, если можно назвать — если название может быть применено, когда куришь — при курении, сколько взять — какое количество употреблялось*, мы наблюдаем пары семантически близких слов (словосочетаний), различающихся по морфологическим характеристикам и синтаксическим потенциям. Первый компонент пары — изосемический, второй — неизосемический. Различие сформированных этими компонентами конструкций значительно: примеры в центральном столбце представляют синтаксически и стилистически усложненные, неизосемические образования, дублирующие построение оригинала, варианты в правом столбце упрощают «способ изложения» информации, используя более короткие изосемические предложения и приближаясь к разговорному стилю. Интересно, что выбор той или иной стратегии не был тесно связан с временем создания перевода, при этом, как будет видно из примеров ниже, переводчики последовательно придерживались выбранного подхода.

Анализ таких соотношений, с одной стороны, дает возможность рассмотреть общие и различные черты синтаксических синонимов в составе более крупных текстовых образований, а с другой стороны, позволяет охарактеризовать стиль конкурирующих переводных вариантов.

Обращаясь вначале к плану **синтаксиса текста**, можно отметить, что переводчики, преобразующие неизосемические конструкции в изосемические, одновременно нередко разбивают длинные периоды оригинала, перераспределяют количество предикативных единиц между соседними предложениями, предпочитают специфически русские синтаксические модели (неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные) типологически общим:

...I *was*, at first, *struck with the idea* of *our being among breakers*; so *terrific*, beyond the wildest imagination, *was the whirlpool of mountainous and foaming ocean* within which *we were engulfed* (E. Poe 'Ms. Found in a Bottle').

(1) ...я *былъ* прежде всего *пораженъ мыслью*, что *вокругъ насъ свирѣпствуетъ бурунъ*, — такъ *чудовищно было это невообразимое круженіе исполинскихъ пѣнистыхъ массъ* океана, *въ смятеніе которыхъ мы были втянуты* (Бальмонт).

(2) ...въ первую минуту *мнѣ показалось*, что *мы попали въ сферу прибоя*: такъ *бѣшено крутились громадные валы* (Энгельгардт).

(3)...*я* сначала *решил*, что *нас бросило на рифы*, ибо даже самая буйная фантазия не могла бы представить себе эти *огромные вспененные буруны, словно стены, вздымавшиеся ввысь* (Беккер).

Безличные конструкции, подчеркивающие неконтролируемость ситуации, беззащитность человека перед лицом стихии, успешно заменяют в переводах М. Энгельгардта и М. Беккер пассивные конструкции оригинала, тогда как К. Бальмонт (как и в примерах, приведенных выше) тяготеет к страдательным конструкциям даже в том случае, когда речь идет о непосредственно наблюдаемых событиях.

Заметим, что структурные преобразования в этом случае оказались сопряжены с регистровыми. Регистровое построение произведения отражает изменения позиции говорящих в тексте по отношению к сообщаемому [4; 8]. Коммуникативные регистры противопоставлены друг другу по набору признаков, среди которых — степень абстрагированности говорящего от предмета сообщения (непосредственное восприятие, знание и персональная оценка, универсальное обобщение информации). В качестве регистровых показателей выступают прежде всего видо-временные формы глаголов, реализующие значения актуального, расширенного, узуального или гномического времени; референтно/нереферентно употребленные имена, модальные и дейктические средства; лексика с перцептивной, интерпретационной, оценочной, обобщающей семантикой. Ср.: *Вода журчит в ручье* (репродуктивный регистр) / *Ручей впадает в озеро* (информативный регистр) / *Все реки текут* (генеритивный регистр). Случаи расхождения вариантов перевода в выборе регистра оказываются связаны с предпочтением изосемических или неизосемических конструкций. Сопоставим варианты фразы, завершающей описание гибели короля-тирана от рук шута в рассказе 'Hop-Frog':

***Owing to the high combustibility of both the flax and the tar to* which it adhered, the dwarf had scarcely made**

an end of his brief speech before the work of vengeance was complete.

(1) *Ввиду высокой воспламеняемости кудели и дегтя,* на который она была налеплена, карлик едва успел закончить свою краткую речь, как месть совершилась (Рогов).

(2) *Пенька и смола воспламеняются быстро*, и мщеніе карлика завершилось прежде, чем онъ успелъ докончить свои слова (Энгельгардт).

(3) *Легко и быстро горели пенька и смола,* и месть карлика завершилась, едва он успел договорить свою речь (Викторов).

Вариант В. В. Рогова наиболее точно воспроизводит формальное построение этого пассажа, однако выглядит «тяжеловесным» и инородным, словно отрывок из энциклопедии, вставленный в остросюжетное повествование. Причина этому — в использовании оборота с девербативом (*ввиду высокой воспламеняемости кудели*...), характерного для научных и официально-деловых текстов. В переводе М. А. Энгельгардта вместо него использовано простое предложение, более удобное для восприятия, но сохраняющее значение универсального суждения при помощи средств генеритивного регистра (настоящее расширенное глагола «воспламеняться», нереферентное употребление существительных, обозначающих материалы). В варианте М. Викторова генеритивный регистр заменен на репродуктивный (глагол «гореть» называет наблюдаемое действие, форма прошедшего времени передает процессуальное значение, существительные употреблены референтно). В этом случае читатель, не отвлекаясь, следит за трагическими событиями сюжета. Решение переводчика можно объяснить: действительно, несколько странно выглядит повествователь, излагающий общие сведения из химии в момент кульминации рассказа. Однако выбор «наукообразной» конструкции в оригинале свидетельствует о сознательном применении такого приема автором. Не только для этого, но и для других рассказов Э. По характерно сочетание увлекательного сюжета со скрупулезным анализом причин и следствий происходящих событий: «..ему ничего не стоило, погрузившись в самое что ни на есть оккультное, сочетать это с какими-нибудь математическими построениями и ссылкой на земное притяжение. Он гордился тем, что у него «все по науке», хотя границы этой науки были безмерно широки» [12: 12].

Говоря в связи с этим о **семантике текста**, нужно отметить, что преобразование неизосемических конструкций нередко сопровождается самовольным упрощением и сокращением текста переводчиками. Вот как изложен в оригинале и переводах предкульминационный момент рассказа 'Hop-Frog', когда карлик-шут подцепляет крюком короля и министров, чтобы затем поджечь их.

While they were thus situated, the dwarf, who had followed noiselessly at their heels, inciting them to keep up the commotion, *took hold of their own chain at the intersection of the two portions which crossed the circle diametrically, and at right angles. Here, with the rapidity of thought, he inserted the hook* from which the chandelier had been wont to depend.

(1) Карликъ, слѣдуя за ними по пятамъ и понуждая ихъ поддерживать суматоху, *схватилъ цѣпь въ точкѣ пересѣченія двухъ частей, проходившихъ по кругу діаметрально, подъ прямымъ угломъ, затѣм съ быстротою молніи онъ зацѣпилъ за это мѣсто крюкомъ*, на которомъ обыкновенно висѣлъ канделябръ... (Бальмонт).

(2) Лишь только они очутились здѣсь, карликъ с молніеносной быстротой *подцѣпилъ ихъ крюкомъ в томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкались двѣ поперечные цѣпи* (Энгельгардт).

В тот же момент Лягушонок *зацепил их на крюк* (Викторов).

Сопоставляя варианты перевода в правом столбце с оригиналом, мы видим значительные сокращения, которые не могут быть мотивированы трудностями в интерпретации или в грамматическом оформлении отрывка. Причина, по-видимому, такова: переводчики посчитали авторский комментарий слишком подробным, тяжеловесным, трудным для восприятия — и потому излишним.

Обратимся теперь к **стилистическому эффекту** предпочтения изосемических или неизосемических конструкций в переводах Э. По. Сопоставим варианты отрывка из рассказа «Прыг-Скок», предложенные четырьмя переводчиками в разное время:

E. Poe 'Hop-Frog': The *suggestion was at once overruled by the dwarf*, who soon convinced the eight, *by ocular demonstration*, that the hair of such a brute as the orang-outang *was much more efficiently represented by flax.*

Изд. В. Н. Маракуева, 1885: ...но *она (мысль) была сейчасъ же отвергнута карликомъ*, которому удалось очень скоро убѣдить этихъ особъ, что по внѣшнему виду шерсть такого животнаго, какъ орангутангъ, *можетъ быть представлена болѣе вѣрно посредствомъ пеньки.*

Изд. И. Д. Сытина, 1908: Но *карликъ рѣшительно воспротивился этому предложенію*, доказавъ наглядно, что *обезьяньи волосы гораздо ближе можно поддѣлать съ помощью льна.*

М. Викторов, 1927: ...но *карлик не согласился на это* и уговорил восьмерку, что *пенька лучше всего заменит шерсть орангутанга.*

В. В. Рогов, 1970: ...но *предложение было тотчас же отвергнуто карликом*, который быстро убедил всех восьмерых *посредством наглядной демонстрации*, что *шерсть такой твари, как орангутанг гораздо более успешно изобразит льняная кудель.*

Переводы в издании В. Н. Маракуева и в варианте В. В. Рогова (время их создания разделяет почти сто лет!) неожиданным образом сближаются в выборе стилистических средств: *представлена посредством пеньки*, *убедил посредством наглядной демонстрации*. Другие два перевода стилистически «облегчены» за счет преобразования неизосемических оборотов и страдательных конструкций. Итак, и среди ранних, и среди поздних переводов Э. По существуют варианты, совершенно различные по стилю. В чем причина этого феномена?

Синтаксис рассказов Э. По вступал, по мнению многих переводчиков, в противоречие с увлекательностью сюжета, замедлял чтение. Одни, пытаясь упростить, «облегчить» текст, прибегали к изосемическим эквивалентам сложных конструкций оригинала. Другие же пытались воспроизвести необычность, «наукообразность» подлинника. В результате возникли переводы двух типов: одни — «интеллектуально-аналитические», другие — упрощенные, но живые и увлекательные. Какие из них соответствуют оригиналу? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Во времена Эдгара По его стиль изложения был изысканным и утонченным, усложненным, но не тяжеловесным [11: 11–20; 6]. Современные американские читатели, безусловно, ощущают историческую дистанцию, отделяющую манеру Э. По от литературных стилей двадцатого века. Переводчики, тяготеющие к усложненным синтаксическим конструкциям, отражают в тексте современное представление об оригинальной манере Э. По, необычной и в значительной степени устаревшей в наши дни. Стилистически «облегченные» переводы приближают «образ автора» к современному читателю, устраняют языковую преграду, препятствующую погружению в захватывающее повествование. Благодаря им рассказы По на русском языке стали доступны для подростков — любителей приключений и детективов (ср: [12]). Таким образом, оба типа переводов отчасти воплощают авторскую стратегию, используя возможности русского синтаксиса.

Итак, предпочтение конструкций изосемического или неизосемического типа в переводе произведения тесно связано с интерпретацией семантического, синтаксического и стилистического плана текста, сопряжено с особенностями восприятия и воссоздания текстовой стратегии, манеры и, в итоге, «образа автора» в иноязычной культуре.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Подробные сведения о русских переводах рассказов Э. По, упоминаемых в статье, можно найти в монографии [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
2. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
3. *Галь Н.* Слово живое и мертвое. М., 1975.
4. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса М., 1982.
5. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
6. *Ковалев Ю. В.* Э. А. По: новеллист и поэт. Эстетика американского романтизма. М., 1977.
7. *Ревзина О. Г.* Этапы развития русского языка в XIX–XX веках // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 2000.
8. *Сидорова М. Ю.* Грамматика художественного текста. М., 2000.
9. *Уржа А. В.* Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М., 2009.
10. *Чуковский К. И.* Высокое искусство. М., 1964.
11. *Fletcher Richard M.* The Stylistic Development of Edgar Allan Poe. Paris, 1973.
12. *Grossman J. D.* Poe in Russia. Jal-Verlag, Wurzburg, 1973.

Дж. О. Фалоджу

ИМЕНА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: ВЗГЛЯД ИНОСТРАНЦА

JOHN O. FALOJU

THE NAMES IN RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS (A FOREIGNER'S VIEW)

Многие привычные факты русской лингвокультуры остаются незамеченными носителями родного языка. Но их сравнение с фактами другой лингвокультуры, такой как африканская культура йоруба, позволяет увидеть специфичное в каждой из культур. В статье рассматриваются особенности русской лингвокультуры, выявленные в ходе изучения русских пословиц и поговорок с онимом *Иван*.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, оним, номинативная цепочка, русская лингвокультура, культура йоруба, лингвокультурология.

A lot of usual facts of Russian linguaculture remains unnoticed by native speakers. However the comparison with the phenomena of another linguaculture, such as the African culture of the Yoruba people, permits us to see the peculiarity in each of the cultures. The paper examines the peculiarity of Russian linguaculture, ascertained in the course study of Russian proverbs and sayings with the personal name Ivan.

Keywords: proverbs, sayings, personal name (onym), nominative chain, Russian linguaculture, Yoruba culture, linguoculturology.

Джон Олубунми Фалоджу

Преподаватель кафедры европейских языков Лагосского университета (Нигерия), аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Ивановского государственного университета

► bunmi@mail.ru

Услышать пословицу в русской устной речи можно не часто — гораздо чаще в ней звучат афоризмы и цитаты. Но от этого интерес к русской пословице у иностранца не ослабевает. Соглашаясь с тем, что пословицы — это кладезь народной мудрости, это особый взгляд народа на мир, нельзя не заметить и то, что они оказываются одной из форм проявления культуры народа и его лингвокультуры. Это становится очевидным при анализе словесного наполнения пословиц. Одной из отличительных черт русских пословиц, по нашим наблюдениям, является обилие имен собственных в их составе. Даже в словарях пословиц, предназначенных для детей, без труда отыщем примеры с именами собственными — онимами: ***Ерёма, Ерёма,*** *сидел бы ты дома (точил бы свои веретёна); Если гора не идёт к* ***Магомету,*** *то* ***Магомет*** *идёт к горе; Мал золотник, да дорог (велика* ***Федора,*** *да дура); На бедного* ***Макара*** *все шишки валятся;* ***Федот,*** *да не тот…*[1] При этом онимы в составе данных пословиц и поговорок не воспринимаются иностранцем как реальные имена — он осознает их как имена фольклорные, потому что его

окружают люди с другими именами и потому что в учебниках, по которым он изучал русский язык, подобных имен нет[2].

Для представителя народа йоруба обилие в русском языке пословиц с антропонимами вызывает удивление, потому что в его языке, что подтверждают и сборники пословиц йоруба[3], таких пословиц очень мало. Главное объяснение этому факту можно найти в особенностях имянаречения у представителей йоруба и у русских, а также в своеобразии функций антропонима в русских пословицах. Покажем это на примере небольшого круга пословиц с антропонимом ***Иван.*** Пословицы и поговорки были извлечены из «Толкового словаря живого великорусского словаря» В. И. Даля (далее — словарь Даля)[4].

Антропониму *Иван* в словаре Даля посвящена отдельная словарная статья «**Иван**» (т. 2, с. 5), которая начинается с комментария знаменитого лексикографа: «...самое обиходное у нас имя (*Иванов, что грибов поганых)*». В. И. Даль объясняет причину широкого распространения этого имени у русских: в православном календаре 62 дня связаны со святыми, имеющими имена Иван / Иоанн (фактически это один из каждых шести дней года). Именно поэтому в течение года одно и то же имя священник давал многим новорожденным[5], а имя могло повторяться в нескольких поколениях внутри семьи. Данный факт (одинаковое имя у деда, отца и внука) вызывал удивление иностранцев, о чем свидетельствует следующая поговорка, зафиксированная в словаре Даля: *Один Иван — должно; два Иван — можно; три Иван — никак не возможно,* сказал немец про Ивана Ивановича Иванова (т. 1, с. 228 «**Возмогать**»).

Широкое распространение имени *Иван* в XIX веке привело к тому, что «по всей азиатской и турецкой границе нашей — от Дуная, Кубани, Урала и до Амура» (т. 2, с. 5 «**Иван**») оно стало употребляться для обозначения любого русского человека. Значит, в те времена оно использовалось иностранцами и нерусскими людьми как этноним — слово, обозначающее национальную принадлежность. Аналогичная картина была, например, во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда всех солдат Красной Армии (русских и нерусских тоже) враги называли именем Иван. Напомним известный эпизод из рассказа М. Шолохова «Судьба человека», в котором командир лагеря Мюллер обращается к военнопленному Андрею Соколову и называет его *русс Иван:* «Прямо передо мною сидит полупьяный Мюллер, пистолетом играется, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнет, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щелкнул, громко так докладываю: „Военнопленный ***Андрей Соколов*** по вашему приказанию, герр комендант, явился“. Он и спрашивает меня: „Так что же, ***русс Иван***, четыре кубометра выработки — это много?“ — „Так точно, — говорю, — герр комендант, много“»[6]. В этом и следующем эпизодах рассказа личное имя *Иван* получило «репрезентативный, почти нарицательный смысл», стало символическим именем русского[7]. Герой произведения Андрей Соколов, представляясь Мюллеру, назвал себя, но тот обратился к нему, используя символическую форму *русс Иван.*

Имя *Иван* представлено в пословицах и поговорках разными формами: канонической, крестильной, разговорной, просторечной[8]. В словаре Даля около 60 таких единиц, но их было больше (например, в работе А. А. Коринфского «Народная Русь» мы нашли пословицы с онимом *Иван,* не зафиксированные В. И. Далем: *Поститель* ***Иван*** *— и внукам, и нам;* ***Иван*** *Постный обыденкой живет, да всю матушку Русь на посту держит; Не соблюдешь* ***Иван****-пост — прищемишь в аду хвост* и др.[9]). Русскоязычный носитель языка легко отождествляет их и выстраивает в номинативную цепочку, которую возглавляет крестильное имя *Иван.* Пословиц с именем *Иван* в нашей выборке больше сорока: *Люди* ***Иван****, и я* ***Иван****; люди в воду — и я в воду; С именем* ***Иван****, а без имени болван; Добрый* ***Иван*** *— и людям, и нам, худой* ***Иван*** *— ни людям, ни нам.*

Обращает на себя внимание такая особенность русской лингвокультуры, как полифункциональность имени собственного в пословицах и поговорках, относящихся к разным фольклорным жанрам. В собственно пословице оним *Иван*

выступает чаще всего как обозначение лица мужского пола (*Нет имени супротив* ***Иван****, нет икон супротив Никол; Крестил поп* ***Иваном****, да прозвали люди болваном*). Другая функция онима *Иван* — обозначение артефакта русской культуры: *Кабы не кабы, так бы* ***Ивана Великого*** *в бутылку посадил*; *Кабы* ***Иван-велик*** *да был маленький, а карман у меня большой, я б его туда посадил; Сравнил бутылку* ***с Иваном Великим!***, где ***Иван Великий*** (вариантная форма ***Иван-велик***) — архитектурный памятник XVI века, расположенный на территории московского Кремля. В пословицах-приметах[10] оним *Иван* называет разные календарные праздники. Одни из этих праздников имеют точное название, которое передается через атрибутив (***На Ивана долгого*** *сажай огурцы, юж.* — 18 мая по старому стилю) или с помощью приложения (***На Ивана Купала*** *кого побьют — пропало!*, т. е. «на игрищах и при других шалостях», — поясняет Даль (т. 2, с. 219 **«Купать»**)). Другие календарные праздники в самой пословичной примете не называются, но их точная дата может быть установлена с помощью того же словаря Даля: *Коли* ***до Ивана*** *просо в ложку, то будет и в ложке, южн.;* ***До Ивана****, просите, детки, дождя у Бога, а* ***после Ивана****, я и сам упрошу!* (здесь речь идет о празднике Ивана Купалы, т. к. примета помещена в словарной статье **«Купать» —** т. 2, с. 219).

Эти функции имени ***Иван*** — называть а) лицо, б) любого русского человека мужского пола, в) единичный памятник материальной культуры, г) календарный праздник — порождены явлением *иррадиации,* характерным для русской ономастики[11]. Напомним, что все эти функции имени *Иван* отмечены в словарной статье «**Иван**» словаря Даля.

Многофункциональность онима, по нашим наблюдениям, в языке йоруба отсутствует, поскольку в нем в соответствии с традиционной культурой при имянаречении обязательно учитываются три иных фактора: 1) характер протекания беременности (первая / не первая беременность, долгожданная / неожиданная, вымоленная с помощью колдуна и т. д.); 2) важнейшие события, произошедшие в семье родителей новорожденного (новорожденной) и в семьях их родителей (бабушек и дедушек младенца), как-то: чья-то смерть, необыкновенная удача в делах, приобретения, потери и др.; 3) особенности появления на свет младенца (время суток и сезон, когда родился ребенок; появился он на свет головкой вперед или ногами вперед; лицо младенца смотрело вверх или вниз и т. д.). Именно поэтому — в силу учета множества факторов — личное имя йоруба максимально индивидуализировано, хотя «кризис имени», свойственный любому многомиллионному народу, устраняется за счет особого звена в номинативной цепочке йоруба — так называемого хвалебного имени[12]. Тем не менее оним в лингвокультуре йоруба не может быть использован для обозначения не-лица (предмета, явления, единицы времени и т. д.).

Не меньший интерес представляет и тот факт, что русское имя *Иван,* как свидетельствуют пословицы и поговорки, использовалось для называния нерусских людей. В. И. Даль пишет в словаре: «***Иван Иванович*** — почетное или шуточное имя и отчество немцев, а еще более калмыков, кои всегда отзываются на кличку эту, как чуваши на зов ***Василий Васильич***» (т. 2, с. 5 **«Иван»**). Так, поговорки говорят: *Калмык —* ***Иван Иванович****, маханник; под собою кобылу съел; Не всяк* ***Иван Иванович****, а кому Бог даст*, дразнят калмыков*;* ***Василий Иванович*** (с пометой *Казан.*) — почетное прозвище всякого чувашина. В. И. Даль иллюстрирует последнюю поговорку прибауткой: *«— Кто стучится? — Я,* ***Василий Иванович****, — отвечает чувашин. — Что надо? — А* ***поп Васька*** *дома? Его надо»* (т. 1, с. 167 **«Василек»**). Шутливое использование имени *Иван Иванович* применительно к нерусскому человеку с ярко выраженными монголоидными чертами очевидно. Такая же шутка видна и в прибаутке о чувашине, который называет священника уничижительной формой (***поп Васька*** вместо ***отец Василий***), а себя величает по имени-отчеству (***Василий Иванович***). Подобные прибаутки свидетельствуют о том, что русские этикетные формы обращения по имени-отчеству сложны для носителей других культур и языков[13]. В культуре йоруба невозможно называть личными именами йоруба представителей других народов и племен.

Вернувшись к русской лингвокультуре и к пословицам, восходящим к крестильному имени *Иван,* отметим, что оно может быть представлено и другими формами: «неофициальными» (в терминологии В. Д. Бондалетова)[14], «краткими» (в терминологии А. Вежбицкой)[15] или уменьшительными неофициальными именами. Пословицы и поговорки с подобными формами составляют примерно третью часть анализируемого материала. Это онимы ***Ваня*** (***Ваня*** *за дудку,* ***Спиря*** *за гудок* — всего одна единица из нашего списка: т. 1, с. 499: «**Дуда**»), его дериват ***ванька***, ставший апеллятивом (*На* ***ваньке*** *далеко не уедешь,* извозчики в Питере, — отмечает Даль в словарной статье «**Далекий**» (т. 1, 414)[16]); ***Ивашка*** *(Этот* ***Ивашка*** *не промашка; Без* ***Ивашки*** *не выпьешь бражки; Кобылка бежит, а* ***Ивашка*** *лежит; Когда у* ***Ивашки*** *белая рубашка, тогда у* ***Ивашки*** *и праздник; Бредет, что* ***Ивашкин*** *лапоть* — поговорки представлены в разных словарных статьях: т. 1, с. 122 «**Брага»,** т. 2, с. 236–237 «**Лапа**» и др.). В поговорках с онимом *Ивашка* краткая форма имени *Иван* может быть истолкована по-разному: либо как уничижительная форма крестьянского имени, либо — в соответствии с замечаниями А. Вежбицкой — как нейтральная в экспрессивном смысле форма, выражающая «‘близость и теплоту’», которые могли проявляться в отношениях между крестьянами[17]. Уменьшительное неофициальное имя ***Иванушка*** в пословицах и поговорках в словаре Даля нам не встретилось, очевидно, потому что оно является частью сказочного именника[18].

Очень редко в составе пословиц и поговорок имя Иван предстает в своем каноническом виде — ***Иоанн:*** *На* ***Иоанна*** *Лествичника домовой бесится*, 30 марта (т. 1, с. 466 «**Дом**»); Если дождь на ***Иоанна Милостивого*** (12 ноября), то оттепели до Введенья (т. 2, с. 326 «**Милый**»).

Таким образом, номинативная цепочка, связанная с русским именем Иван, в составе русских пословиц и поговорок является протяженной: *Иван — Ваня — Ванька — Ивашка — Иван Иванович — Иванович (Все Ивановичи Ивановы детки) — Иоанн.* При этом обращает на себя внимание тот факт, что в вариантах некоторых поговорок имя *Иван* может быть представлено значимым нулем: ***Иван*** *кивает на* ***Петра*** или ***Один*** *кивает на* ***другого***, сваливая вину, — замечает В. И. Даль (т. 2, с. 106 «**Кивать**»).

В пословицах йоруба подобного разнообразия в употреблении онимов нет, как нет и пословиц, в которых в регулярных парах встречаются мужское и женское имена. В русских же пословицах мы видим пару ***Иван — Марья***: *В одном кармане* ***Иван Тощий*** *(постный), в другом* ***Марья Леготична***; ***Иван Марье*** *обычный (зазнамый) друг;* ***Иван*** *был в орде, а* ***Марья*** *вести сказывает;* ***Иван Марьи*** *не слушается: сам приказывать горазд;* ***Иван Марье*** *не товарищ. Полетел от* ***Машки*** *вверх тормашки!* Предсказуемость слов в паре отразилась и в названии цветка ***иван-да-марья***.

Итак, можно утверждать, что даже такие небольшие по объему тексты, как пословицы и поговорки, дают информацию, интересную и важную в лингвокультурном отношении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Розе Т. В.* Большой толковый словарь пословиц и поговорок русского языка для детей. М., 2010.

[2] В Лагосском университете (Нигерия) русский язык изучается по следующим учебникам: *Иевлева З. Н., Трушина Л. Б.* Русский язык для всех: Вводный курс. М., 1984; *Галеева М. М., Журавлева Л. С., Нахабина М. М. и др.* Старт 1. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. М., 1981, в которых чаще других используются имена Иван, Иван Иванович, Анна Петровна, Максим, Василий, Лариса, Нина, Маша, Мария Николаевна, Вадим, Виктор, Андрей, Антон и Аня. При этом там есть и имена нерусских людей, которые изучают русский язык: Жан, Хуан, Лолита, Марта, Анвар.

[3] В качестве источников пословиц и поговорок были использованы следующие издания: *Adeleke D. A* Yoruba proverbs as historical records. Ibadan, Nigeria, 2009; *Aladejobi G.* Awon owe ati àkànlò èdè Yoruba. Lagos, Nigeria, 1999; *Delano I. O.* Òwe l eshin oro: Yoruba Proverbs, Their meaning and Usage. Ibadan Nigeria, 1966; *Oyekan O.* Yoruba proverbs. London, 2005; *Tope B.* A collection of yoruba proverbs with their translation and usage in English language. Vol 1. Lagos, Nigeria, 2008.

[4] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. При цитатах из названного издания римская цифра указывает на том, арабская — на страницу.

[5] *Образцова О. А.* Крестьянские личные имена у В. И. Даля и Е. В. Честнякова (в прагматическом освещении) // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — лексикография — фразеография:

Матер. III Всеросс. науч. конф. Иваново, 5–6 апр. 2005 года. Иваново, 2006. С. 46; ср. также: *Воробьева Л. Б.* Пословицы с ономастическим компонентом в русском и литовском языках // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — культура — словари: Матер. II Всерос. науч. конф. Иваново, 3–5 апреля 2003 года. Иваново, 2004.

[6] *Шолохов М.* Судьба человека // Антология русского советского рассказа (50-е годы). М., 1988, с. 352.

[7] *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 174.

[8] *Образцова О. А.* Указ. соч. С. 46.

[9] *Коринфский А. А.* Народная Русь. М., 1995. С. 288 — 291.

[10] О своеобразии пословиц-примет как одного из паремических жанров см.: *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988; *Халаевская С. А.* Современный взгляд на разработанные классификации паремиологического фонда // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык — словесность — самосознание — культура: Матер. Всеросс. науч. конф., посвященной 200-летнему юбилею В. И. Даля, Иваново, 5–7 апр. 2001 г.: В 2 т. Т. 2. Иваново, 2001.

[11] О сущности явления *иррадиация* в ономастике, см., напр.: *Подольская Н. В.* Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь; Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 473–474.

[12] См. об этом: *Фархутдинова Ф. Ф., Фалоджу Дж. О.* Имя как знак культуры // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: Сб. науч. статей. Вып. 6. Иваново, 2010.

[13] *Фархутдинова Ф. Ф., Фалоджу Дж. О.* Номинативные цепочки: лингвокультурологический аспект // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. (3–4 февраля 2011) / Сост. С. Ю. Тюрина. Иваново, 2011.

[14] *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.

[15] *Вежбицкая А.* Личные имена и экспрессивное словообразование // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М., 1997.

[16] Фразеологизмы *ваньку валять* и *ваньку ломать* остались вне поля нашего зрения.

[17] *Вежбицкая А.* Личные имена и экспрессивное словообразование // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М., 1997. С. 141.

[18] О различении имен *Иван-дурак, Иван-царевич* см., напр., в издании Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. (Словарные статьи «Иван-дурак» (С. 199–201), «Иван-царевич» (С. 202–204).)

[хроника]

МЕЖВУЗОВСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕНИЯ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

(Санкт-Петербург, 8 декабря 2011 года)

Семинар состоялся в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете. Он был организован совместно кафедрами русского языка Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и Санкт-Петербургского государственного университета. В семинаре приняло участие 35 преподавателей русского языка разных вузов: Российского университета дружбы народов, Санкт-Петербургского государственного горного университета, Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и Санкт-Петербургского государственного университета.

В своем докладе зав. кафедрой русского языка ИМОП И. И. Баранова определила актуальные проблемы подготовки иностранных студентов к обучению в вузе, познакомила слушателей с принятой в ИМОП СПбГПУ концепцией формирования коммуникативной компетенции у иностранных студентов в учебно-профессиональной сфере общения и организацией учебного процесса по русскому языку на этапе предвузовской подготовки. Заведующая кафедрой русского языка факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН А. С. Иванова предложила участникам теоретическое обоснование современного учебно-методического комплекса по языку специальности для предвузовского этапа. В докладе преподавателей кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов СПбГУ М. Н. Пашковой и Е. А. Шуваловой была представлена экспериментальная программа обучения языку специальности на основном этапе, которая была создана по заказу и в тесном взаимодействии с кафедрой ядерной физики физического факультета СПбГУ. В программе нашли отражение различные варианты работы с печатным текстом и аудиотекстом. Программа прошла апробацию в группах иностранных учащихся и доказала свою эффективность.

В выступлении старшего преподавателя кафедры русского языка ИМОП К. М. Чуваевой рассматривались вопросы использования инновационных

(Окончание на с. 35)

А. А. Азроянц

ТЕРМИНЫ *ОПЫТ* И *ПРАКТИКА* В «ЭКОНОМИЧЕСКОМ МАГАЗИНЕ» А. Т. БОЛОТОВА

ALENA A. AZROYANTS

THE TERMS "TRIAL" AND "PRACTICE" IN "THE MAGAZINE OF ECONOMICS" ARTICLES OF ANDREY BOLOTOV

В настоящей работе на материале журнала «Экономический магазин» рассматривается происхождение и функционирование в языке XVIII века терминов *опыт* и *практика*. Выявляются и сопоставляются значения исследуемых лексем в статьях «Экономического магазина» и словарях, а также других научно-популярных изданиях данного периода. Рассматривается ряд синонимов, используемых в XVIII веке для обозначения научного опыта, объясняется отсутствие в еженедельнике Болотова термина *эксперимент*.

Ключевые слова: XVIII век, «Экономический магазин», опыт, практика, эксперимент.

The paper focuses on the question of the origin and functioning of the terms "trial" and "practice" based on "The Magazine of Economics" texts. The meanings of the studied lexemes are defined and compared within the "The Magazine of Economics" articles, dictionaries, and other science press of the 18-th century. The number of synonyms which were used for naming science trial is given and analyzed, the absence of the term experiment in the Bolotov periodical is explained.

Keywords: XVIII century, "The Magazine of Economics", trial, practice, experiment.

Алена Александровна Азроянц

Учитель русского языка и литературы ГОУ СОШ № 878 ЮАО г. Москва, соискатель кафедры русского языка и стилистики Литературного института им. А. М. Горького.
► azrojanc-alena@rambler.ru

«Экономический магазин» А. Т. Болотова — один из наиболее известных научно-популярных журналов второй половины XVIII века. В течение девяти лет издание знакомило читателя с особенностями организации и ведения хозяйства, страницы журнала еженедельно заполнялись полезными сведениями из области естественных и точных наук. Понимая, что «Экономический магазин» адресован неподготовленному домохозяину, издатель старался максимально точно и понятно рассказывать о различных явлениях действительности. Следуя правилу доступности, А. Т. Болотов отказывается от широкого использования терминологии. На страницах еженедельника научная лексика появляется обычно в переводных статьях, реже в материалах, составленных издателем и его корреспондентами, при этом непонятные слова и выражения поясняются.

Среди научной лексики журнала преобладают специальные термины таких наук, как физика, геометрия, химия, ботаника, география, медицина, экономика: *кислота, щелочь, спиртъ, царство растений, окулированный, четвероугольникъ, полуциркуль, уголъ прямой, градусъ, гидравлическая машина, оптическая наука, камера обскурнаго стекла, рефракція, атмосфера, медикаментъ, инфламмація, каменная болѣзнь, урина, экономія, товаръ* и другие. Круг общенаучных слов более узок, на страницах издания встречаются лексемы *практика, опытъ, методъ,*

свойство, средство, пропорція, конструкція, структура, законъ.

Наиболее часто в статьях «Экономического магазина» используются лексемы *опыт* и *практика*, без которых немыслимо научное изучение действительности. Принципы познания мира через теорию и практическую деятельность утверждаются уже в Новое время. Тогда Ф. Бэкон заявил, что источником знаний о действительности должны стать ощущения и опыт человека, полученные на практике посредством наблюдений, опытов и экспериментов. Подобные наблюдения и опыты, основанные на практической деятельности самого Болотова и его корреспондентов, становятся материалом для «Экономического магазина».

Существительное *практика* пришло в русский язык из польского *praktyka* через украинский *практика*, в польский язык рассматриваемое слово, в свою очередь, попадает из европейских языков (см. англ. *practice*, нем. *Praktik*, фр. *pratique*), куда было заимствовано из латинского *practica*, а в латинском языке появилось из греческого πρακτικὴ 'практическое знание, умение'[1]. По данным Этимологического словаря М. Фасмера, слово *практика* впервые фиксируется в произведениях Ф. Прокоповича, который, как известно, по окончании Киево-Могилянской академии продолжил обучение в Риме, являлся сторонником новой науки, созданной Бэконом и Декартом.

В журнальных материалах «Экономического магазина» существительное *практика* обычно употребляется в значении 'деятельность людей, в которой они, воздействуя на материальный мир, преобразуют его, а также деятельность по применению чего-нибудь в жизни, опыт': «Однимъ словомъ, для меня сей пунктъ со всѣхъ сторонъ кажется для всѣхъ сельскихъ домостроителей примечанія достойнымъ, и любопытные изъ нихъ весьма не дурное дѣло сдѣлалибъ, естьлибъ восхотѣли предпріять дѣйствительные тому, и хотя на перьвой случай въ небольшомъ количествѣ *опыты*, и чрезъ *практику* узнали все могущія при томъ быть удобности и неудобности»[2]. В этом же значении слово *практика* фиксируется в словаре Н. Яновского 'самое дѣло, опытъ, дѣяніе, употребленіе, искуство, познаніе науки какой къ произведенію въ дѣло умственныхъ ея правилъ, противополагается теоріи, которая съ практикою такъ соединена, что одна безъ другой быть не можетъ'[3]. В рассматриваемом значении существительное *практика* употребляется также в некоторых других научно-популярных изданиях XVIII века, так, в одном из номеров «Ежемесячных сочинений» читаем: «Я не хочу изъ тѣхъ предложеній, которыя почти каждому и безъ того извѣстны, для краткости, ничего выбирать, но довольствоваться только извѣстнѣйшими *опытами*, которые почти во всѣхъ *практическихъ* компендіяхъ сыскать можно»[4]. В предложенном примере прилагательное *практический* имеет значение 'относящийся к *практике*', т. е. полученный в результате применения в жизни, опыта.

Изучение окружающего мира через активную деятельность, воздействие на материальные предметы становится важной задачей первых исследователей, именно поэтому в языке XVIII века слово *практика* наиболее часто употребляется в значении 'деятельность человека, направленная на воздействие на окружающий мир или применение чего-либо в жизни'. Реже рассматриваемое существительное использовалось для наименования 'работы врача или юриста по специальности', в этом значении слово *практика* не отмечается словарями изучаемого периода, но фиксируется в материалах периодических изданий, так, в «Ежемесячных сочинениях» читаем: «Могутъ ли ваши юриспруденты или врачи въ своей *практикѣ* <...> похвалиться, что они погрѣшили только одинъ разъ...»[5] В один из номеров журнала «Экономический магазин» Болотов помещает работу некого иностранного врача о коликах и их лечении, где последний пишет: «А какъ я при долговремянной моей *практикѣ* имѣлъ случай точно болѣзнь сію узнать, и какъ она для человѣческой жизни слишкомъ рѣшительною и важною болѣзнію почесться можетъ, то упомяну теперь о состояніи и леченіи оной»[6]. Необходимо отметить, что в данном значении слово *практика* используется в переводных статьях.

Существительное *опыт* образовано от глагола *опытать* 'испытать'. В эпоху русского сред-

невековья и в позднее время опытом (1) называли испытание, опытание для выяснения определенной нормы выхода, получения продуктов, веществ. Так, при уборке урожая зерно опытывали, то есть брали несколько снопов и молотили, чтобы выяснить, сколько зерна получится. Зерно, полученное в результате испытаний, называли также *опыт* (2). У рассматриваемого существительного было еще одно старое значение (3) 'испытание качеств чего-либо или кого-либо'. Первое значение в современном русском языке передает существительное *проба*, третье — существительное *испытание*, второе значение результата утратилось.

Постепенно у слова *опыт* стали развиваться отвлеченные значения вслед за развитием науки, поскольку уже не так важно стало количественное исследование предмета, как качественное. Для количественных расчетов появились технические и экономические приемы. Стало важно воспроизводить явление в искусственных условиях с целью его изучения: человек пришел к *эксперименту*, лабораторному *опыту*. Приобретение этого значения связано с деятельностью М. Ломоносова, а предпосылки возникают в недрах XVII века, когда слово *опыт* стало употребляться не для описания материального результата опытания, а в значении 'испытание'[7].

Необходимо отметить, что в XVIII веке для обозначения научного опыта использовался целый ряд синонимов: *искус — искушение — испытание — исследование — эксперимент — искусство — опыт — проба*[8]. Славянизмы — отглагольные существительные *искус, искушение, испытание, исследование* уже в конце XVII — начале XVIII века употреблялись в значении 'научное исследование, рассмотрение'. В этот период слова *искус, искушение, испытание* могли употребляться также в значениях 'практический опыт, знание', 'испытание, проверка годности, правильности чего-либо', однако *искус* и *искушение* в указанных значениях встречались уже достаточно редко[9].

В 20-е годы XVIII века существительное *искус*, а иногда и *искушение*, начинает функционировать в естественнонаучной литературе параллельно с заимствованием *эксперимент* в более узком, терминологическим значении 'научный опыт'. В этот же период существительные *искус* и *искушение* оказывают семантическое влияние на близкие по значению лексемы *испытание* и *исследование*, они эпизодически выступают в значении 'научный опыт'. В этом же значении начинает употребляться существительное *искусство*, данной семантической аналогии способствовало широкое употребление слова в значении 'знание, умение, мастерство, полученное опытом, практикой'. В. В. Виноградов отмечает, что само существительное *искусство* в языке появляется не раньше второй половины XVII века: в русском лексиконе Петровского времени слово *экспериенциа* (лат. *experientia*, польск. *eksperjencja*) 'опыт, испытание' поясняется при помощи слова *искусство*[10].

В этот же синонимический ряд для обозначения понятия «научный опыт» в 20–30-е годы XVIII века входит и существительное *опыт*, которое, как уже упоминалось ранее, принадлежало иной, бытовой и производственно-технической сфере. Совпадение некоторых значений существительного *опыт* с отдельными значениями слов *искушение, искус, испытание*, например, 'испытание чего-либо или кого-либо' *опыт — испытание, искушение*, способствовало семантической аналогии: слово *опыт* употребляется в значении 'научный опыт, эксперимент'. Впервые в этом значении слово фиксируется в текстах «Комментариев», где подкрепляется существительным *искус*, но уже в 20–30-е годы XVIII века широко употребляется в научной литературе, обозначает 'эксперимент', 'практический жизненный опыт', старое значение 'определение количества вещества, материала' дублируется заимствованным словом *проба*, которое фиксируется в «Азбуковнике» XVII века, поясняется словом *искус* и восходит к латинскому *probus*, производному от *probare* 'исследовать, пробовать, оценивать'. В начале XVIII века слово *проба* входит во все контексты, характерные для существительного *опыт* в первом значении, в 30-е годы оно начинает вытеснять слово *опыт* из производственно-технической сферы.

В статьях журнала «Экономический магазин», издание которого приходится на 80-е годы XVIII века, существительное *опыт* употребляется

в нескольких значениях: ‘практическая деятельность человека как основа знаний’, ‘совокупность практически усвоенных знаний, навыков; знание жизни’, ‘воспроизведение какого-либо явления или наблюдение за ним с целью исследования или изучения; научный эксперимент’. В последнем значении рассматриваемое существительное фигурирует в переводных статьях, описывающих результаты различных лабораторных опытов, проводившихся иностранными учеными (*химические опыты*), в оригинальных материалах самого издателя лексема *опыт* употребляется для обозначения практической деятельности человека, которая служит ему источником знаний. Известный агроном не ставил специальных научных экспериментов, свои знания о явлениях и предметах материального мира он получал в ходе собственной хозяйственной деятельности, наблюдая, изучая, пробуя и ошибаясь: «Въ разсужденіи всего сего переработыванія могу я сказать, что всему нужному къ наблюденію при томъ научила меня *практика*, и я все узналъ не только отъ другихъ, сколько изъ предприниманныхъ самолично собою многихъ и разныхъ *опытов*...»[11] Подобное понимание слова *опыт* исключает употребление в оригинальных материалах журнала термина *эксперимент*, который Болотов также не использует и в переводах при описании лабораторных наблюдений, обращаясь к уже знакомому существительному *опыт*. Веселитский, рассматривая слово *опыт*, также отмечает, что термин *эксперимент* употреблялся на протяжении всего XVIII века редко и был прикреплен «исключительно к научному употреблению»[12].

В значении ‘воспроизведение какого-либо явления или наблюдение за ним с целью исследования или изучения; научный эксперимент’ существительное *опыт* употребляется и в других научно-популярных изданиях, как предшествующих «Экономическому магазину», так и продолжающих его традиции: «Натуральные *опыты*, а именно: качество камня, изъ коего вся пещера состоитъ, градусы теплоты, которая тутъ находится, и свойство изъ сводовъ каплющей и по стѣнамъ текущей воды, и что изъ нихъ больше ращенію и крѣпости камней причинствуетъ; сіе оставляется на искусство и разсужденіе Физиковъ...»[13] («Ежемесячные сочинения», 1760); «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Женевецъ К. Пиктетъ, своего Англинского земледѣлія въ IV Томѣ стр. 350, непремѣнчивость слѣдствіи, въ различныхъ *опытахъ* съ вѣрностію произведенныхъ, и уповаю что съ точностію, доказываетъ неоспоримо, по мнѣнію моему, что есть начало растительное, отмѣнно дѣятельное въ семъ грубомъ камнѣ, каковъ гипсъ»[14] («Экономический и технологический магазин», 1815). В данном значении ‘искус, исследование, производимое над какою-либо вещью для узнавания свойства оныя’[15] существительное *опыт* отмечается в Словаре Академии Российской (САР), также здесь фиксируется толкование ‘опытность, сведение о вещах, приобретенное через долговременный навык’.

Необходимо отметить, что помимо ранее перечисленных значений, в которых употребляется существительное *опыт* в материалах «Экономического магазина», в статье, имеющей форму письма и адресованной одному из постоянных корреспондентов издания, исследуемое слово использовано в значении ‘подтверждение, доказательство, свидетельство чего-либо’: «Мой друг! Какой *опытъ* любви и благопріятства вашего ко мнѣ оказали вы, не упустивъ обрадовать меня вашими строками...»[16]

К концу XVIII века в России возрастает интерес к научной деятельности, в процесс познания материального мира включаются не только ученые, но и рядовые граждане, немалую роль в популяризации научных знаний сыграла периодическая литература. Важным источником в познании мира становятся наблюдения и опыты, основанные на практике. Так в научном языке XVIII века закрепляется термин *практика* и формируется ряд синонимов со значением ‘воспроизведение какого-либо явления или наблюдение за ним с целью исследования или изучения; научный эксперимент’. К концу столетия в указанном значении наиболее часто фиксируется существительное *опыт*, реже — *эксперимент*. Термин *эксперимент* на рубеже XVIII–XIX вв. еще оставался новостью для русского человека, об этом свидетельствует перечень новых слов и выражений,

составленный от руки на переплете экземпляра «Писем русского путешественника»[17].

В статьях «Экономического магазина», направленного на расширение знаний в области ведения домашнего хозяйства, существительные *практика* и *опыт* появляются достаточно часто. Как показывает исследование материалов издания, все значения, в которых употребляются данные лексемы, фиксируются в Словаре русского языка XVIII века, а также в словарях и научно-популярной периодике рассматриваемого периода. Таким образом, А. Т. Болотов не был оригинален в использовании слов *опыт* и *практика* и не выходил за рамки того круга значений, который закрепился за данными лексемами в русском литературном языке XVIII столетия. Особенностью болотовских текстов является только частое употребление существительного *опыт* в значении 'практическая деятельность человека как основа знаний', чего не наблюдается в статьях других научно-популярных журналов, исследованных нами. Эта особенность объясняется тем, что Болотов в оригинальных материалах опирался в основном на сведения, полученные в результате своей практической деятельности, а авторы других изданий похожей направленности часто переводили исследования европейских ученых, содержащие данные различных лабораторных экспериментов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007. С. 618; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 353.

[2] *Болотов А. Т.* Экономический магазин. М., 1786. Ч. 2. С. 111–112.

[3] *Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. — СПб.,1806. Ч. 3. Стб. 435.

[4] Ежемесячные соч. СПб., 1760. С. 283.

[5] Там же. С. 83.

[6] *Болотов А. Т.* Экономический магазин. М., 1787. Ч. 29. С. 86.

[7] *Котков С. И.* Сказки о русском слове. М., 1967. С. 80–86.

[8] *Филин Ф. П.* История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. М., 1981. С. 109–112.

[9] Там же.

[10] *Виноградов В.В.* История слов. — http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=iskusstvo

[11] *Болотов А. Т.* Экономический магазин. М.,1784. — Ч.17. — С.17.

[12] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — нач. XIX в. М., 1972. С. 226.

[13] Ежемесячные соч. СПб.,1760. С. 219.

[14] *Левшин В.* Экономический и технологический магазин. М., 1815. С. 2.

[15] Словарь Академии Российской. М., 2004. Т. 4. Стб. 1239–1240.

[16] *Болотов А. Т.* Экономический магазин. М., 1786. Ч. 1. С. 114.

[17] *Камчатнов А. М.* История русского литературного языка XI — первая половина XIX века. М., 2005. С. 423.

[хроника]

МЕЖВУЗОВСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕНИЯ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

(Окончание. Начало на с. 30)

технологий в обучении языку специальности. Автор продемонстрировал возможности использования образовательной платформы Moodle в формировании коммуникативной компетенции у иностранных студентов в учебно-профессиональной сфере общения. На семинаре были представлены учебные пособия, по которым ведется обучение иностранных студентов языку будущей специальности в ИМОП СПбГПУ, РУДН, СПбГУ.

В заключении семинара организаторы И. И. Баранова и А. С. Шатилов подвели краткие итоги и вручили сертификаты участникам. Было высказано общее мнение о целесообразности проведения подобных межвузовских семинаров на регулярной основе на базе вузов Санкт-Петербурга и Москвы.

Хотелось бы высказать особую благодарность преподавателям кафедры русского языка ИМОП СПбГПУ и лично зав. кафедрой И. И. Барановой за высокий уровень организации семинара.

А. С. Шатилов,
канд. пед. наук, доц. филологического факультета СПбГУ

Т. М. Балыхина, Р. Р. Джумаева, М. С. Нетёсина

АУДИТОРСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧИ, ЗВУЧАЩЕЙ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕГАПОЛИСА: ПРОЦЕДУРА ВЫЯВЛЕНИЯ СЕЛЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ

TATIANA M. BALYKHINA, MARINA S. NETYOSINA, REGINA R. DZHUMAEVA,
THE AUDITOR ANALYSIS OF THE SPEECH SOUNDING IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF A MEGACITY: PROCEDURE OF REVEALING OF SELECTIVE SIGNS

Татьяна Михайловна Балыхина
Доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель РФ, декан Российского университета дружбы народов
► balykhinatm@mail.ru

Марина Сергеевна Нетёсина
Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующей кафедрой русского языка Московского государственного медико-стоматологического университета
► dekan-fpk@yandex.ru

Регина Равильевна Джумаева
Аспирант, куратор Русского центра — Аудитории фонда «Русский мир» Российского университета дружбы народов
► riginus@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме оценивания качества звучащей речи. При этом для разных групп носителей русского языка, а также пользователей разные критерии оценки становятся более или менее значимыми. Содержание и значимость критериев разнится в зависимости от целей и объектов оценки. В статье рассматриваются процедура и принципы выделения таких критериев.

Ключевые слова: аудиторский анализ, звучащая речь, оценивание, критерии.

The paper focuses an actual problem of estimation of sounding speech quality. The author outlines different groups of Russian native speakers, as well as the other speakers, different criteria of estimation become more or less significant. The content and the importance of criteria are different and depend on the purposes and objects of estimation. The procedure and principles of allocation of such criteria are considered in the paper.

Keywords: the auditor analysis, sounding speech, estimation, criteria.

Звучащая речь, являясь единым артикуляторно-акустическим процессом порождения говорящим и восприятия слушающим высказывания или последовательности высказываний, имеющих взаимодействующие лексико-грамматические и интонационно-звуковые структуры, которые выражают смысловое и эмоционально-стилистическое содержание, обладает рядом параметров. Эти параметры относятся к способу осуществления речевой деятельности: процесс речи характеризуется определённым *темпом, продолжительностью, степенью громкости, артикуляционной чёткости, акцентом, тоном* и т. п.; речь может характеризоваться через указание на психологические особенности говорящего, его коммуникативную задачу, отношение к собеседнику (*взволнованная, эмоциональная, искренняя, обдуманная, льстивая, почтительная, насмешливая* и др. речь); к речи применима нормативная оценка (*правильная, неправильная, исковерканная* речь и др. речь); речь может быть определена по её соответствию целям и условиям общения.

Для современной фонетики характерен выход за пределы исследования смыслоразличительных противопоставлений речевых звуков и нарастание интереса ко всем аспектам звукового поведения: интонации, экспрессивным функциям речи, индивидуальным и социальным особенностям произношения, иностранному акценту в русском языке, причём всё большую роль в исследованиях звучащей речи начинает играть интонация. Авторы учебника «Общая фонетика» С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова (2001) определяют фонетику как научную дисциплину, занимающуюся

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Коммуникативное пространство мегаполиса: анализ звучащей речи».

изучением ***звуковой стороны речевой коммуникации***. В настоящее время приоритетными направлениями в фонетике становятся естественнонаучные и психологические методы исследования звучащей речи, компьютерное её моделирование. Компьютерная эпоха позволила использовать методы динамического моделирования языкового поведения человека.

Достаточно давно в развитии фонетики принимали и принимают участие представители самых разных наук: лингвисты, физиологи, психологи, физики-акустики, специалисты в области компьютерных речевых технологий, инженеры. На международных конгрессах по фонетике в равной степени традиционно представлены результаты исследований во всех указанных областях (например: XIII International Congress of Phonetic Sciences, Stockholm, 1995; XII International Congress of Phonetic Sciences Aix-en-Provance, 1991; XI International Congress of Phonetic Sciences, 2, August 1–7, Tallinn, 1987; X Всесоюзная акустическая конференция, Москва, 1983; Anthropomorphic Systems of Automatic Speech Recognition and Synthesis: International Symposium, St.-Petersburg, 1993; Montreal Satellite Symposium on Speech Recognition (XII International Congress on Acoustics), Ed. P. Mermelstein, Montreal, 1986; The ESKA Tutorial Day in Speech Synthesis, Autrans, 1990). Учёные единодушны во мнении, что только в результате совместных усилий удастся понять сложнейшие механизмы звучащей речи.

Именно такой подход к изучению звуковой стороны речи имеет устойчивые традиции в русской фонетической науке. Так, в учебнике М. В. Панова «Русская фонетика» при исследовании фонетики русского языка привлекаются сведения не только из работ «лингвистов, но и психологов, специалистов по техническим наукам, стиховедов, артистов, методистов русского языка, музыковедов, невропатологов, инженеров, сурдопедагогов, преподавателей сценической речи, физиологов, музыкантов, отоларингологов, поэтов, логопедов», так как они «сообщают факты, важные именно для фонетического изучения русского языка» [4: 115]. Как история языка, культура речи неотделима от истории, культуры общества, так фонетика — от физиологии речи, акустики и пр.

Итак, на современном этапе развития наук звучащая речь рассматривается в контексте различных дисциплин. С другой стороны, возникла необходимость дать теоретическое осмысление ряду практических задач в области звучащей речи, используя достаточно ***тонкую оценку звучания по определённым критериям, или признакам*** [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Так, например, в клинике центрально-мозговых речевых нарушений используются специальные речевые фонетические тесты при диагностике некоторых заболеваний мозга.

В судебной психологии и криминалистике происходит опознание людей по особенностям их речи (*правильность речи, диалектные особенности, жаргонизмы, высота голоса, особенности произношения* и др.).

Математики занимаются исследованиями и логическим описанием голоса (*глухой, звонкий, картавый, надтреснутый, плаксивый, отдалённый* и др.) и речи, так как их решение необходимо для обеспечения общения человека с машиной при помощи звучащей речи (проблемы машинного перевода, речевого ввода информации в компьютер).

Инженеры-связисты, акустики исследуют звуки речи и используют речевые тесты для того, чтобы наилучшим образом передавать их по каналам связи, чтобы создать наиболее благоприятные условия для восприятия речи по телефону, по радио. Для проверки телефонной и радиотелефонной аппаратуры и связи была разработана инженерная методика расчёта *разборчивости* речи в условиях умеренных шумов по формуле $S=M/N \times 100$, где S — слоговая разборчивость, выраженная в процентах; M — количество правильно воспринятых слогов; N — общее количество слогов в речевом материале.

При оценке качества звучащей речи разных групп носителей русского языка, а также пользователей ***разные критерии оценки становятся более или менее значимыми***. При этом и содержание критериев разнится в зависимости от целей и объектов оценки. Анализ литературы по данному вопросу, а также личный профессиональный опыт авторов статьи позволяют выявить довольно существенные различия в перечне и со-

держании критериев оценки качества звучащей речи. Для рассмотрения процедуры и принципов выделения таких критериев, а также их содержания и значимости обратимся к опыту оценивания речи трёх групп людей, для которых проблема качества речи по разным причинам является актуальной. Это: 1) представители различных слоёв российского общества (цель — определение состояния культуры речи общества на определённом этапе); 2) пациенты стоматологической клиники, получившие зубные протезы разной сложности (цель — выявление степени речевой адаптации); 3) инофоны (цель — определение уровня владения иностранцем иноязычной речью).

Таким образом, звучащая речь — феномен, к которому проявляют интерес исследователи из разных научных областей. При этом подходы исследователей к процессу оценки близки. Такая оценка базируется на результатах тестирования, анализа звучащей речи.

Качество звучащей речи, с одной стороны, характеризует качество её ***содержательной*** и ***формальной*** сторон. Например, такие параметры оценки, как *дикция, артикуляционная чёткость, произношение, беглость*, характеризуют формальную сторону речи, а *логичность, адекватность, точность* — более содержательную сторону.

С другой стороны, критерии оценки звучащей речи могут быть ***качественными*** и ***количественными***. Количественные критерии оценки представляют собой выраженные в баллах, процентах, других цифровых измерениях языковые и речевые параметры высказывания, показывающие оптимальность или, напротив, неадекватность выполнения коммуникативной задачи.

Важным этапом качественной оценки является выделение так называемых ***селективных признаков*** (в терминологии В. Г. Михайлова), используемых для характеристики ***перцептивного восприятия звучания***. Описывается процедура выявления практической характеризации качественных сторон звучания устной речи [3, 4 и др.]. В проведённых исследователями экспериментах используются признаки, которые выделены в результате экспертной оценки специалистами-филологами устной речи, записанной на магнитную ленту. Записи многократно прослушивались и сравнивались друг с другом и с естественной речью. Для оценки качества речи во всех случаях использовался метод слухового анализа с привлечением аудиторов (несмотря на разнообразие средств инструментальной фонетики, таких как палатография, осциллография, спектрография, рентгенография, томография, ***метод аудиторской оценки*** является широко распространённым).

Отметим, что важной составляющей является ***квалификация и состав аудиторов***. Это могут быть и филологи, специалисты в области фонетики, и носители языка с разным образованием. В. Г. Михайлов отмечает, что для ***обоснования системы признаков, адекватно представляющих качество речи***, должна быть решена проблема вербализации слухового образа. Эта задача является весьма сложной и может быть решена на основе ***анализа экспертом-экспериментатором своего собственного восприятия звучащего материала***. По этой методике качество устной речи прослеживается по некоторым признакам, каждый из которых можно ощущать и контролировать.

Для определения качества речи пациентов с зубными протезами аудиторским способом главным качественным признаком речи традиционно выступала её *разборчивость*, а также *заметность искажений*. В работе 2002 года оценка качества речи проводилась по выделенным признакам качества речи. Это *степень выраженности гнусавости* (нулевая, средняя, высокая), *напор воздушной струи* (ослаблен, в норме, усилен), *особенности артикуляции смычки согласных звуков* (в норме, незначительно ослаблена, значительно ослаблена), *громкость* (в норме, снижена), *темп* (в норме, замедлен), *выразительность* (в норме, снижена), *разборчивость* (сохранена, незначительно снижена, значительно снижена), *автоматизация* (полная, недостаточная, отсутствует), *чёткость артикуляционных переходов* (сохранена, снижается при чтении текста, отсутствует), *утомляемость* (низкая, высокая), *самоконтроль* (хороший, недостаточный, отсутствует). Таким образом, для обоснования признаков, адекватно представляющих качество речи, учитывались функциональные связи между фонетической

системой языка, артикуляционной базой языка и звучанием. *Выразительность звучащей речи* связывается в данном случае с интонационным многообразием, способностью выделять центр интонационной конструкции и синтагматическим членением предложения. При этом невыразительная речь — монотонная, интонационно бедная. *Разборчивость речи* — синоним понятности, ясности произношения (речь может быть *ясная, понятная; с неясными отдельными звуками; невнятная, неясная, непонятная*). *Чёткость звучащей речи* для этой категории лиц — это чёткость артикуляционных переходов, которая или сохраняется, или снижается при производстве высказывания большого объёма. *Качество и особенности отдельных артикуляций* являются по сути расшифровкой той части критерия «чистота звучащей речи», которая подразумевает чистоту, приемлемость произношения. *Нормативность речи* людей с зубными протезами предполагает наличие/отсутствие искажений произношения.

В лингводидактическом тестировании ТРКИ в рамках коммуникативного подхода к контролю оценку качества звучащей речи иностранного пользователя русским языком предполагается производить по компонентам коммуникативной компетенции: лингвистическая (*беглость, правильность, произношение* и др.), социолингвистическая (*вариативность, уместность* и пр.), дискурсивная (*связность* и др.), стратегическая (*гибкость* и т. д.), иллокутивная (*приемлемость*). Специальные шкалы включают ряд качественных характеристик, описывающих параметры конкретного речевого продукта и степень его проявления. Оцениваются: содержательный компонент (предполагает *полноту* содержания высказывания, *нормативность* — соблюдение стилистических норм речевого этикета), интенция (предполагает *эффективность* речи), композиционная структура и форма речевого продукта (предполагает *логичность* и *связность* речи), языковые средства (предполагают *нормативность* и *чистоту* звучащей речи). При этом учитывается адекватное понимание пользователя русским языком как иностранным сферы, темы, ситуации общения, социальных ролей, отношений собеседников, их коммуникативных задач, намерений (критерий *уместности*). Рекомендуется при проведении тестирования в рамках III — IV уровней оценивать также *беглость речи* говорящего.

Обратимся к содержанию критериев оценки звучащей речи инофонов. *Логичность речи* — это логическая соотнесённость высказываний друг с другом, которая достигается благодаря внимательному отношению к целому тексту, связности мыслей и ясному композиционному замыслу текста. В устной речи необходимо хорошо помнить сказанное и последовательно развивать мысль, что должно способствовать непротиворечивости элементов речевой структуры. *Связность* — критерий, оценивающий умение строить организованное высказывание, демонстрирующее правильное, полное, уверенное владение средствами связи, служебными частями речи. Связность — наличие общего в двух и более фактах, явлениях и т. д.; объединение фактов, явлений в одно замкнутое в смысловом отношении целое. Важным критерием оценки содержательной стороны речи инофона является *адекватность решения коммуникативной задачи*, что подразумевает соответствие речевого продукта тому набору интенций, который необходим для решения поставленной коммуникативной задачи. Адекватность решения коммуникативной задачи, очевидно, показывает эффективность речи иностранца. *Полнота представления информации* предполагает наличие и композиционную оформленность основных функционально-смысловых блоков текста. *Уместность речи* — строгое соответствие структуры и стилистических особенностей речи условиям и задачам общения, содержанию выражаемой информации, избранному жанру и стилю изложения, индивидуальным особенностям автора и адресата. Этот критерий предполагает умение пользоваться стилистическими ресурсами языка в соответствии с обстановкой общения. Выделяют уместность стилевую, контекстуальную, ситуативную и личностно-психологическую. *Критерий нормативности звучащей речи* инофона подразумевает принимать за точку отсчёта не только языковую норму, которая вариативна даже в речи носителей языка, а отталкиваться от требований стандарта, других регламентирующих документов, устанавливающих уровень обученности на момент контроля. Критерий связан с *правильностью звучащей речи*, заключающейся

в соответствии звуковой, лексической и грамматической структуры речи принятым в языке литературным нормам и являющейся базовым качеством.

Ряд критериев оценки более характеризует формальную сторону речи — исполнение, произношение. Так, *беглость речи* — это особенность речи, придающая ей естественный характер и включающая паузы, ритм, интонацию. Представляет собой важную характеристику уровня владения РКИ. Включает не только ровный темп звучащей речи, её гладкое, естественное течение, но и способность к длительным спонтанным высказываниям. *Чистота речи* при тестировании ТРКИ относится в основном к произношению (производству отдельных звуков, артикуляционным переключениям, редукции, правильному словесному и фразовому ударению, логическому ударению на информативных словах, слитному произношению, ритму, интонации).

Регулярные наблюдения за речью представителей различных слоёв российского общества показали, что для каждого социально-профессионального слоя выявляются свои речевые, стилистические и социальные доминанты. К основным свойствам, качествам речи, обеспечивающим ***эффективность коммуникации*** и характеризующим ***уровень речевой культуры говорящего***, относят: *правильность, точность, чистоту, ясность, логичность, богатство, выразительность* и *уместность*. *Правильность звучащей речи* предполагает её соответствие фонетическим, лексическим, грамматическим нормам. *Точность речи* определяется умением чётко и ясно мыслить, знанием предмета речи и правил русского языка. Точность речи чаще всего связывается с точностью словоупотребления. В логическом аспекте под точностью обычно понимается чёткость, ограниченность значения слова (термина), употребление слова в соответствии с присущим ему в литературном языке значением. *Выразительность звучащей речи* — термин с ёмким содержанием. Это прежде всего психологический параметр, показывающий, во-первых, внутреннюю уверенность говорящего, во-вторых, умение выбрать оригинальные способы передачи содержания мысли. Выразительность может быть информационной, структурной, образно-эмоциональной, где образно-эмоциональная выразительность определяется лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Языковые средства выразительности бывают: произносительные, акцентологические, интонационные, фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические, фразеологические, синтаксические, стилистические. Выразительным может быть голос: *мягкий, тёплый, серебристый, пронзительный и пр*. *Эффективность (действенность) речи* определяется силой и энергией целевой установки, отношением достигнутого результата к поставленной цели. В социально-психологическом аспекте эффективная речь предполагает навык оценки аудитории, умение задействовать психологические механизмы подражания и имитации. *Нормативность (нормированность) звучащей речи* — качество, обеспечивающееся соответствием речевого продукта закреплённым в сознании носителей языка эталонам, т. е. принятым в общественно-языковой практике образованных людей правил произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств. Норма в сознании говорящих и слушающих обладает качеством особой правильности и общеобязательности. Умение говорить правильно является одним из индикаторов общей образованности. *Чистота речи* — это отсутствие в ней лишних слов-«сорняков», нелитературных слов (жаргонных, диалектных, нецензурных). Чистота речи достигается на основе знания человеком стилистической характеристики употребляемых слов, продуманности речи и умения избегать многословия, повторов и слов-«сорняков». Формальную сторону речи характеризует чистота произношения. *Логичность* — последовательное, непротиворечивое и аргументированное выражение мысли. *Понятность (ясность) звучащей речи* — качество, состоящее в том, что речь требует наименьших усилий в восприятии и понимании при сложности её содержания. Она достигается правильностью и точностью в совокупности с вниманием говорящего к осведомлённости и речевым навыкам собеседника и связана с желанием говорящего сделать свою речь удобной для восприятия партнёром по общению. Понятность речи зависит от дикции, произношения.

К тому же качество речевого продукта оценивается по-разному в зависимости от сферы общения (область практического использования языка в пределах конкретного лингвосоциума, в которой реализуется соответствующий стиль речи [1]). К примеру, ***в сфере культурологического общения*** художественная речь может быть оценена как *естественная, экспрессивная, выразительная, эффективная* и пр., а устные тексты научного стиля речи должны быть ориентированы по своей содержательной и функциональной природе на *точность, логичность, стилистическую нейтральность* и т. д. ***В общественно-политической (социальной) сфере деятельности***, к примеру, отсутствие таких качеств, как *понятность* и *обращённость к слушателю*, позволяет говорить о кризисе культуры публицистической речи (в широком толковании, включая речь различных средств массовой коммуникации [Там же]).

Можно увидеть, что данные критерии качества звучащей речи характеризуют как смысловую, так и формальную стороны речевого продукта. Что касается количественного содержания критериев, то, очевидно, может выражаться лишь наличие или полное отсутствие рассматриваемого параметра: речь *точная/нет*, *выразительная/нет* и пр.

Подводя итоги нашего обзора, можно сказать, что содержательное наполнение одних и тех же критериев оценки качества речи (признаков) может различаться в зависимости от цели проверки (например, улучшение качества речи или оценка достигнутых результатов), от объектов контроля (например, речь носителей русского языка или пользователей русского языка как иностранного). Количество, перечень критериев тоже не является строго заданным, поскольку значимость того или иного критерия неодинакова для разных групп пользователей языка. Словесное обозначение критериев в разных системах оценки порой не совпадает при явном содержательном сходстве. Разнообразие количественных параметров оценки также обусловлено целями проверки качества речевого продукта.

Таким образом, нужно стремиться к достаточно тонкой и адекватной оценке содержательной и формальной сторон звучащей речи. Очевидно, критерии должны быть прозрачны и понятны как эксперту, так и говорящему в тех случаях, когда от него требуется дальнейшая работа над своей речью.

Цель проекта «Коммуникативное пространство мегаполиса: анализ звучащей речи» — проанализировать звучащую речь мегаполиса (образцов звучащей речи жителей Москвы), выявить средства успешного общения между людьми различных профессий, национальностей, определить критерии успешного речевого взаимодействия и разработать алгоритм формирования навыков эффективного толерантного коммуникативного взаимодействия жителей мегаполиса.

В ходе реализации проекта в качестве экспертов выступали ***специалисты-филологи***, имеющие различный опыт работы с анализом иностранного акцента, с постановкой произношения, с анализом диалектных особенностей произношения, с анализом стилистики средств массовой информации, стилистики и поэтики звучащих текстов (радио, телевидения, текстов художественных произведений).

При оценке качества речи всегда встаёт вопрос о ***точке отсчёта, нейтральном фоне***. В широком лингвистическом контексте под нормой понимается образцовое, единообразное, общепринятое в данной языковой среде употребление элементов языка, правила которого описаны и закреплены. Норма объективно существует, культивируется на радио и телевидении, прямо связана с системой языка, например с характеристикой звуков. По определению профессора Б. Н. Головина, норма — это свойство функционирующей структуры языка, создаваемое применяющим его коллективом благодаря постоянно действующей потребности в лучшем взаимном понимании [Там же].

Отклонение, особенности всегда маркированы. Это проявляется в том, что любое отступление от нормы, общепринятых правил обращает на себя внимание аудитора (в данном случае людей, профессионально владеющих речью, профессионально изучающих звучащую речь и имеющих большой опыт в этом). Вычленить признаки, по которым характеризуется речь, провести слуховой анализ, оценить — задача экспертов-аудиторов. Это вопрос их квалификации и опыта.

В основе ***вербальных обозначений признаков*** часто лежит метафора, многие признаки носят образный характер. Вместе с тем эти образы должны быть достаточно ***прозрачны, понятны***.

При выделении критериев оценивания мы исходили из принятого нами определения толерантного речевого общения (объективная позиция по отношению к тем, чьи мнения, поступки, раса, религия и т. д. отличны от аналогичных позиций говорящего; знание лингвокультурологических и этнокультурологических особенностей коммуникантов; активное использование лингвистических ресурсов в процессе речевой коммуникации для достижения взаимопонимания; адекватное языковое и речевое оформление всех составляющих в процессе коммуникации, выражаемое в коммуникативных стратегиях и речеповеденческих тактиках коммуникантов). Вместе с тем мы опирались на следующее положение. Из психологии известно, что эксперт оценивает свойства человека лучше, если измеряет сложные по структуре характеристики не интегрально, целиком, по комплексному проявлению, а по отдельным более простым, «одномерным» шкалам, составляющим в совокупности сложное свойство. Таким образом были сформулированы критерии оценивания — общие характеристики речи жителей нашего мегаполиса.

Техника речи (*артикуляционная чёткость, дикция*).

Владение голосом, речью (*разнообразие тембров, благозвучность, полётность* — способность посылать свой голос на расстояние и регулировать громкость, *подвижность* голоса — умение изменять его высоту, *интенсивность* — сила произнесения, напряжённость, *монотонность*, *разнообразие интонаций, экспрессивность* — эмоциональная напряжённость, выразительность мимики, жестов, позы).

Заинтересованность в том, чтобы быть понятым (*громкость, быстрота произнесения, выразительность* — выбор таких языковых средств, которые позволяют усилить впечатление от высказывания, вызвать и поддержать интерес и внимание адресата, воздействовать на его разум и чувства, *доступность* — взвешенность содержания речи, учёт культурно-образовательного уровня слушателя, его опыта).

Внимание к собеседнику, адресату речи (*внимание, умение слушать*).

Выражение отношения к собеседнику (*ирония, насмешка, агрессивность*).

Максимальное приближение к хорошей литературной речи с учётом толерантности (*акцент, говор, естественность* (в т. ч. в жестах, интонациях, мимике), *манерность* (в т. ч. в жестах, интонациях, мимике), *краткость, многословие, вежливость* — соблюдение правил приличия в процессе речи с учётом обстановки, пола и возраста собеседника, *выдержанность* — умение спокойно реагировать на неожиданные или нетактичные вопросы и высказывания собеседника, *правильность* — соответствие нормам, *чистота* — отсутствие слов-сорняков, нелитературных слов, *логичность* — логическая соотнесённость высказываний друг с другом, *точность* — соответствие смысловой стороны речи коммуникативному замыслу говорящего и отражаемой реальности, *уместность* — соответствие особенностей речи условиям и задачам общения).

Итак, ***углубление*** шло по линии: техника речи — владение голосом, речью — выразительность — заинтересованность в том, чтобы быть понятым, — выражение отношения к собеседнику — максимальное приближение к хорошей литературной речи с учётом толерантности. Отдельно анализировались фонетический, лексический, синтаксический аспекты звучащей речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балыхина Т. М., Игнатьева О. П.* Словарь терминов и понятий лингводидактической теории ошибки. М., 2006.

2. *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.

3. Михайлов В.Г. Методы оценки звуков речи по селективным признакам // Сопоставительная лингвистика и проблемы преподавания иностранных языков / Под ред. С. Г. Тер-Минасовой. М., 1994.

4. *Нетёсина М. С.* Звучащая речь и её оценивание: системно-функциональный анализ. Дис… канд. пед. наук. М., 2007.

5. *Покровский Н. Б.* Расчёт и измерение разборчивости русской речи. М., 1952.

6. Современная русская речь: состояние и функционирование: Сб. аналитических матер. / Под ред. С. И. Богданова, Л. А. Вербицкой, Л. В. Московкина, Е. Е. Юркова. СПб., 2004.

7. *Duez D.* Silent and non-silent pauses in three speech styles // Language and Society. Vol. 25. 1996. N 1.

Т. С. Борщевская

ТЕРМИНОГРАФИЯ МЕНЕДЖМЕНТА
(КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НОВЕЙШИХ ИЗДАНИЙ)

TATYANA S. BORSCHEVSKAYA
MANAGEMENT TERMINOGRAPHY (MODERN DICTIONARIES REVIEW)

В статье рассматривается типология новейших словарей по менеджменту, существующих в России, и предпринимается попытка их критического обзора с выделением как положительных так и отрицательных черт построения.

Ключевые слова: Язык менеджмента, терминология, терминологический словарь, специальное обозначение, терминография.

The paper contains a typology of modern dictionaries of management published in Russia and an attempt of their critical review is made, focusing on positive and negative features in the construction.

Keywords: language of management, terminology, terminology dictionary, special designation, terminography.

Татьяна Станиславовна Борщевская

Старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, аспирантка кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного горного университета
► Charly1991@yandex.ru

Язык менеджмента сегодня представлен в двух главных видах описания — словарях (справочниках) и учебных пособиях.

В статье анализируются состав и формы представления материала в словарях по менеджменту, экономике и бизнесу разных типов в бумажном и электронном форматах (изучено около 20 словарей).

Выявление и описание типологии словарей (терминологических справочников) предполагает выделение их лексикографических характеристик, параметров, которые традиционно выделяются в рамках общей лексикографии: назначение словаря, ориентированность на определенный пласт лексики и определенные источники, характер единицы описания по ее форме, нормативность, исчерпанность описания, порядок следования единиц, уровень описания лексики, число языков [6; 7].

Подводя итог рассмотрения предлагаемых на сегодняшний день классификаций терминологических словарей [6; 8; 10], в том числе изучив словари по менеджменту, мы выделяем следующие параметры (дифференциальные признаки), определяющие их типологические особенности.

По охвату материала существуют терминологические словари, охватывающие почти всю терминологию менеджмента (полные словари), и краткие словари, как правило, текстоориентированные, в случае, если источником словаря послужил конкретный текст или группа текстов, что характерно для словарей — приложений к учебным пособиям.

По тематическому охвату можно выделить отраслевые справочные издания по менеджменту (*Словарь-справочник менеджера / Под ред. М. Г. Лапусты, 1996; Лазовский М. Ш., Райзберг Б. А. и др.*

Универсальный бизнес-словарь, 1997; Словарь терминов современного предпринимательства / Под. ред. В. В. Морковкина, 2005; Введение в бизнес (электронный ресурс); Кох Р. Менеджмент и финансы от А до Я, 1999) и различные экономические словари, в которых тематически выделена сфера менеджмента, а также узкоотраслевые словари по отдельным направлениям менеджмента (*Джерри М. Розенберг. Инвестиции. Терминологический словарь, 1997; Рэй К. И. Рынок облигаций: Торговля и управление рисками, 2006; Управление персоналом. Словарь (электронный ресурс); Финансово-инвестиционный толковый словарь (электронный ресурс); Иллюстрированный глоссарий по бережливому производству / Под ред. Ч. Марчвински, Дж. Шук, 2005* и др.).

По содержанию правой части словарной статьи выделяются переводные и непереводные толковые словари, перечни терминов (глоссарии). Практически все словари по менеджменту являются переводными. Исключение составляют справочники по логистике. Ранее основным путем формирования логистической терминологии было использование слов русского языка или образование новых номинаций по продуктивным моделям словообразования из имеющихся в языке морфем, и только с 1980-х годов ее развитие пошло в основном по пути заимствования иноязычных специальных обозначений. Этим объясняется наличие большого количества непереводных словарей по данному разделу менеджмента.

По способу упорядочения словника различают алфавитные, алфавитно-тематические и алфавитно-гнездовые справочные издания. Словари по менеджменту придерживаются в основном алфавитной организации материала, например: *Джерри М. Розенберг. Бизнес. Менеджмент. Терминологический словарь, 1989; Джерри М. Розенберг. Инвестиции. Терминологический словарь, 1997; Словарь-справочник менеджера / Под ред. М. Г. Лапусты, 1996; Стратегия бизнеса: Аналитический справочник, 1998* и др.

В некоторых словарях существует тематическое деление на разделы, но внутри раздела материал представлен в алфавитном порядке. Например, *Краткий словарь терминов современного менеджмента (электронный ресурс)* включает 11 разделов (*стратегический менеджмент, организационное проектирование, описание и совершенствование процессов, организационное поведение и управление персоналом, логистика и управление производством* и др.).

В последнее время увеличивается число справочников, имеющих алфавитно-гнездовую организацию материала. В основном это русско-английские и англо-русские терминологические словари и словари на электронных носителях. В них термины-словосочетания группируются вокруг основного (ведущего) термина. Приведем пример статьи из *Словаря терминов антикризисного управления.*

> ***Стратегия*** — общий, всесторонний план достижения целей.
>
> Синонимы: *авераж, бизнес-стратегии, интернет-стратегия, контрстратегия, медиастратегия.*
>
> См. также: *Стратегическое планирование, Стратегия ограниченного роста* [13].

В *Терминологическом словаре логиста* 685 терминов (из 1348) толкуются в гнездах. Это касается специальных номинаций, обозначающих видовые по отношению к основным терминам понятия, либо о терминах, относящихся к логистике лишь косвенно, но необходимых для более точного уяснения смысла основных терминов. Ср.:

> ***Конкуренция*** — закон товарного производства, отражающий механизм соперничества товаропроизводителей, обусловленный противоречивостью их интересов в области производственно-сбытовой и торговой деятельности <…>.
>
> См. также: *конкуренция в открытую, конкуренция недобросовестная, конкуренция несовершенная, конкуренция чистая* [15].

По охвату языков — существуют словари одноязычные (толковые) и двуязычные. На сегодняшний день большинство терминографических изданий являются двуязычными (русско-английскими и англо-русскими), поскольку язык менеджмента пополняется за счет заимствований, в основном из англо-американских источников.

Появление подобных словарей на электронных носителях значительно облегчает поль-

зователю работу с ними, однако их существенным недостатком является отсутствие почти во всех справочниках алфавитных указателей специальных номинаций. Такие указатели необходимы, поскольку позволяют быстро ориентироваться в словнике.

В двуязычных словарях некоторые термины имеют два и более английских эквивалента, являющихся либо синонимами, либо британскими и американскими эквивалентами соответствующего русского термина, например грузы опасные — *dangerous goods* (брит.) и *hazardous materials* (амер.) [Там же]. Это важно указывать в тех случаях, когда различия между британским и американским вариантами английского языка бывают существенными.

Большую роль в наше время быстрого развития менеджмента играют англо-русские и русско-английские специальные словари, так как очень большое количество информации, представляющей интерес для специалистов, содержится в источниках на английском языке: специальные научные и технические журналы, материалы международных конференций, патенты, Интернет и т. д. Примером таких словарей являются: *Англо-русский экономический словарь, 2001 (35 тыс. статей); Англо-русско-английский словарь по экономике и финансам Polyglossum, 2004 (200000 терминов); Англо-русско-английский словарь деловой переписки Polyglossum (45000 терминов), 2004; Англо-русско-английский словарь по бизнесу Polyglossum, 2003 (200000 терминов.); Англо-русско-английский словарь сокращений по надежности и контролю качества Polyglossum, 2009 (50000терминов); Англо-русско-английский словарь по менеджменту качества и оценке соответствия / Под ред. И.И. Чайки, 2004 (более 15 000 терминов)* и др. Обычно такие словари построены по алфавитно-гнездовому принципу и включают не только терминологические единицы, но также типовые фразы, выражения и речевые обороты, необходимые для ведения деловой переписки и составления контрактов, ср.: [2]:

note 1) заметка, записка, // принимать к сведению; 2) накладная; 3) извещение, авизо; 5) долговая расписка, простой вексель;
note payable амер. векселя к оплате, дебиторская задолженность;
note payable on demand вексель платежом по предъявлению;
to note a bill сделать на векселе нотариальную отметку об отказе трассата от акцепта или уплаты;
to note down завести счет;
to note protest зарегистрировать протест векселя.

К сожалению, несовершенство многих англо-русских терминологических словарей очевидно. Одной из причин этого является то, что такие словари создаются специалистами в соответствующей области знания, не имеющими подготовки в сфере лексикографии. Часто в двуязычных словарях допускаются неточные указания на этимон. Например, для специальных обозначений, пришедших в русский язык из японского через английский, в некоторых словарях указывается лишь немотивированный английский эквивалент: *муда (англ. muda)* — любая деятельность, которая потребляет ресурсы, но не создает ценности; *мура (англ. mura)* — изменчивость в методах работы или в результатах процесса; *мури (англ. muri)* — напряжение, перегрузка (сверхурочная работа) человека или оборудования; *кайдзен,* или *кайзен (англ. kaizen),* — непрерывное, постоянное улучшение деятельности с целью увеличения ценности и уменьшения муда и др. [7].

Как уже отмечалось, большинство специальных обозначений менеджмента являются заимствованными из англо-американских источников, поэтому на сегодняшний день использование перевода в терминологическом отраслевом словаре представляется целесообразным, поскольку перевод в данном случае служит дополнительным средством семантизации термина. К тому же владение терминологией на двух языках помогает лучше ориентироваться в научной литературе, выявлять случаи соотнесения термина с несколькими понятиями. Поэтому на современном этапе развития терминологии менеджмента двуязычные словари предпочтительны.

Отметим также часто встречающееся одновременное употребление заимствованной транслитерированной номинации и ее кальки, ср.: *брейн-дрейн / утечка мозгов (англ. Brain*

drain); тайм-менеджмент / управление временем (англ. Time-management); управление рисками / риск-менеджмент (англ. Risk Management); менеджмент среднего звена / мидл-менеджер (англ. Middle Management); менеджмент высшего звена / топ-менеджмент (англ. Top Management); безбилетник / фри-райдер (англ. Free-rider); взятый в плен / кэптивный (англ. captive); вниз по течению / даунстрим (англ. Downstream); зеленый шантаж / гринмэйл (англ. Greenmail); добрая воля / гудвил (англ. Goodwill); защита Pac-Man / защита Пэкмэна (англ. Pac-Man Defence); невыход на работу / прогул /абсентеизм (англ. Absenteeism) и др. [9; 11; 13]. В одноязычных словарях часто указывается лишь один из синонимов, что создает трудности для пользователя при общении, ср.:

> ***Охотники за головами*** — лицо или агентство, занимающееся подбором менеджеров и исполнительных работников в интересах организации-заказчика. Подобная организация получает твердую сумму гонорара или комиссионные [12].

Степень восприятия любой научной информации определяется знанием специальных терминов, поскольку именно они составляют ее основу [3]. Знание термина обеспечивает его точная дефиниция в словаре. Однако толкование того или другого термина нередко допускает значительные расхождения между представителями различных направлений менеджмента. Например, соотношение таких ключевых «терминов» маркетинга, как *продукт* и *товар*, в русском языке часто рассматривают в трех вариантах: 1) как синонимы: ‘товар — продукт труда, произведенный для обмена (продажи)’ [5]; 2) *продукт* — ‘все то, что может быть произведено и продано’, *товар* (англ. *Good*) — ‘любое благо, вид продукта, предназначенные для купли-продажи на рынке’ [12]; 3) более широкое понятия термина *товар*, поглощающее термины *продукт* и *услуга*: *товар* — ‘материальное изделие, предлагаемое рынку с целью его приобретения, использования или потреблении’ [4].

Расхождения в понимании подобных специальных номинаций может служить источником непонимания и недоразумений в профессиональной коммуникации. Составители *Англо-русского словаря по менеджменту качества и оценке соответствия* провели частотный анализ специальных обозначений, вошедших в словарь. Оказалось, что из 15 000 номинаций менеджмента качества только 1/3 имеет однозначное толкование, 2/3 терминов — 2 и более толкований, а 20% терминов имеют 10 и более толкований — вплоть до 28 толкований для термина *продукт* [1]. Создание новых методов, приёмов и норм связано с одновременным адекватным изменением и уточнением терминологии в соответствующей сфере. Естественно, неоднозначность толкований терминов создает определенные трудности в общении специалистов по внедрению и практическому использованию нормативных документов. Неоднозначность толкований частично связана с тем, что менеджмент применяется в различных сферах экономической деятельности на предприятиях разных стран мира, в каждой из которых сформировалась специфическая терминология и свое толкование терминов.

По способу оформления информации — словари подразделяются на книгопечатные и компьютерные. Многие словари представлены сразу в двух видах: и на бумажных, и на электронных носителях.

Один из важнейших аспектов описания специального обозначения в терминологических словарях — его нормативно-стилевая характеристика. По существу любой терминологический словарь — это пособие по культуре профессиональной речи, а значит, теоретически такие словари должны включать специальные обозначения, наиболее отвечающие требованиям к термину. Однако на практике современная ситуация такова, что в языке менеджмента существует большое количество специальных обозначений, которые по разным основаниям невозможно отнести к терминам. В их состав привлекаются слова бытовой лексики, профессионализмы, в некоторых случаях даже жаргонизмы, что вызывает ассоциации, препятствующие строгости, которая необходима при терминологизации, ср., напр.: *дойная корова, дохлая собака, звезда, непослушный ребенок, золотые наручники, золотое приветствие, золотой парашют, имя, мыльный пузырь, могучие*

слоны, жирный кот, хромая утка, адвокат дьявола и др. [11]. Но такие номинации выполняют функции термина, имеют достаточно четкие дефиниции, активно используются в сфере менеджмента, и не только в устной речи, но и в различного рода учебных и научно-публицистических текстах, а потому они важны и нуждаются в отображении в лексикографических источниках.

Таким образом, большинство словарей по менеджменту не являются строго нормативными, они предлагаются пользователям в качестве практического пособия, способствующего единообразному смысловому толкованию приведенных терминов и определений.

Необходимо несколько слов сказать о словарях субстандартной профессиональной лексики. Самый известный в интернет-сообществе — *Словарь великорусского языка делового общения (Словарь бизнес-сленга)* [14]. Над словарем работали выпускники экономических факультетов конца 90-х гг. XX в. По словам авторов, «это не просто свод забавных словечек, а новый самоироничный взгляд на свою работу, если не сказать, что на жизнь вообще. И поскольку слово есть дело, словарь ценен и как источник практических знаний о современных профессиях» [16]. В словаре отражены все значения многозначных слов, дается английский эквивалент номинации, а также приводится иллюстративный материал, который дает возможность представить реальные условия функционирования номинации в живой речи. Приведем пример словарной статьи:

> ***Билить*** — *(от англ. to bill)* аудит., консалт. — Учитывать часы, отработанные на клиента или выставлять клиенту счет за отработанные часы.
>
> ***Валя*** — стоимость а) акционерная: *Наемники разрушают валю!,* б) добавленная: *Ну и какую валю ты добавил*? [Там же].

В словаре имеется отдельный подраздел *Словарь ринглиша*, в который включены номинации-кальки: *аддишен (от англ. addition)* — дополнение к чему-либо, *дедактить (от англ. to deduct)* — ауд. вычитать, *апдейтить (от англ. update)* — обновлять что-либо, *баить (от англ. to buy)* — покупать и др. [Там же].

Сегодня многие терминологические словари по менеджменту являются комплексными, совмещая признаки словарей разных видов. Многие приведенные выше терминографические примеры на тот или иной тип по большому счету тоже являются комплексными и могли бы быть представлены в качестве примеров нескольких типов словарей по менеджменту.

Указанные выше противоречия, встречающиеся в некоторых словарях, во многом объясняются противоречивым характером самого объекта описания — менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь по менеджменту качества и оценке соответствия. 15 000 терминов / Под ред. канд. эконом. наук И. И. Чайки. М., 2004.
2. Англо-русско-английский словарь по экономике и финансам Polyglossum / Коваленко Е., Аникин В. 2004. — http://www.ets.ru/pg/r/dict/anikin.htm
3. *Апресян Ю. Д.* Лексикографическая концепция НБАРСа // НБАРС. Т. 1. М., 1993.
4. Большой бухгалтерский словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. М., 1999.
5. Большой энциклопедический словарь: Современная энциклопедия. М., 2005.
6. *Герд А. С.* Основы научно-технической лексикографии. Л., 1986.
7. Глоссарий терминов Бережливого. — http://www.kaizen-tmz.ru/paz_ps/glossary/
8. *Гринев С. В.* Введение в терминологическую лексикографию: Учеб. пос. М., 1986.
9. *Дубичинский В. В.* Лексикография русского языка: Учеб. пос. М., 2009.
10. Иллюстрированный глоссарий по бережливому производству / Под ред. Ч. Марчвински, Дж. Шука. М., 2005.
11. *Лейчик В. М.* Опыт построения классификации терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии: Сб. статей. М., 1988.
12. *Сазерленд Д., Кэнуэл Д.* Стратегический менеджмент. Ключевые понятия / Пер. с англ.; Под ред. Е. Е. Козлова. Днепропетровск, 2005.
13. Словарь бизнес терминов. — http://www.klerk.ru/slovar/bus
14. Словарь великорусского языка делового общения. Словарь бизнес-сленга, составление и редактирование, 2004. —http://www.epo.ru/Business-Lex
15. Словарь терминов антикризисного управления. 2000. — http://dic.academic.ru/dic.nsf/anticris/73494
16. Терминологический словарь логиста. 2000. — http://www.slovalogista.ru/

Ван Сюй

КИТАЙ В СИСТЕМЕ НОМИНАЦИЙ РОССИЙСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕКСТОВ

WANG XU

CHINA IN THE NOMINATION SYSTEM OF RUSSIAN INFORMATIONAL TEXTS

В данной статье мы проанализировали представление о Китае, формируемое российскими средствами массовой информации в номинациях информационных текстов, служащих для вычленения фрагментов внеязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в виде значения представляющих их языковых единиц. Исследование номинаций проведено на основе анализа 1500 информационных текстов, вышедших в печать с мая 2006 года по сентябрь 2010 года в следующих изданиях: «Известия», «Ведомости», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты».

Ключевые слова: Китай, Россия, китайский образ, номинация, российские СМИ.

The paper focuses on the analysis of the performance of China, formed by the Russian mass media in the categories of information texts. The investigation of nominations is based on a review of 1500 published informational texts in May, 2006 — September, 2010 in such newspapers as «Izvestia», «Vedomosti», «Komsomolskaya Pravda», «Literaturnaya Gazeta», «Kommersant», «Argumenty and Fakty ».

Keywords: China, Russia, China's image, nomination, Russian Mass Media.

Ван Сюй

Аспирант кафедры теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета
► wangxu2008@mail.ru

Различного рода наименования жизненных реалий, связанных с Китайской Народной Республикой, встречаются в российских СМИ достаточно часто. Для российских читателей это один из важнейших источников получения информации о современном Китае. Целью данной статьи является анализ наименований, в результате которого можно сделать вывод о том, как представлен Китай в российских информационных текстах.

Анализ номинаций проводился на основе жанра новостной информации: рассмотрено 1500 информационных текстов, вышедших с мая 2006 года по сентябрь 2010 года в изданиях *«Известия», «Ведомости», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты»*.

Новостной информационный текст является основным источником сведений о КНР для российской аудитории, формирующих у читателя представления о КНР, имеющих важное значение для взаимопонимания наших народов.

В настоящей работе дана общая характеристика употребления различных наименований Китайской Народной Республики, названий городов, некоторых главных провинций. В качестве базового термина используется «номинация», которая понимается как языковая единица — слово, сочетание слов, фразеологизм и предложение[1], — значение

которой складывается в процессе называния, вычленяющем фрагменты неязыковой действительности и формирующем соответствующие понятия о них. В статье к рассмотрению привлечены следующие структурные типы языковых единиц как средств номинации.

1. **Слово**: *Пекин, Шанхай, Шеньян, Харбин, Далянь; Китай, Россия, экономика, политика, культура, столица, развитие, авторынок* и др.

2. **Сочетание слов**: *скоростная железная дорога Пекин — Шанхай; темп роста ВВП Пекина; китайский порт Шанхай; композитный индекс Шанхайской биржи; прямые авиарейсы по маршрутам Далянь* и др.

3. **Предложение**: *Контакты между китайскими и американскими военными возобновились лишь в феврале нынешнего года в ходе состоявшихся в Пекине переговоров по оборонной политике и безопасности; Китай построит скоростную железную дорогу Пекин — Шанхай за 5 лет и $31,6 млрд.*

Именование в языке всегда содержательно и опосредовано мышлением, при номинации имя не прикрепляется механически к обозначаемому, поименованному предмету в виде этикетки или вывески: «Процесс и результаты обозначения при помощи языковых единиц связаны с формированием понятий, в которых природные свойства вещей, явлений даны в преобразованной на основе человеческих потребностей форме, в виде снятой предметности»[2]. В подтверждение этому приведем следующий пример: *По данным Минторговли КНР, за указанный период объем российского импорта в Китай составил $7,43 миллиарда, а экспорта из Поднебесной в РФ — $6,06 миллиарда.*

В данном предложении три номинации *Поднебесная*, *КНР* и *Китай* используются одновременно. Номинация *КНР* — официальное название страны — мотивировано сочетанием *по данным Минторговли КНР, Китай* — выступает в качестве обозначения её местонахождения (*импорт в Китай).* Что касается номинации *Поднебесная*, то следует отметить, что это китайский термин, являющийся самым главным символом китайского государства. Например, в классической китайской философии термин *Поднебесная* используется как синоним цивилизации и порядка в китайском понимании, а также обозначает место китайского народа в мире.

В настоящее время с развитием современного китайского языка этот термин практически вышел из употребления китайских народов, но он постепенно вошёл в употребление в России и часто упоминается в российских средствах массовой информации. С нашей точки зрения, номинация *Поднебесная* передаёт русским читателям два основных значения: является синонимом слова *Китай* и косвенно говорит о том, что Китай — это известная восточная страна с давней историей и культурой. В приведённом выше примере номинация *Поднебесная* подчеркивает значимость этой страны для России.

Таким образом, слово *Поднебесная* является не только названием страны и культурным символом Китая, но и в конкретном информационном тексте оно эмоционально окрашивает для российских читателей передаваемое содержание.

В проанализированных информационных текстах были обнаружены названия следующих городов: Пекин — 576 употреблений, Шанхай — 435, Шеньян — 75, Гуанчжоу — 65, Харбин — 59, Далянь — 56, Урумчи — 54. Значительно реже упоминались города центрального подчинения: Чунцин, Тяньцзинь, Чанчунь, Сучжоу, Даньдун, Гонконг, Маньчжурия, Шэньчжэн, Ханчжоу, Нанкин, Мэн Чжоу, Мяньян, Ханьдань, Суйфэньхэ, Яньтай, Чэнду Юйхуань, Чанчунь, Мохэ и нек. др. Они представили столицу КНР — Пекин, города различных географических районов Китая, места, связанные с историческими событиями, особыми природными явлениями, а также являющиеся экономическими и политическими центрами.

Центральное место по числу употреблений занимает Пекин, который представлен российскому читателю в нескольких статусах. Отметим наиболее важные из них.

Пекин как главный политический центр Китая. Номинация *Пекин* употребляется в контексте, который формирует смыслы, дающие представление о Пекине как о городе, в котором происходят наиболее важные для политической жиз-

ни Китая события: *Законопроект «О персонале китайских дипломатических миссий», представленный на рассмотрение открывшегося в Пекине заседания Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей; Контакты между китайскими и американскими военными возобновились лишь в феврале нынешнего года в ходе состоявшихся в Пекине переговоров по оборонной политике и безопасности; 7 августа 2008 года председатель КНР Ху Цзиньтао в Доме народных собраний в Пекине провел серию встреч с руководителями ряда зарубежных стран.*

Из приведенных примеров видно, что город Пекин в российских СМИ позиционируется как город, в котором проходит работа центральных органов власти, как основной город, посещаемый иностранными делегациями для заключения международных договоров. На этом основании номинация *Пекин* на основе метонимического переноса используется для называния государства в целом — Китайской Народной Республики:

В условиях мирового финансового кризиса Пекин сделал ставку на развитие автомобильной промышленности; Пекин пошел на обострение конфликта с Брюсселем; Позиция Пекина по поводу нового договора является исключительно важной, поскольку с недавних пор Китай стал крупнейшим производителем парниковых газов, обогнав даже Соединенные Штаты.

Пекин как экономический центр Китая:

Китай построит скоростную железную дорогу Пекин — Шанхай за 5 лет и $31,6 млрд.; Олимпийские игры стимулируют экономическое развитие Пекина; В последние несколько лет темпы роста ВВП Пекина уверенно сохранялись на уровне выше 11 процентов, что сделало город одним из районов с наиболее высокими темпами экономического роста; Пекину удалось сформировать привлекательный инвестиционный образ Китая.

Таким образом, мы видим, что Пекин является городом с высокими темпами экономического развития и способствует развитию экономики всей страны. Для российских читателей этот город является знаковым с точки зрения осмысления экономической и культурной жизни Китая.

Пекин как информационный центр Китая. Большое внимание уделяется Пекину в том числе и потому, что основные сообщения мирового и локального значения публикуются именно пекинскими СМИ и цитируются международными агентствами. Кроме того, в Пекине проводятся пресс-конференции с различными китайскими и иностранными политическими деятелями: *Обнародованная сегодня Пекином статистика свидетельствует о том, что Китай вошел в тройку крупнейших автопроизводителей мира. Об этом сообщил сегодня в Пекине представитель министерства коммерции Лин Цзи; В Пекине состоялась пресс-конференция по вопросам работы Таможенного союза.*

Десятки тысяч информационных сообщений со всего мира каждый день собираются здесь, анализируются и обрабатываются и через агентство Синьхуа публикуются по всей стране. Пекин, как и Москва для России, — своеобразный центр национальных средств массовой информации.

Второе место по представленности в российских СМИ занимает ***Шанхай***. Это современный торгово-экономический центр Китая, второй в стране по численности населения и один из четырех городов центрального подчинения. Шанхай является одним из важнейших промышленных и культурных городов Китая. По сравнению с Пекином Шанхай — более современный и динамично развивающийся город с богатыми международными связями и хорошими перспективами для дальнейшего развития. Шанхай часто сравнивают с Санкт-Петербургом. Шанхай является не только окном в мир для своей страны, но и своеобразной точкой обзора для иностранцев, позволяющей увидеть и понять современный Китай.

Шанхай изображается как важный экономический центр Китая и мегаполис: *Тем временем на шанхайском шоу были представлены 1500 компаний из 25 стран; Rusal будет поставлять в Шанхай около 20000 т алюминия в месяц для его реализации на спотовом рынке.*

Шанхай представлен как лидер в процессе модернизации Китая. Его позиция так же важна в глазах иностранных читателей, как и позиция

Пекина. Российские средства массовой информации часто сравнивают эти два города: *Россия и КНР планируют создать систему связи для стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС); Соглашение о сотрудничестве, подписанное в Москве с представителями Шанхайской фондовой биржи (Shanghai Stock Exchange), предусматривает распространение индексов ММВБ на территории Китая; Поездка из Пекина в Шанхай (1438 километров) займет теперь на два часа меньше, чем обычно.*

Российский читатель по публикациям видит, что Шанхай является одним из важнейших культурных центров Китая, являясь при этом своеобразным мостом между западной и восточной культурами: *Главная китайская ярмарка современного искусства располагается в Шанхайском выставочном центре; В презентации приняли участие Виктор Слипенчук, делегаты Международного форума «Москва Инвест 2009», представители консульства России в Шанхае, представители китайских культурных и научных кругов, студенты шанхайских ВУЗов, изучающие русский язык.*

Пекин и *Шанхай* хорошо известны многим россиянам, в то время как о таких важных городах, как *Харбин* и *Шеньян,* сейчас знают немногие.

Город *Харбин* был основан русскими в 1898 году как железнодорожная станция трансманчжурской магистрали, из-за чего наиболее старые районы Харбина и в настоящее время отличаются преобладанием типичной для Сибири архитектуры. Для российских читателей город позиционируется как административный и политический центр Восточного Китая. С момента основания Китайской Народной Республики усилилась роль Харбина как центра тяжёлой промышленности. В настоящее время Харбин стал одним из главных перевалочных пунктов в торговле с Россией, чему обязан своим нынешним бурным ростом:

К середине 20-го века благодаря трудам Миссии появилось более сотни храмов в Пекине, Харбине, Внутренней Монголии, Синьцзяне, Гонконге, Ханькоу, Тяньцзине; Из Пекина в Харбин (1200 километров) можно будет доехать чуть меньше чем за восемь часов; Четвертая конференция русских в Харбине посвящена 65-летию Победы; Якутия открывает авиалинию Благовещенск — Харбин; Стартовал женский автопробег «Хабаровск — Харбин — Хабаровск».

Таким образом, *Харбин* представлен прежде всего как источник информации о Восточном Китае и как культурный мост между КНР и Россией, поскольку *Харбин* играет важную роль в процессе развития политического сотрудничества между двумя государствами и является символом дружбы китайского и русского народов, что часто подчеркивают российские СМИ.

Из крупных провинциальных центров назовём *Шэньян* — город в северо-восточной части Китая, административный центр провинции Ляонин. В масштабах всего северо-восточного Китая *Шэньян* является важным промышленным центром и на протяжении длительного времени занимает значимое экономическое и стратегическое положение. В глазах российских СМИ этот город является политическим и культурном центром северо-востока Китая. О нём пишут: *На состоявшейся в городе Шэньяне выставке экспортно-импортных товаров с участием китайских и российских предприятий были подписаны договоры на общую сумму 10 млн. американских долларов; в Шэньяне действует Генеральное консульство Российской Федерации.*

Кроме *Шэньяна* из городов северо-восточного Китая российским читателям известен ещё один город — *Далянь*, который представлен в российских СМИ как международный центр морского отдыха и туризма. Кроме того, этот город является важным международным торговым портом в Китае и играет важную роль в процессе дружественных контактов между Китаем и Россией. Для многих читателей более известно второе название этого города — «Порт-Артур», хранящее память о Русско-японской войне. Поэтому город *Далянь* в глазах российских СМИ является важной точкой в истории российско-китайских и российско-японских отношений: *Президент РФ Дмитрий Медведев встретился в Даляне с ветеранами Второй мировой войны; В 2009 году Далянь принял свыше 57 тыс. российских туристов — на 11,11 процента больше, чем в 2008 году.*

Далянь (когда-то русский порт Дальний) находится недалеко от российских границ; «У наших стран очень тесные отношения, чем больше китайцев будут знать русский, а русских — китайский, тем прочнее и более многообразными будут наши связи», — сказал глава российского государства во время посещения центра русского языка Даляньского института иностранных языков.

Аналогичным образом дается характеристика таким региональным политическим и экономическим центрам, как город *Гуанчжоу*, *Урумчи*, *Чунцин*, *Тяньцзинь*, *Чанчунь*, *Сучжоу*, *Гонконг* и *Шэньчжэнь*. При этом как номинации, так и сопутствующие им характеристики выделяют главную, доминантную характеристику каждого города. Мелкие китайские города редко бывают в центре внимания российской прессы, при этом в процессе политической коммуникации и экономических обменов основное внимание сосредоточено на городах юго-восточного побережья.

Далеко не все районы Китая представлены в приведённой в начале статьи классификации. Это связано, во-первых, с тем, что основное внимание СМИ обращено не к географии Китая, а в первую очередь к экономической и политической сфере. Во-вторых, Китай — страна с огромной территорией, и лишь небольшая часть районов привлекает внимание иностранной прессы. Российские СМИ обращают внимание на более крупные и известные города и реже затрагивают мелкие, менее известные районы.

Тем не менее в российской печати находят своё отражение различные стороны жизни Китая. Это и партнёрские отношения между двумя государствами, являющимися дружественными на протяжении многих лет, и быстрый экономический и промышленный рост КНР. Интенсивный обмен информацией, о котором мы можем судить по СМИ, показывает российским читателям современный уровень отношений между государствами и вхождение в новую эру стратегического партнерства, что, разумеется, имеет очень важное историческое значение. Рост внимания российских СМИ к Китаю позволяет расширить и углубить знания читателей, касающиеся Китая. В целом совокупность номинаций, представляющих Китай в российских СМИ, носит характер открытой системы, которая будет приобретать всё новое и новое информационное содержание благодаря развитию двусторонних отношений между странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Телия В. Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977. С. 154.

[2] *Арутюнова Н. Д.* Номинация и Текст // Языковая номинация (виды наименований) / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М., 1977. С. 304.

[представляем магистерские работы]

МАГИСТРЫ ЗАЩИЩАЮТ КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ РАБОТЫ...

Продолжаем представление магистерских диссертаций, выполненных на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ в рамках лингвокультурологического направления (см.: МИРС. 2011. №3).

Мильбрет А. А. Принципы описания русских лексических единиц со значением общей оценки внешности человека в лингвокультурологическом словаре.

Целью диссертации являлось выявление лингвокультурологического потенциала русских лексем, составляющих анализируемую лексико-тематическую группу (ЛТГ), и разработка способов их лексикографического представления. Анализ ЛТГ «привлекательности / непривлекательности внешнего облика человека» был проведен в рамках входящих в нее лексико-семантических групп. Отобранные по данным словарей 69 лексем представили 4 лексико-семантические группы. Поскольку ядро лексико-тематической группы составляют имена существительные и приядерную зону — имена прилагательные, то именно эти лексико-семантические группы были подвергнуты детальному анализу.

В результате проведенного исследования был сделан вывод о присущем лексическим единицам русского языка, характеризующим внешность человека, оценочном компоненте значения, что позволяет рассматривать их в аспекте лингвокультурологии, т. е. с выявлением наивных языковых представлений носителей языка, сложившихся под воздействием национального мировидения. Данные представления вербализуются в литературно-художественных публицистических и разговорных дискурсах. При этом происходит актуализация речевых значений лексем, проявление особенностей их синтагматических связей, способности функционировать для номинации или характеристики лиц разного возраста и пола, а также выражать общее эмоциональное впечатление воспринимающего, эксплицируя прагматический компонент значения лексических единиц.

(Продолжение на с. 56)

П. С. Глушаков

ОБ ОДНОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

PAVEL S. GLUSHAKOV

ON A SEMANTICS PECULIARITY OF VASILY SHOUKSHIN'S PROSE

В статье установлено, что художественная действительность и мир языка, согласно поэтике В. Шукшина, не «сотворённое», а творимое. Усложнение языковых поисков, по мнению автора статьи, идет в прозе писателя по нескольким основным направлениям: это семантические наращивания, метафоризация, различные виды контекстирования, а также формальные структурные изменения — анаграммы, графемы. В текстах Шукшина наблюдается также широкое «поле» разноуровневых и разновекторных бинарных и тернарных оппозиций, что свидетельствует об усложнении поэтического мышления писателя.

Ключевые слова: Василий Шукшин, поэтика, структурные оппозиции, слово, семантика, интерпретация.

The paper detects bélles-léttres reality and language world of V. Shoukshin's poetics is not a "created" but "being created" one. The author considers the complication of language prospecting is on several general areas, i. e. semantic accumulations, metaphorising, various types of contexting and formal structural changes — anagrams, graphemes. Voluminous "sphere" of different level and vector binary and ternary oppositions indicate complication of poetic thinking.

Keywords: Vasily Shoukshin, poetics, structural oppositions, word, semantics, interpretation.

Павел Сергеевич Глушаков

Доктор филологии (Рига, Латвия), Докторант Северного (Арктического) Федерального университета, Архангельск
► glushakovp@mail.ru

Феноменальность прозы Шукшина заложена в самом, на первый взгляд, *простом* материале. Краткие произведения прозаика, включаемые в сложные текстовые контексты, демонстрируют поистине огромные возможности интерпретации, они выстраивают свою внутритекстовую поэтическую систему, развивая специфические структурные принципы, степень регулярности которых говорит о неслучайных строевых процессах. Текст сигнализирует о поисках, мировоззренческих изменениях, об усилении словесных возможностей; слово включается в перекрёстные контексты: в контекст словосочетания, предложения, всего произведения, а затем по принципу дополнительности / оппозиции / контраста / ассоциации и т. д. может быть рассмотрено в составе нескольких записей одного тематического, мотивного поля или же в составе целого сложного текстового единства. Именно поэтому такое пристальное, поистине миростроительное, внимание уделяется Шукшиным языку и *слову* как основной языковой единице. В его текстах

(намеренно или нет) запускаются в действие некоторые универсальные механизмы функционирования слова в ткани художественного текста: слово превращается, во-первых, в творческую порождающую единицу, а во-вторых, наделяется *деятельной* компонентой, становясь результатом акта творения новых смыслов и систем миропонимания. По мысли В. Гумбольдта, язык есть «не мёртвое произведение, а деятельность. <...> вечно повторяющееся усилие... Самое существование духа можно себе представить только в деятельности и как деятельность»[1]. Акт называния, отождествления, метафоризации (сравнения), ассоциирования и т. д. есть, таким образом, акт волевого усилия, творчества по отбору того, что, по каким-либо внутренним, мировоззренческим установкам, может, а значит, *должно* воплотиться в текст. Отбор этот не случаен, как — следовательно — не случайна и читательская реакция на прочитываемый текст: от читателя *требуется* аналогичное волевое усилие для «получения» полной и адекватной «информации», заложенной в «послании» — едином тексте писателя, семантика которого определяется смысловым единством культурного поля.

Одновременно шукшинское *слово* есть *дело* (вспомним постоянное стремление к активному волевому усилию / долженствованию / деланию в поэтике Шукшина[2]): оно позволяет свободно оперировать эпохами, людьми, давать или переименовывать имена, признавать или присваивать родство, «переводить» написанное в претворённое, преодолеть безлично-объективное (нейтральное) «никому-не-принадлежащее» и «никого-не-трогающее» в субъективное (активное, личное). Заметим в этой связи, что именно со *слова*, вслушивания в него, с обнаружения личного и волнующего, завязываются мировоззренческие «сюжеты» в новеллистике Шукшина: «забуксовавшие» герои раскрывают то, что уже стёрлось и стало столь «объективным», что потеряло живую связь с человеком, отстранилось от жизни. Именно слово заставляет (в буквальном смысле) героев мыслить, действовать. Слово же приводит к диалогу с *другим*, спору, нравственным поискам, открытиям, обидам, агрессии и т. д.

Текст *вторгается* в жизнь, оживляет то, что уже/ещё не может поддаться физическому воздействию в силу объективных причин: жизнь становится той метафорической «бесконечной массой», которая пульсирует на наших глазах здесь и сейчас, чудесным и неповторимым образом, что подвластно только литературе. Так творец-художник, Шукшин, оживляет творца в *каждом* своём читателе, словом творит великое, без сомнения, дело.

Тексты Василия Шукшина демонстрируют широкое «поле» разноуровневых и разновекторных бинарных (двойственных) оппозиций. Бинарные оппозиции антонимичны; регулярность их проявлений говорит о принципах афористического мышления Шукшина, оперирующего предельными категориями. Первую группу произведений составляют тексты с антонимической лексикой. Антонимы тут регулярно парны, определяя некоторые границы рассмотрения проблемы, задавая семантике текста определённую ограниченность и предопределённость выбора (или — или); как следствие — риторика в этих записях преобладает над поэтикой. Ко второй группе можно отнести тексты, в которых антонимическая семантика проявляется опосредованно; форма этого проявления неоднородна: здесь есть «ассоциативные цепочки», намёки и аллюзии. В шукшинском творчестве присутствует и эмоционально-психологическая антонимия, когда мысль «гасится», «снижается» авторским примечанием, самонаблюдением, используя приём отстранённости (или даже «остранения») от написанного им же текста, дистанцирования от слова *написанного* в пользу слова *непроговорённого,* только подразумеваемого (даже так: иногда Шукшин как бы «стыдится» возможной патетики своих слов, опасается, что читатель воспримет их как нравоучение, поучение, пустую риторику; здесь автор «борется» с самой жанровой сущностью рабочих записей, идущей от просветительской афористичности Ларошфуко и др.): «Надо заколачивать свой гвоздь в плаху истории (*ой-ой-ой*!)»[3]. Такое «внутреннее снижение» представляет собой не что иное как достаточно подробно изученный психологами феномен «внутреннего

говорения», активно развитой рефлексии, источник которой можно видеть в «нравственном противоречии»[4].

Контекстуально некоторые слова во фразеологии Шукшина наполняются антонимичностью, не будучи формально противопоставленными: «Да, я б хотел и смеяться, и ненавидеть, и так и делаю»[5] (положение одновременности действия, при их явственной оксюморонности). В этой дневниковой записи, как и в целом ряде других текстов, писатель будто отвечает на чью-то реплику. Эти записи диалогичны, представляя собой опущенный ответ-противопоставление в первой части. Контекстуальная антонимия использует явственный зооморфный смысловой код и образы, олицетворяющие низкое, грязное, тёмное: «Грамматические ошибки при *красивом* почерке — как *вши* на нейлоновой рубашке».

Эти явления достигают своего апофеоза, думается, в ставшем уже хрестоматийном рассказе «Бессовестные». Само заглавие рассказа позволяет «поиграть» смыслами: набожная старушка Отавина «ввязалась» в историю, из-за которой ездила в церковь «грех замаливать», так как «*бес* её попутал» (первый элемент слова — приставка (**бес**-); воспоминания об «установлении» *сов*етской власти и гражданской войне (**-сов-**); боязнь «оглашения» «тайны» стариков, опо*веще*ния (**-вест**-). Большое значение в рассказе имеют числа, даты: старик Глухов овдовел в *шестьдесят восемь* лет и стал сначала *единицей* («Как же я теперь буду-то? Один-то?»), жил так *один год*, затосковал в *одиночестве*, вспомнил о младшем сыне, *единственном* оставшемся в живых... (Даже может показаться, что старик и исчез вовсе, стал нулём (визуально это передаётся необычайно большим числом букв «о »): он «...зат**о**ск**о**вал... А, п**о**жалуй, зат**о**ск**о**вал. Дик**о** стал**о** **о**дн**о**му в б**о**льш**о**м д**о**ме...»). Оппозицией миру мёртвых и живых единиц служат *шесть* (!) ульев, что держал старик, шесть крепких и полных семей... А 9 мая старик решил жениться. «Присоединить» к себе ещё одну «единицу» (бе**с**+**с**овестные). Помянул *троих* погибших сыновей и приметил в толпе старуху **О**тавину (опять тот же «нуль»); решил для начала посоветоваться с **О**льгой Сергеевной Малышевой (не в этом ли их «фатальная» развязка — «трагедия нулей», одиночеств?). Пенсионные деньги, что «аккуратно» и «уважительно» (не без игры, конечно, лукавинки шукшинских «простаков») платит старику власть, весьма примечательны: пенсия его 20 рублей, а сын иногда даёт в *четыре* раза меньше — *пятёрку* (а вот Малышева иногда ставит старику «*четвертинку*» за помощь; небезынтересно, что старуха Отавина утверждает, что её дочь «ютится на *пятачке*».). Малышева рассуждает о «смысле жизни»: «Прожить можно и *сто* лет... А смысл-то был? Слоны по *двести* лет живут, а какой смысл?» И тут же — косвенно — отождествляет старика со ... слоном: «Ещё *двести лет* тесать — тогда только на людей будете похожи»[6]. (А пока ещё — не люди!) Потому не случайны такие сентенции старика: «Сравнила... *телятину с козлятиной*». В свою очередь, Малышева называет старика «*жеребцом*», а своего «комиссара» отождествляет с «*орлом*». Далее: красноречивое «наименование» старика «*козлом*» (далеко не случайное и очень частотное у шукшинских героев) и ответный призыв Отавиной «не гнать *коней*». Наконец, окончательный «приговор» Малышевой: «Совсем как... подзаборники. Тьфу! *Животныи*». Мир героев чётко разделён на «белое» и «чёрное» — это и является, по-видимому, причиной трагического конфликта, потери живого диалога, без которого у героев нет будущего.

Однако было бы неверным судить о «космосе» Шукшина только по этим простейшим сочетаниям, в которых двоемирие / антонимичность проявляются в явственной и недвусмысленной форме. Думается, структура художественного мира писателя подразумевает включение и других гораздо более сложных элементов: тройственных оппозиций и элементов единоначалия. Если бинарные оппозиции конфликтны по своей сути, то тройственные оппозиции подразумевают не столько конфликт, сколько иерархию / движение / компромисс. Тройственность — это и гегелевская триада, в которой синтетичность «снимает» первичную бинарность, но это и христианская Троица, где «элементы» слиянны и ипостасны. Одновременно это и «объективированная» реальность: три категории времени, три измерения

пространства и т. д. Писатель переносит эту триаду на свою жизнь: «Всю жизнь свою рассматриваю, как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость. Два из этих раунда надо выиграть. Один я уже проиграл»[7]. И — отчаянное: «В трёх случаях особенно отчётливо понимаю, что напрасно трачу время:

Когда стою в очереди.
Когда читаю чью-нибудь бездарную рукопись.
Когда сижу на собрании»[8].

Подобные структуры сугубо иерархичны, построены от простого (малого, раннего) к сложному (большему, позднему); они личностны (написаны от первого лица); оппозиции оперируют категориями *времени* и *траты времени*, протекающими в статике («стою» — «читаю» — «сижу»). Троичные единства ассоциативны: судьба — рождение / молодость — сын; характер — женитьба/ зрелость; исповедь — старость / смерть — отцовство. Также следует подчеркнуть, что троичность становится ещё и особым ритмообразующим средством, прочитываемым даже графически (нумерация, выделение каждого отдельного элемента, причём подача этого выделения близка стихотворной анафоре — повторение первого элемента в каждой строке). Эти элементы цитатны или выражают точку зрения «другого», экспрессивны (маркированы восклицательными знаками или многоточиями), аллитеративны. Наконец, тут «испытуется», подвергается сомнению, явление, проясняется его новая сущность.

В целом же можно говорить о том, что семантическая оппозиционность — сущностная для прозы Шукшина характеристика, которая имеет непосредственное отношение к этическим категориям, организующим художественную философию писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Кожинов В. В.* Литература и слово // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 324.

2 *Глушаков П. С.* Из размышлений над темой: Слово в художественном мире Василия Шукшина // Research on Slavic Languages. Seoul, 2009. Vol. 14–2. P. 300–320.

3 *Шукшин В. М.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1996. С. 455.

4 *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М., 1960. С. 362.

5 *Шукшин В.М.* Указ. соч. С. 456.

6 Там же. С. 236.

7 Там же. С. 222.

8 Там же. С. 232.

[представляем магистерские работы]

(Продолжение. Начало на с. 52)

Проведенные свободный ассоциативный эксперимент и когнитивный тест позволили выявить реальную представленность анализируемых единиц в языковом сознании носителей русского языка, коннотации и оценки, сопровождающие восприятие той или иной лексемы, ряд прецедентных феноменов, связанных в когнитивной базе носителей русской лингвокультуры с анализируемыми единицами ЛТГ.

Полученные данные были положены в основу словарной статьи для лингвокультурологического словаря, структура которой представила своеобразный итог анализа, отражение его результатов. Пример:

КРАСО́ТКА — *сущ., ж.р., -и,* **красо́ток;** *разг.*

З: Хорошенькая, миловидная женщина, девушка

Красоткой обычно называют молодую женщину или девушку. Существительное не всегда требует конкретизации внешности, главным оказывается общее впечатление, эмоциональная оценка определяется речевой ситуацией. Та, которую так называют, а) сочетает в себе положительные внешние и внутренние качества, б) может наделяться отрицательными чертами характера, что проявляется при употреблении прилагательных *жёсткая, расчетливая, безжалостная, ветреная, легкомысленная*. Стереотипное представление: образ *красотки* связан с понятием моды, стиля, богатства. *Красотка*, в отличие от *красавицы*, неестественна, она прилагает определённые усилия, искусственно создавая красоту:

С обложки каждого журнала улыбается стройная ***красотка*** *или атлетического сложения мужчина — «Сбросьте 25 фунтов за один месяц!»* [Н. В. Карпова. Письмо из Америки об американской кухне (1999)].

Сотникова И. А. Русские устойчивые сравнения в лингвокультурографическом аспекте (на материале идеографического поля «Внешность»).

Целью диссертации являлось исследование национально-культурной специфики устойчивых сравнений (УС) русского языка на фоне испанского для определения принципов лексикографического описания русских единиц. Для анализа было отобрано 84 русских и 62 испанских УС. Детально были проанализированы УС, характеризующие худого человека.

В результате проведенного исследования были сделаны выводы о том, что о специфических особенностях УС русского языка (на фоне испанского языка) можно судить с различных позиций:

1) с точки зрения выделяемых идеографических разрядов. Так, для русского языка лакунарной тематической подгруппой является подгруппа УС, характеризующих крепкого, сухого и жилистого человека. Для испанского языка лакунарными являются подгруппы УС, характеризующих тонкого человека и полноту/худобу при маленьком росте;

2) с точки зрения номинативной плотности выделенных разрядов в двух языках. В русском языке представлено большее количе-

(Продолжение на с. 66)

О. С. Макарова

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЕ ЕДИНСТВО МИНИАТЮР ЦИКЛА «КРОХОТКИ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

OLGA S. MAKAROVA

STRUCTURE AND MEANING UNITY OF SOLZHENITSYN'S PROSE MINIATURES "KROKHOTKI"

В ходе анализа речевой организации миниатюр цикла «Крохотки» А. И. Солженицына делается вывод о их структурно-смысловом единстве — разрозненные на первый взгляд темы, затронутые в ранних миниатюрах, оформляются сходным образом и создают единую картину — мира и человека в нем.

Ключевые слова: миниатюра, цикл, коммуникативные регистры речи, структурно-смысловое единство.

The paper focuses the unity in structure and meaning of Solzhenitsyn's prose miniatures "Krokhotki" can be proved by the analysis of their communicative structure. Thus, different in subject, these miniatures have similar structure and represent the integrated image of a man and his place in the world.

Keywords: prose miniature, cycle, communicative types of discourse, unity in structure and meaning.

«Крохотки» А. И. Солженицына, одна часть которых была написана в 1958–1960 гг., напечатаны были значительно позже. Первая публикация состоялась за рубежом, в журнале «Грани» в 1964 году. Вторая часть цикла была написана в 1996–1999 гг., по возвращении писателя на Родину.

В статье мы подвергнем анализу только первую часть — ранние миниатюры. Ненапечатанные, в 60-е годы они ходили в самиздате и вызывали широкий интерес у читателей, будучи созвучными своему времени.

Ольга Сергеевна Макарова

Преподаватель кафедры РКИ и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► olyamakarova@hotmail.com

В немногочисленных исследованиях, посвященных этим миниатюрам, представлено как многообразие жанровых характеристик входящих в состав цикла единиц (стихотворение в прозе, самый малый эпос, крохотный рассказ, лирическая миниатюра), так и разнообразие мотивов и тем в них затронутых: «Цикл солженицынских „Крохоток" состоит из семнадцати[1] миниатюр, различных по своему объему, тематике и жанрово-стилистическим признакам» [1]. При этом исследователей не оставляет ощущение единства миниатюр, которое выражается в стремлении выявить и описать то общее, благодаря чему создается цикл: «Трудно выявить какую-то закономерность в отборе тем, но сгруппировать миниатюры по мотивам все-таки можно: отношение к жизни, жажда жизни...; мир природы...; противостояние человеческого и официального миров...; новое, чуждое мироотношение...; личные впечатления, связанные с потрясениями красотой, талантом, воспоминаниями» [2: 119]. Именно личные впечатления рассматриваются как циклообразующий элемент: «В „Крохотках" с особой непосредственностью обнаруживается свойство всего творческого видения мира, присущее Солженицыну и связанное с его поистине уникальным духовным опытом, накопленным за его жизнь — страдальческую, тяжкую, праведнически высокую и чудом для нас спасенную» [3: 39]. Все подобные замечания, с которыми трудно не согласиться, однако ещё не отвечают на вопрос о том, что объединяет «Крохотки». Ответ, как кажется, может быть

получен в результате описания содержательных и речевых особенностей миниатюр. Остановимся сначала на характеристике самого жанра.

Жанр миниатюры характеризуется как маленькое по размеру художественное произведение, органически сочетающее в себе художественное и публицистическое начала. Художественное осмысление действительности представлено в форме открытого, личного разговора с читателем. Так, в предисловии к циклу «Затеси» В. П. Астафьев, другой писатель, также обращавшийся к этому жанру, отмечает: «...человек во все времена остается человеком, и потребность его в задушевной беседе никогда и никуда не исчезала... И пусть писатель сам себе „поп и прихожанин“, но жажда исповеди...в наш суетный век томит... заставляет искать новые пути к собеседнику, и не случайно в последнее время очень разные писатели начали общаться с читателем посредством коротких записей-миниатюр — таким образом можно скорее „настичь“ бегущего, занятого работой, затурканного бытом современного читателя» [4: 132].

Структура миниатюры в самом общем виде представлена двумя частями — (1) описание или повествование о некотором событии, по поводу которого делается (2) вывод или заключение оценочно-философского характера. Очевидно, что такой текст должен иметь субъективно-выраженный характер. Если это так, то природа жанра неизбежно ставит вопрос о личностном начале и образе повествователя.

Итак, миниатюры, с одной стороны, представляют эпизоды, события, как правило, связанные с обычной жизнью, но схваченные острым взглядом писателя, они обращают внимание на то, мимо чего зачастую проходит в своей повседневной жизни читатель. Острота зрения, проявленная в описаниях, создаёт образ как действительности, так и самого повествователя. В исторической перспективе эти жанровые особенности оказываются созвучны началу 60-х годов, когда в литературе обозначилась активизация субъективно-оценочного начала.

Указанным обстоятельством определяется необходимость прежде всего анализа приемов оценочного изображения действительности, за которым стоит образ повествователя. Особенности изображения в значительной степени задаются и краткостью формы, требующей содержательности, личностной определённости, которая предполагает «способность динамично и быстро реагировать на происходящие в жизни события... предельную концентрацию жизненного материала и емкость нравственно-философского смысла» [5: 4]. При этом краткость формы может нанести ущерб содержанию, поэтому «широкий эпический контекст, необходимый для художественного отражения действительности в совокупности ее типичных форм и проявлений, достигается образованием такой формы, как цикл миниатюр» [Там же: 16]. Если рассматривать цикл как некое художественное целое, то для него, по определению, характерны сильные позиции — начала и конца, поэтому обратимся, прежде всего, к рассмотрению первой и последней из миниатюр раннего цикла «Крохотки»[2].

Первая миниатюра называется «Дыхание», последняя — «Молитва». Обе они написаны от первого лица, сосредоточившего повествование на собственном состоянии. Сразу отметим, что все остальные 16 миниатюр, обрамленные этими двумя, представляют собой воспроизведение действительности, пропущенное через обозначенное здесь состояние повествователя, основанное на глубоком православном отношении к жизни.

Название первой миниатюры представляет её лейтмотив, пронизывающий весь текст. «Дыхание» заголовка поддерживается перволичными формами глагола: *дышу — дышу, дышу то с открытыми глазами, то с закрытыми,* которые сменяются инфинитивом: *дышать так, дышать здесь, пока можно еще дышать.* Повтор звучит как заклинание.

Анализируя большие и малые формы в творчестве Солженицына, Ж. Нива возводит *дыхание* в ранг стержня, главного компонента поэтики писателя. Ср.: «Кажется, все его творчество самим Солженицыным осознается как „щель“, то есть как фрагмент Целого, Абсолютного. Его перспектива — смешение исихазма и платонизма. Платонизма, поскольку все — лишь отблеск, фрагмент Целого. ...А исихазма, поскольку все движется, дышится, вечно дышит и вечно молится. Фрагментарность превращается в универ-

сальность, „крохотка“ — в гигантскую фреску. Но всегда главное ядро — дыхание.... Поэтическое дыхание кромсает солженицынскую прозу на главки, почти как в Библии. Вдох — выдох. Вечная молитва. Вечная динамика наших легких, принимающих воздух и воспринимающих весь Мир, все Утро мироздания» [6: 145–146].

Итак, организуясь вокруг лейтмотива, приобретающего более широкое толкование в тексте, чем просто способность организма дышать, миниатюра построена на принципах сочетания трех основных коммуникативных регистров[3]. Репродуктивное начало вводит в конкретную ситуацию, рисуя окружающую повествователя среду и его состояние (*Я стою под яблоней отцветающей — и дышу*). При этом ситуация актуализирована обращением к авторским «расширениям»[4]: *не одна яблоня, но и травы вокруг* ***сочают*** *после дождя — и нет названия тому сладкому духу, который* ***напаивает*** *воздух*. Словари отмечают следующие значения выделенных слов:

Сочить (сочать). 1. Испускать, выделять из себя по капле (книжн., поэт.).

Напоить (напаивать). **2.** *что.* Пропитать, наполнить чем-н. (книжн., поэт.).

Эти слова создают образ, применимый не только к конкретной, описываемой ситуации. Он может быть распространен и на понимание самого цикла — каждая «крохотка», все в ней, содержит в себе «каплю» авторского миропонимания, которое складывается, «наполняется» до единой картины восприятия мира в рамках цикла.

Субъективное начало можно проследить и в совмещении временны́х пластов в первом предложении миниатюры, выделенном в отдельный абзац, — представленные в нем единицы соотносятся с прошедшим временем (*ночью* ***был*** *дождик*), настоящим (*и* ***сейчас переходят*** *по небу тучи*) и будущим (*брызнет слегка*), так как форма сов. вида в наст. времени употребляется и для выражения будущего. Связь времен, важная как для истории, так и для человека, будет конкретизироваться и развиваться в цикле и в дальнейшем.

Надо отметить, что, кроме указанного *был*, все глаголы в миниатюре представлены в форме актуального настоящего (*стою, дышу, втягиваю, ощущаю, перестаю*), что, с одной стороны, создает эффект присутствия, не разрывая время действия и момент речи, а с другой — ощущение вневременности. Ср.: «...хронотоп миниатюры проявляет тенденцию к сужению, сжатию до одномоментности, до масштабов точки, то есть время и пространство внутреннего мира миниатюры становятся в идеале неопределенными, нефиксированными, универсальными» [10], благодаря чему становится возможным выразить всю сложность отношений «я — мир в целом» в пространстве миниатюры, по объему не превышающей нескольких страниц.

Часть, представляющая собой репродуктивное описание, заканчивается глаголом *знаю*, подготавливая к переходу к информативному коммуникативному регистру. Вторая часть миниатюры представляет собой некое сообщение, хотя и не прямо, но информирующее о том, что предшествовало описанному моменту и почему он так остро воспринимается: такое дыхание — воплощение воли, «которой нас лишает тюрьма». Информативный регистр, наиболее отстраненный от субъекта речи, тем не менее здесь не объективен: глаголу *лишать* присуще значение оценочно-характеризующей квалификации и форма *нас* включает повествователя в круг сообщаемого явления.

И наконец, третий компонент носит генеритивный, обобщающий характер, поднимая субъекта над действительностью (*я* ***перестаю*** *слышать стрельбу мотоциклов...*), приводит к последнему аккорду — завершению, выраженному при помощи модального безличного предложения: «Пока можно еще дышать после дождя под яблоней — можно еще и пожить!».

Таким образом, анализ речевой композиции позволяет увидеть, как автор организует свое повествование, ставя одновременно и перед исследователем задачу провести наблюдение за речевой структурой остальных миниатюр цикла в поисках их смысловой целостности.

К анализу последней миниатюры мы обратимся позже, сейчас же только отметим ее реально завершающий характер с благодарением Богу за путь, который через безнадежность, через страдание привел повествователя к пониманию сущности бытия.

Формирование смысла в первой миниатюре действительно предопределяет характер

повествования в остальных составляющих цикла. В них также воплощена трёхчастная речевая структура: непосредственное изображение того или иного события расширяется за счет добавления информации и осмысления, которое приводит к финальной сентенции. Миниатюры, разнообразные по своему конкретному содержанию — в поле зрения повествователя попадает природа во всех своих проявлениях («Утенок», «Шарик», «Костер и муравьи», «Вязовое бревно», «Гроза в горах»), окружающий мир, нашедший отражение в культуре, в том числе — в литературе («На родине Есенина», «Прах поэта», «Город на Неве», «Путешествуя вдоль Оки»), человеческие отношения («Старое ведро»), ощущения человека при его восприятии мира («Отраженье в воде», «Озеро Сегден», «Колхозный рюкзак»), — оказываются едиными в своей направленности — к размышлениям о человеческой жизни и отношении к ней.

Таким образом, только на первый взгляд кажется, что миниатюры произвольны в своей тематике, на самом деле они, реализуя стабильную трехчастную композиционно-речевую структуру, отражают широкий взгляд человека на окружающий мир[5]. Тем более человека, вернувшегося из заключения в хотя бы относительно свободный мир.

Обострённое видение действительности находит выражение во впечатляюще отобранных деталях: *маленький желтый утенок...бегает передо мной; во дворе у нас один мальчик держит песика; четыре деревни...однообразно вытянуты; я бросил в костер гнилое бревнышко; на паперти бочки с соляркой... грузовик въехал кузовом в дверь притвора.* Деталь повседневности становится объектом описания, подчеркивая тем самым, что ничего незначительного в этом мире нет. Так создается полотно, суть которого — бытие человека в мире природы и созданных им вещей, на фоне которых становятся видными ценность человеческой жизни и трагическое непонимание им этого дарованного ему счастья.

Особое место здесь занимает образ Родины, им пронизаны все миниатюры, но особенно четко, во всей своей значимой для писателя полноте он проявляется в «Озере Сегден», которое и заканчивается задумчиво-грустным «Родина...». Миниатюра «Путешествуя вдоль Оки» противопоставляет поэтически прекрасный образ России (ключ которого в церквях, что «из сёл разобщённых, друг другу невидимых поднимаются к единому небу») «пейзажу», созданному бездуховным хозяйничанием на земле, отказом от веры, которая поднимала «людей от того, чтобы опуститься на четыре ноги». Эти части миниатюры резко различаются и своим языком: ритмико-поэтически организованная первая часть сменяется разговорными фразами, вплоть до обращения: «Ковыряй, Витька, долбай, не жалей! Кино будет в шесть, танцы в восемь...»

В любом произведении художественного творчества каждый элемент не случаен и значим, в малых жанрах это требование становится предельно обязательным. Особую роль в цикле приобретают заголовки входящих в него миниатюр. Они, занимая положение над текстом, с одной стороны, организуют текст и читательское восприятие, с другой — концептуализируют его смысл, который может быть проявлен и понят во всей своей полноте только тогда, когда текст закончен: написан автором и прочитан читателем. Заглавие заключает текст в рамки, являясь отправной точкой понимания и развития всего произведения.

Заглавие как один из ключевых компонентов играет специфическую роль и в миниатюре, оно как пружина, дающая ход всему тексту, как импульс, благодаря которому разворачивается мысль, или как ассоциация, которая обогащается, уточняется на пространстве всего текста, а порой и цикла. Сопоставив заголовки ранних миниатюр, можно выделить два типа: заголовки, соотносимые с человеческим существованием («Дыхание», «Прах поэта», «Способ двигаться», «Мы-то не умрем», «Приступая ко дню», «Путешествуя вдоль Оки», «Молитва»), и заголовки, называющие предметы, детали мира или природы («Старое ведро», «Колхозный рюкзак», «Утенок», «Гроза в горах» и др.). Таким образом, и заголовки вписываются в общую смысловую структуру цикла.

Осмысление человеческого бытия в соответствии с миром вещей и миром природы происходит у Солженицына в масштабах религиозно-этических воззрений, которые максимально полно выражены в заключительной миниатюре цикла.

«Молитву» также составляют 3 компонента: описание состояния персонажа (*как легко мне жить с Тобой, Господи!; как легко мне верить в Тебя!*), его осмысление и объяснение (*Ты снисылаешь мне ясную уверенность, что Ты есть и что Ты позаботишься*) и сентенция, затрагивающая одну из ключевых тем в русской литературе — о предназначении поэта, поэта в широком смысле слова — как деятельного участника литературного процесса, формирующего ментальное пространство народа. Известно, что А. И. Солженицын не собирался становиться писателем, но бесценный опыт увиденного и пережитого, а в особенности — ответственность перед теми, кто был уже лишен возможности слова и собственного выражения, заставили серьезно заняться словесным творчеством. Соответственно вопрос, мучивший многих — о соотношении искусства и действительности, Солженицыным решался однозначно: описание с предельной точностью того, что было. Это положение становится еще более категоричным при соотнесении с рассматриваемой миниатюрой, раскрывающей в последних строчках суть не только творчества, но и всей жизни вообще: «Я с удивлением оглядываюсь на тот путь через безнадежность сюда, откуда и я смог послать человечеству отблеск лучей Твоих».

«Крохотки» «как малые дети, для писателя, может быть, самое близкое и родное, в них — то, отчего щемит сердце неотступной тревогой, волнением, но и надеждой» [3: 39], они не только связаны со всем творчеством, но, выраженные в стабильной композиционно-речевой структуре и в емкой форме миниатюр в рамках цикла, отражают ключевые моменты мировосприятия Солженицына. Это не разрозненные штрихи, а, как показал анализ, миниатюры, объединенные в цикл единством структуры и смысла. Трёхчастная структура и затрагиваемые разнообразные темы формируют единый смысл, который создает картину единства мира. В этом мире живет человек, и осмыслить его, а также — свое место в нем призывает А. И. Солженицын.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В более поздних изданиях и всех последующих в цикл «Крохоток» 1958–1960 гг. была включена еще одна миниатюра («Молитва»), так что общее количество миниатюр в цикле — 18.

[2] Все цитаты приводятся по изданию: *Солженицын А. И.* Крохотки // Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1: Рассказы. 1958–1999. М., 1999. С.297–310.

[3] См. концепцию коммуникативных типов / регистров речи: организованные совместными усилиями морфологии, лексики, синтаксиса регистры в самом общем виде могут быть для монологичных текстов разделены на репродуктивный (изобразительный), информативный и генеритивный [7: 402–404].

[4] Известно трепетное отношение А. И. Солженицына к языку, его волнение по поводу обеднения русского языка, стремление к расширению его состава благодаря кропотливой работе с языковым наследием прошлых эпох; и при этом «необычные слова» кажутся ему нужными не для архаизации речи, но наоборот, способствующими расширению выразительных возможностей языка, «поиска новых красок и смыслов» [8: 81]. Солженицын много времени уделял чтению и работе со словарем В. Даля, но те единицы, которыми он воспользовался, по мнению М. Н. Эпштейна, можно рассматривать как «однословия», «крошечные произведения, сотворенные в том же стиле и эстетике, что и солженицынские повести и романы» [9: 210].

[5] Естественность такого трёхшагового речевого оформления связи человека с миром была отмечена Г. А. Золотовой ещё в её «Очерке функционального синтаксиса русского языка» (1973).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кодзис Б.* Лирические миниатюры Александра Солженицына // Литература: Приложение к газете «Первое сентября». 1997. № 30.

2. *Гордович К. Д.* Искусство малой формы: «Крохотки» А. И. Солженицына // А. И. Солженицын и русская культура: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1999. С. 116–124.

3. *Колобаева Л.* «Крохотки» // Феномен Солженицына. Литературное обозрение. — 1999. № 1. С. 39–44.

4. *Астафьев В. П.* От автора // Падение листа: Роман, очерки, рассказы. М.: Советский писатель, 1988. С. 130–137.

5. *Гинда Е. Н.* Прозаическая миниатюра в советской литературе 60–80-х годов (на матер. русской, украинской и белорусской литератур). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1988.

6. *Нива Ж.* Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами // Звезда. 2003. № 12. С. 143–147.

7. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

8. *Спиваковский П. Е.* Феномен А. И. Солженицына: новый взгляд: (Анализ художественного творчества А. И. Солженицына): (к 80-летию со дня рождения). М., 1998.

9. *Эпштейн М. Н.* Слово как произведение: о жанре однословия // Новый мир. 2000. № 9. С. 204–215.

10. *Ташлыков С.* Жанр миниатюры в творчестве А. И. Куприна. — http://slovo.isu.ru/miniature.html

Ю. Н. Афонина

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ БИБЛЕЙСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ АЛЛЮЗИЙ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ «ХРОНИК НАРНИИ» К. С. ЛЬЮИСА

YULIYA N. AFONINA

THE PROBLEM OF ADEQUATE RUSSIAN TRANSLATIONS OF BIBLICAL AND MYTHOLOGICAL ALLUSIONS IN "THE CHRONICLES OF NARNIA" BY C. S. LEWIS

В статье рассматриваются аллюзивные особенности романа-фэнтези К. С. Льюиса «Хроники Нарнии». Автор сосредоточивается на выявлении и анализе библейских аллюзий в «Хрониках Нарнии», а также возможности их адекватного перевода на русский язык. Наблюдения автора показывают связь замысла романа-фэнтези с Библией и христианским вероучением. Отмечено также присутствие в структуре романа мифологической образности, принадлежащей разным этническим мифологиям.

Ключевые слова: К. С. Льюис, английская литература XX века, библейские аллюзии, мифология, философия и литература античности, адекватность перевода.

The paper outlines the allusive features of a novel by C. S. Lewis "The Chronicles of Narnia". The author focuses on the analysis of Biblical allusions in "The Chronicles of Narnia", the possibility of its adequate translation and makes a conclusion the message is closely connected with the Bible and Christianity as well. Not only this aspect of the novel is concerned, but the points out to mythological features in the structure of the text, including mythology of various ethnic background.

Keywords: C. S. Lewis, English literature of the XXth century, Biblical allusions, mythology, antique philosophy and literature, adequate translation.

Юлия Николаевна Афонина

Соискатель кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И. И. Мечникова
► julia-obraz@yandex.ru

Клайв Стейплз Льюис известен как оксфордский ученый, филолог, теолог, специалист по истории средневековой литературы. Его перу принадлежат более шестидесяти произведений, среди них литературоведческие труды («Аллегория любви. Изучение средневековой традиции», философско-религиозные трактаты «Страдание», «Расторжение брака», «Чудо», «Любовь», научно-фантастическая трилогия «За пределы Безмолвной планеты», «Переландра», «Мерзейшая мощь» и, наконец, роман-фэнтези «Хроники Нарнии» (1950–1956). Произведения К. С. Льюиса связывают с христианской традицией.

К. С. Льюис получил признание в литературе как автор критических и философских эссе, романов с яркой теологической направленностью, но именно роман-фэнтези о волшебной стране Нарнии принес ему наибольшую известность.

«Хроники Нарнии» привлекают не только увлекательной, фантастической стороной произведений, но и религиозным подтекстом. При этом подтекст художественного произведения предстает перед интерпретатором и переводчиком как область двойного измерения, двойного смысла — как сфера рациональная, научная и духовная, трансцендентная, которая выходит за пределы научного познания. Художественный

текст с его тайным глубинным означаемым подлежит расшифровке через анализ его структуры как отправного пункта исследования.

В настоящее время существуют несколько переводов «Хроник Нарнии» на русский язык: первый был выполнен под редакцией Н. Л. Трауберг в 70-е годы прошлого века, в дальнейшем «Хроники» переводили Н. А. Островская (1991), В. Воседой (2002), А. Троицкая-Фэррант (2004). Материалом нашего исследования является текст «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса в классическом переводе под редакцией Натальи Леонидовны Трауберг, которая была не только переводчиком, но и первым исследователем творческого наследия Льюиса в отечественном литературоведении[1].

Адекватный перевод позволяет услышать в полной мере обращенное к читателю послание. Характерной особенностью «Хроник Нарнии» как апологетического произведения является обилие библейских аллюзий и реминисценций из текста Священного Писания. Библеизмы, используемые К. С. Льюисом в тексте «Хроник Нарнии», можно разделить на три группы. Первую группу составляют прямые цитаты из Библии, например, частично приводятся некоторые из Десяти заповедей: «Не убий», «Не укради» (Втор 5: 17,19). В хронике «Серебряное кресло» в авторских ремарках Льюис замечает: «Видимо, раньше в школах лучше вбивали в голову такие прописные истины, как „не убий, не укради“». Подобного рода цитаты имеют полный эквивалент в русском варианте перевода.

Вторую группу библейских аллюзий представляют частично видоизмененные цитаты: «Золотое правило Нового Завета — поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой, — лишь выражает коротко то, что в глубине души каждый считает истиной». Это видоизмененная цитата из Евангелия от Матфея: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф, 7:12). Такие частичные цитирования требуют особого внимания при работе с переводом художественного произведения и при анализе текста.

К третьей группе можно отнести ссылки и аллюзии с использованием образов Библии. Именно авторское, художественное переосмысление библейской аллюзивности представляет особую трудность для переводчика.

Во всех семи книгах «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса присутствуют как прямые, так и косвенные ссылки на Библию, однако наиболее ярко библейские аллюзии обнаруживаются во второй хронике. Следует обратить внимание на авторский замысел всего цикла книг о Нарнии. Так, первая повесть «хроник», «Племянник чародея», виделась Льюису как история о «сотворении мира и о том, как зло проникло в Нарнию», своего рода волшебный рай. Вторая повесть — «Лев, колдунья и платяной шкаф» задумывалась как история «о Распятии и Воскресении». «Принц Каспиан» предполагал изображение «восстановления истинной религии на месте искаженной». «Конь и его мальчик» — повествование «об обращении язычника». «Покоритель Зари, или Плавание на край света» — духовной жизни. «Серебряное кресло» изображало картину постоянной войны света против сил тьмы. Заключительная повесть «хроники» связывалась в авторском воображении с «пришествием Антихриста (по имени Обезьян Хитр), концом света и Страшным судом». Уподобление библейским образам и мотивам прояснил сам К. С. Льюис в письме к читательнице Энн Дженкинс[2].

Примечательно, что сам К. С. Льюис в статье о Нарнии «Три способа писать для детей» называл свой роман серией сказок: «Сказки я пишу потому, что этот жанр как нельзя лучше подходит для того, что мне нужно сказать»[3]. Именно жанровая структура сказки, ее фантастика и аллегорический язык привлекали Льюиса. В одной из статей он признается: «Я влюбился в сказку, мне нравился даже ее ограниченный словарь, как скульптору нравится твердый камень, а поэту — сложный сонет... Я выбрал сказки, потому что они оказались идеальной формой...»[4] «Хроники Нарнии» написаны «для детей», но это не значит, что Льюис рассуждал о чем-то, недостойном внимания взрослых: «Просто я убрал все, что для детей могло бы оказаться непонятным или неинтересным. Я старался не смотреть на них свысока. Убежден: книгу, которую стоит читать только

в детстве, вообще не стоит читать. Я не хочу преуменьшать ничьих заслуг и не знаю, соответствуют ли этому мои собственные книги. Я всего лишь надеюсь, что они помогут не только детям, но окажутся полезными и для взрослых, ведь у взрослых могут быть те же самые трудности»[5].

Для создания своего мира Льюис обращается не только к Библии, но и к мифологии. Это давняя традиция английской литературной сказки: Киплинг, Барри, Трэверс, Толкиен часто заимствовали свои сюжеты из мифов. Творчество Льюиса отличается мифологической «насыщенностью», он обращается к древневосточной, античной, германо-скандинавской мифологической образности. Его Нарнию населяют фавны, сатиры, наяды, дриады, единороги, гномы (это и гномы английских преданий, приземистые, кряжистые существа с густыми, жесткими волосами и длинными бородами, и немецкие карлики с поросячьими лицами, петушиными гребнями и хвостами), говорящие животные народных сказок и, наконец, придуманные самим автором персонажи, например квакли. Боги соседствующего с Нарнией Тархистана, кажется, сошли с хеттских рельефов. Так, главная богиня Таш представляет из себя человека с головой хищной птицы и четырьмя руками. А слуга Белой колдуньи волк Могрин восходит к скандинавскому Фенриру. Льюис часто использует сюжеты античных мифов и произведений: превращенный за глупость и подлость в осла царевич Рабадаш обретает свой человеческий облик на осеннем празднике богини Таш («Золотой осел»), противных школьников Вакх превращает в поросят («Одиссея»), классная комната преображается в лесную поляну, а учительница присоединяется к свите Вакха (легенды о Дионисе, царе Пентее, дочерях Миния), на Острове Мертвой Воды герои находят ручей, вода которого превращает всё, соприкоснувшееся с ней, в золото (миф о царе Мидасе).

В то же время античная мифологическая традиция органично сочетается у Льюиса с библейской. «Хроники Нарнии» состоят из семи частей. Как в Библии семь дней творения, так у Льюиса вся история Нарнии — от ее создания до гибели — дана в семи повествованиях. В первой хронике («Племянник чародея») Аслан, являющийся детям в облике золотого сияющего льва, творит мир песней. Льюис так представляет себе создание вселенной: «Далеко во тьме кто-то запел. Слов не было. Не было и мелодии. Был просто звук, невыразимо прекрасный. И тут случилось два чуда сразу. Во-первых, голосу стало вторить несметное множество голосов — уже не густых, а звонких, серебристых, высоких. Во-вторых, темноту испещрили бесчисленные звезды... Лев ходил взад и вперед по новому миру и пел новую песню. Она была мягче и торжественней той, которой он создал звезды и солнце, она струилась, и из-под лап его словно струились зеленые потоки. Это росла трава. За несколько минут она покрыла подножье далеких гор, и только что созданный мир стал приветливей. Теперь в траве шелестел ветер. Вскоре на холмах появились пятна вереска, в долине — какие-то зеленые точки, поярче и потемней. Когда точки эти, — нет, уже палочки, возникли у ног Дигори, он разглядел на них короткие шипы, которые росли очень быстро. Сами палочки тоже тянулись вверх, и через минуту-другую Дигори узнал их — это были деревья»[6]. Данный эпизод напоминает библейский текст: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя и дерево плодовитое. И произвела земля...» (Быт.1,11).

Великий Лев, своей песней создав Нарнию, дает ее жителям основную заповедь: «И все любите друг друга»[7]. Он определяет, что Нарнией могут управлять только сыновья Адама и дочери Евы. Всё это аллюзии к Книге Бытия (Быт. 1, 26– 27). Заповеди, которые дает Аслан нарнийцам, идут от заповедей Моисея и Нагорной проповеди. Аслан требует от жителей своей страны любви, смирения и покаяния. Он осуждает любую, даже самую слабую попытку переложить свою вину на другого: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?» (Мф.7,5).

Борьба добра со злом, в которую вовлечены главные герои «Хроник Нарнии», связана с эсхатологическими проблемами. Само зло не живет — оно паразитирует на жизни и до-

бре. Так, и Колдунья отнюдь не создается песней Аслана, а в Нарнию она попадает некоторым паразитическим способом — ухватившись за детей. И Эдемский сад, и древо познания также узнаваемы у Льюиса.

В следующей сказке речь идет об Искуплении: в апогее борьбы с темными силами Аслан отдает себя на смерть «по законам древней магии», так как кровь невинной жертвы уничтожает проклятие, и жертвующий возрождается. Аслан, таким образом, как и Христос, своей жертвенностью побеждает зло и искупает своей кровью грехи людей.

Другая важная евангельская тема, которую затрагивает Льюис, — искушение. Это не искушение богатством, властью, могуществом, но искушение благом, причем благом мнимым. Герой «Хроник Нарнии», сделав духовное усилие, отказав себе в чем-то ради ближнего, сотворив тем самым добро, перестрадав, обретает Радость. Отметим, что «Радость» — понятие ключевое в творчестве Льюиса. Впервые в автобиографии «Настигнут Радостью» (1955) Льюис определяет это эстетическое переживание как наполненное глубоким сакральным смыслом. «Радость — это неудовлетворенное желание, которое само по себе желаннее любого удовлетворения. Я назвал это чувство радостью, и это — научный термин, который нельзя отождествлять со счастьем и удовольствием. У моей радости есть с ними одно общее свойство — каждый, кто их испытывал, хочет их вернуть»[8].

Герои Льюиса решают вопрос о выборе пути: как отличить истинное от ложного, подлинное от мнимого, божественное от дьявольского. Ведьма предстает в облике прекрасной женщины, и только когда герои находят в себе силы противостоять ее колдовству, обнаруживает свой истинный облик чудовищной змеи. А пленный принц вначале предстает перед ними безумцем и чудовищем. Мир и его отражение (эта идея, заимствованная Льюисом у Платона, получит наиболее полное свое развитие в последней книге) нелегко различить. Что есть Солнце, просто большая лампа, как утверждает колдунья, или лампа — слабое подобие Солнца?

Герои Льюиса, несмотря на трудности своего пути, в конце концов совершают правильный выбор. Но если человек сам не желает видеть истины, если он запер себя в темнице своего воображения, то никто не в силах ему помочь. «Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули». (Мф. 13, 15) Так, дядя Дигори уверил себя в том, что лев не может петь, и, когда к нему обращаются, слышит только рычание. Таким образом, к истине приходит тот, кто открыт для нее и хочет ее обрести.

В последней книге хроник рассказывается о том, как хитрый персонаж по имени Обезьян, надев на простодушного осла львиную шкуру, заставляет его играть роль Аслана и правит от имени Великого Льва. Из-за предательства Обезьяна тархистанцы завоевывают Нарнию, и она гибнет. Но оказывается, что погибшая Нарния была лишь отблеском Нарнии истинной (здесь проявляется влияние идей Платона на Льюиса), и все лучшее, что было в Нарнии прежней, сохраняется в Нарнии обновленной. Сюжет «Последней битвы» — это аллюзии на Апокалипсис и мотив наступления Царства Божьего.

Описывая события, Льюис буквально следует евангельскому тексту, на что обратила внимание Н. Н. Мамаева[9]. Сравним фрагменты Евангелия от Матфея и события из «Последней битвы».

Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят (Мф. 24, 5). / Обезьян берет на себя право говорить от имени Аслана.

Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство (Мф. 24, 7). / Враждебный Тархистан завоевывает Нарнию.

И тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга (Мф. 24, 10). / Часть нарнийцев переходит на сторону Тархистана, жители Нарнии сражаются друг против друга.

Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба (Мф. 24, 29). / Аслан призывает звезды, и они падают. Солнце поглощает Луну. Отец Время уничтожает Солнце.

И пошлет ангелов своих с трубою громогласною (Мф. 24, 31). / Отец Время трубит в рог.

Символично, что герои попадают в страну Аслана через дверь Хлева. Люси говорит: «Однажды и в нашем мире Хлев вместил то, что больше целого мира»[10]. Здесь очевидным образом создается аллюзия на Вифлеемский «хлев» Рождества.

Сравнивая Нарнию истинную с Нарнией, бывшей только слабым ее отблеском, Льюис следует как идее Платона, так и основному догмату христианства, трактующему жизнь земную как преддверие жизни вечной.

«Хроники Нарнии» — не прямые аллегории, как у Беньяна, Льюис пишет для читателя XX века, привыкшего к более тонким и многозначным формам иносказания. Благодаря аллюзиям «Хроники Нарнии» выходят за рамки обычного фэнтези, отражая множество сложных философских и нравственных понятий. В одном из писем читателям К. С. Льюис, в частности, заметил, что «прямая аллегория, как задача с ответом; великая книга — как цветок, чей аромат напоминает нам что-то еле уловимое. Думаю, это „что-то“ и есть полнота жизни, которую мы переживаем»[11].

Вдумчивое прочтение художественного текста обогащает наши представления о реальности, которая далеко не исчерпывается известными нам сторонами. Поэтому онтологический подход к интерпретации художественного произведения открывает новые горизонты в области исследования литературного текста, расширяя научное знание до сферы духовного. Адекватный перевод позволяет декодировать в произведении не только скрытый смысл, соотносимый с нашей реальностью, но и духовный подтекст.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Льюис К. С.* Пока мы лиц не обрели. Статьи, выступления. // Льюис К. С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2 / Пер. с англ. Н. Трауберг и др. М., 2005. С. 252.

[2] *Lewis C. S.* Yours, Jack. The inspirational letters of C.S. Lewis / Ed. by Paul F. Ford. London, 2008. P. 12.

[3] *Льюис К. С.* Серебряное кресло. Племянник чародея. Последняя битва. Письма детям. Статьи о Нарнии // Льюис К. С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6 / Пер. с англ. Н. Трауберг и др. М., 2005. С. 402.

[4] Там же. С 405.

[5] Там же. С. 406.

[6] Там же. С. 174.

[7] Там же. С 178.

[8] *Льюис К. С.* Кружной путь, или Блуждания паломника. Чудо. Настигнут Радостью // Льюис К. С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7 / Пер. с англ. Н. Трауберг и др. М., 2006. С. 310.

[9] *Мамаева Н. Н.* Христианство и «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса // Изв. Уральского гос. ун-та. Пермь, 1999. Вып. 13. С. 114–119.

[10] *Льюис К. С.* Лев, Колдунья и платяной шкаф. Конь и его мальчик. Принц Каспиан. «Покоритель Зари», или Плавание на край света. // Льюис К. С. Собр.соч.: В 8 т. Т. 5 / Пер. с англ. Г. Островской, Н. Трауберг и др. М., 2005. С. 299.

[11] *Льюис К. С.* Серебряное кресло. Племянник чародея. Последняя битва. Письма детям. Статьи о Нарнии // Льюис К. С. Собр.соч.: В 8 т. Т. 6 / Пер. с англ. Н. Трауберг и др. М., 2005. С. 385.

(Продолжение. Начало на с. 52, 56)

ство УС, характеризующих худого человека (16 единиц), в отличие от испанского языка (6 единиц), что позволяет сделать вывод о том, что для носителей русского языка худоба — серьезное отклонение от нормы;

3) с точки зрения используемой системы образов-эталонов устойчивых сравнений. Для русского языка лакунарными являются такие тематические группы эталонов УС, как «Литературные герои», «Поэтические образы», «Религия», «Соматизмы». Безэквивалентными относительно испанского языка являются следующие тематические группы русских УС: «Возраст», «Исторические реалии», «Останки человека».

За одинаковыми эталонами русских и испанских устойчивых сравнений могут быть закреплены разные представления носителей русского и испанского языков. Например, *пиявка* для носителей испанского языка — эталон толстого человека, а для носителей русского языка — ведущего паразитический образ жизни. В ряде случаев наблюдается частичное несовпадение значений УС русского и испанского языков. Например, испанское УС *alto como palo del telegrafo* употребляется для характеристики высокого человека, а русское *длинный как телеграфный столб* — для характеристики высокого и худого человека. В обоих языках присутствует ряд национально-культурно маркированных эталонов, русские: *богатырь, колобок, Илья Муромец, коломенская верста* и др., испанские: *спаржа, куканья, день (неделя) без хлеба, Дон Кихот* и др.

Разработанная структура словарной статьи учебного словаря включает 8 зон, 7 из которых являются обязательными. Например:

Худой (тощий, сухой, дохлый, высохший, костлявый) как (словно, точно, будто) <вяленая, сушёная> вобла. *Прост. Презр.*

Об очень худом человеке.

Чаще о фигуре очень худой женщине, реже о фигуре худого мужчины, редко о фигуре пожилых людей.

Устойчивое сравнение подчёркивает отрицательное эстетическое впечатление от худобы.

<Вяленая, сушёная> вобла — хозяйственно-бытовая реалия. Сушёная или вяленая рыба. Обычно её употребляют с пивом.

«И именно в этот момент к ней в быстром темпе подошла ***худая как вобла женщина***» [С. Ермаков. Офисное здание корпорации в центре Москвы// Сергей Ермаков — официальный сайт писателя и музыканта]; «Да ну, господь с вами, Тринити брюнетка, ***тощая как вяленая вобла*** и страшная как атомная война»

(Окончание на с. 74)

Л. Д. Бугаева

КИНОТЕКСТ: ПРОЯСНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ

LYUBOV D. BUGAEVA

KINOTEXT: CLARIFYING MEANING

Целью автора является проснение значения «кинотекст». В статье рассматриваются различные отношения между кино и текстом: кино и текст, кино *versus* текст, текст в кино, кино и нарратив и т. д.

Ключевые слова: кинотекст, кино и текст, кинематографическая интертекстуальность, креолизованный текст, кинонарратив.

The author's goal is to clarify the meaning of the term "kinotext". The paper outlines various types of relations between the film and the text: film and text, film versus text, text in film, film and narrative, etc.

Keywords: kinotext, film and text, cinematographic intertextuality, creolized text, film narrative.

Любовь Дмитриевна Бугаева

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
► ldbugaeva@gmail.com

1. В исследованиях, посвященных кино, с настойчивой регулярностью повторяется термин «кинотекст», под которым часто подразумевают не более чем информационное сообщение, изложенное средствами кинематографа. Однако еще в 1927 году Ю. Тынянов в работе «Об основах кино» задал некоторые возможные подходы к кинотексту как к комплексному и многозначному понятию: разложение киноповествования на «симультанные» ряды зрительных представлений, поиски специфического «героя» кино, отличного от видимой на экране вещи, и выделение в киноповествовании особой «смысловой вещи», анализ приемов выразительности в кино и литературе, сопоставление романа и киноромана, исследование сюжета и фабулы в кино, изучение стиля и жанра в кино в отношении к литературным стилям и жанрам и т. д. [15]. В 1920-е гг. к исследованию кино обращается Н. И. Жинкин и рассматривает специфику кинематографического пространства и времени на фоне живописи и литературы, а также механизмы кинематографичности в поэзии, живописи и театре и категорию события. Стремясь к описанию синтаксиса событий и отводя кинематографу роль интерпретатора событий, Жинкин определяет кино в первую очередь как искусство событий [5]. С. М. Эйзенштейн, озабоченный в большей степени определением специфики киноязыка, сравнивает кинокадр с иероглифом японской пиктографии и, соответственно, разрабатывает концепцию иероглифического кинописьма [19]; Ю. М. Лотман считает кино особого рода повествованием, рассказом и рассматривает типы киноповествования и элементы киноязыка, то есть подходит к фильму как к знаковой системе в динамике [8]; М. Ямпольский прочитывает фильм как художе-

ственный текст во всем богатстве ассоциативных и интертекстуальных связей [20] и следует за нарративом в отдельных фильмах [21]. На вопрос, поставленный Андре Базеном в заглавии книги «Что такое кино?» [3], Кристиан Метц отвечает: «Кино — это язык» [26]. Декодированием киноязыка с семиотических позиций и его членением на фигуры, знаки, киноформы занят Умберто Эко [1]. В то же время многие исследователи ставят под сомнение как текстоцентрический, так и лингвоцентрический подходы к кино, отказываются изучать кино как текст и не признают связи между кинокадром и словом.

Что же в итоге стоит за термином «кинотекст»? Насколько оправдано обращение к кинотексту как к объекту филологического исследования? Обладает ли данное исследование своей спецификой?

В первую очередь вслед за Ю. Тыняновым стоит отметить комлексный характер понятия «кинотекст», обусловленный, на наш взгляд, многообразием отношений между «кино» и «текстом»: кино и текст, кино *versus* текст, текст в кино, текст для кино (киносценарий), текст после кино (жизнь киносценария после выхода фильма), кино как текст, текст как кино (литературная кинематографичность) и, наконец, кинотекст как некая целостность.

2. Возможны различные комбинации «кино» и «текста». Существование разных видов кинопересказа, начиная от практически буквального следования литературной основе до свободной фантазии на тему литературного произведения, обусловлено разной степенью связанности кинофильма и литературного текста. Таким образом, уже первая из вышеназванных пар отношений «кино и текст» обладает разветвленной структурой.

Так, при переносе на экран текста произведения некоторые элементы романа переходят в фильм почти без изменений. В таком случае можно говорить о воспроизведении элементов первоисточника (пусть и другим языком). Художественный поиск режиссера заключается в подборе средств плана выражения, паралельных используемым в первоисточнике, в замене словесного кода другим кодом. Осуществляется как бы буквальный перевод текста на другой язык. Словесные описания внешности героев произведения сменяются их представлением на экране, описание действий — их показом и т. п. Несколько более сложный пример в этом ряду — перенос функций героев. Например, в фильме Анджея Вайды «Бесы» (“Les Possédés”, 1988) по роману Достоевского функции рассказчика — Антона Лаврентьевича — как связующего звена между героями и эпизодами, свидетеля событий и наивного слушателя, переданы Шатову, что, однако, не меняет их сути. Шатов, «шатающийся» от одного персонажа к другому, в этом своем качестве вполне удачно выполняет роль «крепа» событийной канвы фильма.

Встречается, впрочем, ситуация, когда элементы претерпевают трансформацию, которую можно было бы обозначить как ситуацию небуквального перевода содержания. При этом в целом верность оригиналу сохраняется, но средства плана выражения первоисточника и фильма не образуют взаимопереводимую пару в другом контексте. Одни символические элементы или иные средства передачи символического содержания заменяются другими символическими элементами. Происходит перевод, но не словесного произведения на язык кино, а смыслов (содержания) определенных образов, тем, мотивов, то есть «переодевание» этих смыслов в другие символические одежды (в данном случае речь идет о создании «синонимичных» средств выражения — символических элементов). Примером подобного перевода, причем даже не на язык кино, а с языка одной ментальности на язык другой ментальности — с русского на английский, выступают последовательно проведенные Набоковым для американского читателя замены аллюзий к Пушкину на аллюзии к Шекспиру (ибо, по мнению Набокова, шекспировские образы и цитаты в англоязычном мире выполняют роль, аналогичную роли пушкинских образов и цитат для русского читателя). Аналогичным образом многие мотивные образы фильма Дэвида Лина «Доктор Живаго» (1965), в частности равивающая русскую тему и линию творчества балалайка,

природным даром игры на которой обладает дочь Юрия Живаго и Лары, мотивированы именно адаптацией к сознанию и ожиданиям западного зрителя.

В фильме-экранизации нередка ситуация, когда при общей ориентации на верность первоисточнику происходит, с одной стороны, введение в фильм отсутствующих в оригинале элементов, а с другой стороны, исключение из него элементов оригинала. Анджей Вайда в «Бесах» передает общую атмосферу подозрительности и недоверия, характерную для романа Достоевского, при помощи так называемого приема «третьего человека», отсутствующего в тексте романа Достоевского, то есть режиссер так конструирует мизансцены, что свидетелем диалога героев всегда является третий человек: молчаливо присутствующий рядом с собеседниками, подслушивающий под окном, появляющийся из соседней комнаты сразу после окончания разговора, и т. п.

Роман Полански в фильме «Призрак» ("The Ghost Writer", 2010), как и Вайда в «Бесах», создает атмосферу подозрительности, также используя средства и приемы, отсутствующие в литературной основе фильма — романе Роберта Харриса «Призрак» ("The Ghost", 2007). Нанятый для написания мемуаров бывшего британского премьера Адама Лэнга писатель подозревает даже прислугу экс-премьера в слежке за собой — этой детали нет в романе Харриса, но она закономерно возникает в фильме, нагнетающем ощущение страха, беспокойства, недоверия, подозрительности. В финале фильме писатель-призрак, разоблачив сотрудничающую с ЦРУ вдову Лэнга, уходит с презентации книги экс-премьера, как кажется, навстречу своей смерти, поджидающей его у выхода из здания. Впрочем, Полански не показывает смерть писателя, оставляя для зрителя возможность считать героя исчезнувшим. Первоначально режиссер планировал завершить фильм растворением героя в толпе входящих в метро пассажиров. Роман же Харриса заканчивается предположением находящегося в бегах рассказчика, что если кто-то читает его воспоминания, значит, самого автора в этот момент уже нет в живых. Очевидно, что различие между литературным и кинематографическим решениями финала (тем более, что сценаристами фильма совместно выступили Полански и Харрис) не меняет его принципиальной сущности, сводящейся к балансированию между смертью и исчезновением героя и ускользающей от однозначной интерпретации.

Еще один тип отношений, который может существовать между литературным произведением и фильмом-экранизацией и, пожалуй, является наиболее сложным для переноса на экран: обнаружение подтекста литературного первоисточника, раскрытие интертекстуальных связей, заложенных автором в те или иные эпизоды, и передача (или отсутствие таковой) данного подтекста в фильме-экранизации. Так, роман Виктора Пелевина «Generation „П“» (1999) имеет в качестве одного из своих претекстов поэму Аттара, персидского поэта-суфия, «Парламент птиц» (в других переводах названия: «Конференция птиц», «Беседа птиц»), в которой группа из тридцати птиц преодолевает семь долин — семь ступеней на пути к совершенству, и узнает в конце пути, что Симург (у Пелевина — Семург), к которому они стремились, означает тридцать птиц. Мусульманские и суфийские смыслы пелевинского романа во многом связаны с образом Симурга, который возникает после разговора Татарского с галлюцинацией-Гусейном — как «тихий и насмешливый голос». Искаженный вариант имени не затемняет образа Симурга: «Семург, сирруф, — сказал в голове знакомый голос, — какая разница? Просто разные транскрипции» [9: 275]. С Симургом иранских мифов перекликается описание сирруфа в романе. Симург обычно изображается как напоминающее птицу крылатое существо с головой собаки, лапами льва, обитающее рядом с водой; его образ восходит к Сэнмурву — мифологической полусобаке-полуптице, покрытой рыбьей чешуеей, возможно, лежащей в основе образа восточнославянского бога Симаргла (Семаргла) [14]. Пелевинский сирруф также совмещает черты собаки, птицы и рептилии. Более того, «хромой пес Пиздец с пятью лапами», о котором Татарский рассказывает Азадовскому, может быть интерпретирован как собачья составляющая двойной сущности пеле-

винского Симурга, ассоциируемая со смертью — «Гамовер» [9: 288]. В одноименной экранизации Виктором Гинзбургом романа Виктора Пелевина «Generation „П“» (2011), при всем бережном отношении режиссера к тексту романа Пелевина, данный подтекст отсутствует. Более того, Симург появляется в наркотических видениях Татарского, в частности в эпизоде, когда Татарский принимает большую дозу ЛСД, в виде змея, созданного средствами мультипликации и подобного змею-искусителю, а не в виде полусобаки-полуптицы, что однозначно свидетельствует о непрочтении создателями фильма суфийского подтекста романа.

3. С точки зрения функционирования фильм и его литературный источник могут выступать и как конкурирующие или взаимоисключающие дискурсы, и как дискурсы взаимодополняющие, взаимозамещающие, независимые и т. п. Например, экранизация В. Гинзбургом романа Пелевина «Generation „П“» — редкий пример взаимодополнительности: фильм позволил визуализировать экфрастические описания рекламных роликов, которые сочиняет в романе Вавилен Татарский. Зритель видит видиорекламу, которую читатель книги должен был представлять. В результате подобного использования возможностей кино литературный и кинематографический дискурс перестают состязаться между собой в отношении первичности/вторичности — оппозиция оригинал/копия утрачивает свое значение. Экфрасис в пелевинском романе есть перевод на вербальный язык воображаемого визуального ряда (статичного на плакатах и динамичного в рекламных роликах), и в этом смысле словесные описания вторичны по отношению к визуальным образам. Однако вставные «рекламные» эпизоды фильма есть также воссоздание визуального ряда в своей изначальной форме в том виде, как она представляется режиссеру фильма, в свою очередь материализующему на экране воображаемые писателем и его героем Татарским образы. То есть режиссер как бы восстанавливает визуальное в своих правах на первичность, не оспаривая его производного от литературной основы характера. Еще один пример взаимодополнения или, скорее, взаимозамещения — фильм Жана Кокто «Орфей» (“Orphée”, 1950), снятый на основе написанной им в 1926 году одноименной пьесы. Кокто не экранизирует свою пьесу — он иным языком, иными средствами воспроизводит рассказанную ранее историю, которая, как станет ясно из последнего фильма Кокто «Завещание Орфея» (“Le Testament d’Orphée”, 1960), в котором режиссер появится в роли Орфея, в действительности есть повествование о себе, повторяющееся в силу своей незавершенности, ибо не завершена жизнь самого рассказчика.

4. Предметом отдельного анализа кинотекста может являться его вербальная составляющая. Подобный подход к кинотексту предполагает решение в первую очередь стилистических задач, связанных с характеристикой стиля в литературном тексте и вербальной составляющей кинотекста [6], с исследованием самой этой составляющей в контексте кинематографических средств и в коммуникативной ситуации просмотра кинофильма. В поле зрения в таком случае попадают разные формы предъявления вербального текста на экране: монолог, диалог, озвученная внутренняя речь, титры, субтитры, зафиксированные камерой фрагменты письменного текста и т. п.

Интересные примеры сочетания вербальной и визуальной составляющей значения дают, в частности, титры и субтитры в некоторых отечественных и зарубежных фильмах. Так, в фильме Г. Александрова «Светлый путь» (1940), открывающемся летящими над облаками мультипликационными журавлями, титры выстраиваются летящим треугольником с журавлем-самолетом во главе треугольника, включаясь тем самым в образное развитие центральной идеи фильма, вынесенной в название, — идеи «светлого пути» героини от неграмотной деревенской девушки до орденоносной стахановки. В фильме Райнера Вернера Фассбиндера «Третье поколение» (“Die Dritte Generation”, 1979), обыгрывающем тему терроризма, перед каждой частью фильма на экране на фоне интерьера, в котором разыгрывается действие, появляются как будто бы напечатанные на пишущей машинке и наложенные на интерьер надписи из общественного туалета, роль которых в общей концепции фильма далека от однознач-

ности. Вышедший в прокат в Германии фильм Тимура Бекмамбетова «Ночной дозор» (2004) сопровождался субтитрами на немецком языке, которые меняли свой цвет, периодически наливаясь кровью, меняли свою форму и положение на экране, тем самым не только вписываясь в происходящее на экране, но и активно участвуя, в т. ч. визуально, в развертывании темы вампиризма в фильме.

5. Интертекстуальность — это еще один аспект проблемы соотношения кино и литературы, кино и текста. Интертекстуальность в кино может строиться на литературных источниках, в то же время многие литературные произведения интертекстуально связаны с кинематографическими претекстами. Четко выраженную кинематографическую основу имеет роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», что продемонстрировал И. П. Смирнов в книге «Видеоряд: Историческая семантика кино» [13]. Набоков, в Берлине 1920-х гг. подрабатывавший статистом на киносъемках, неоднократно включал образы немецкого кинематографа, как, впрочем, и американского и российского кинематографа, в число претекстов, с которыми взаимодействуют тексты его произведений. Цели, которые преследует кинематографическая интертекстуальность в литературе, различны, как различны цели и задачи литературных интертекстов. Рассмотрим один из примеров.

Виктор Пелевин в «Жизни насекомых» не только заставляет своих героев смотреть фильмы по ходу развертывания действия, но и, пользуясь интертекстуальной техникой отсылок, воспроизводит в эпизодах романа сцены из фильмов. Сцена смерти мухи-Наташи, прилипшей к липучке от мух и безжалостно уничтоженной официанткой [10: 246–248], отсылает к финалу фильма Курта Нойманна «Муха» (“The Fly”) 1958 года, в котором гибнет от удара полицейского инспектора попавшая в паутину муха с человеческой головой — результат неудачного эксперимента ученого Андре Деламбре. Пелевин здесь, безусловно, ориентируется на ситуативный параллелизм эпизодов. Однако проделанная писателем интертекстуальная работа гораздо глубже установления простого ситуативного сходства с фильмом. В «Жизни насекомых» человеческое и инсектное тесно переплетены в целом, а не только в отдельном эпизоде. Пелевин активно использует метаболу — троп, построенный на неделимом единстве и взаимопревращаемости метаболитов (крайних членов метаболы) при сохранении их раздельности и дифференцированности. В римейке «Мухи» (1986), предпринятом Дэвидом Кроненбергом, изобретатель Сет Брандл, клетки которого при телепортации по чистой случайности совместились с клетками мухи, шаг за шагом превращается в насекомое, т. е. образ героя строится как метаморфоза человека в насекомое. В «Мухе» 1958 года, в отличие от римейка 1986 года, результатом эксперимента явились два существа: человек с головой и лапой насекомого и муха с человеческой головой. Инсектное и человеческое в «Мухе» 1958 года, как и в романе Пелевина, связаны между собой не метаморфозой, но отношениями метаболизма: муха и человек и нераздельны, и неслиянны. Таким образом, кинематографический интертекст вскрывает структурный принцип построения образов в романе Пелевина.

6. Кинотекст изначально предполагает пересечение разнообразных смыслопорождающих процессов, именно поэтому актуальным является рассмотрение кинотекста как креолизованного текста, т. е. как текста, сочетающего вербальные и иконические средства, которые воспринимаются адресатом и воздействуют на него как единое целое [2: 73], или, другими словами, как текста, состоящего из нескольких негомогенных частей [4]. В креолизованном тексте и визуальное, и вербальное являются равноправными элементами выражения. Художественное единство реплик героев фильма и изображения на экране более чем очевидно. В смысловое пространство кинотекста включаются также вербальные тексты, представленные в письменном виде: увиденные героями вывески, надписи, письма и т. п. Так, важную роль в общей концепции фильма Питера Гринуэя «Зет и два нуля» (Зоопарк, “A Zed & Two Noughts”, Z00, 1985) играет вывеска “Z00” на воротах зоопарка, где работают герои фильма — братья-близнецы. Камера показывает надпись то прямо, то с обрат-

ной стороны, в результате надпись прочитывается то как “Z00”, то как “00Z”, возбуждая в последнем случае аллюзии на книгу Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз» (“The Wonderful Wizard of Oz”, 1900) и фильм Виктора Флеминга «Волшебник страны Оз» (“The Wizard Of Oz”, 1939).

Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова считают понятие кинотекста приложимым к постановочным (художественным) фильмам и рассматривают его как состоящий «из образов, движущихся и статических, речи, устной и письменной, шумов и музыки, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве» [12: 21–22]. Таким образом, определяющим для кинотекста становится присутствие в процессе смыслообразования нескольких семиотических систем. Исследователи обращают внимание на многоканальную информативность кинотекста, на разделение информационного потока по способу восприятия информации и по типу воспринимаемой информации, а также на прагматику кинотекста, предполагающую изменение в чувствах и мыслях зрителя, не обязательно выраженное вербально [Там же: 36], и приходят к выводу, что кинотекст — это «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [Там же: 37]. Семиотический подход к кинотексту, с одной стороны, позволяет систематизировать составляющие кинематографического значения, а с другой — сужает сферу кинотекста до границ креолизованного текста фильма. При этом возникает вопрос о членимости структуры кинотекста и о выделимости единицы кинотекста. Ю. Г. Цивьян считал, что подобной единицей кинотекста служат ядерные кадры [17: 109–111], однако вопрос о минимальной цельнооформленной единице языка пока остается спорным [11].

7. Продуктивным представляется исследование кинотекста в рамках нарратологии. Ю. М. Лотман считал, что киноповествование обнаруживает некоторые глубинные закономерности нарративного текста [7: 89] и исследование кинонарратива может внести существенные коррективы в теорию текста. В нарратологии В. Шмида понятие нарративности приложимо к текстам, которые, «обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, излагают некое изменение состояния» [18: 14]. Данное определение, которое Шмид называет структуралистским, позволяет ему включить в число нарративов (в широком понимании) несловесные тексты: кинофильм, балет, нарративную картину и т. п. Причинно-следственная связь между вводимым и тематическим материалом, на которой настаивал Б. Томашевский (1931) при определении нарративности, в современной нарратологии часто не является обязательной. Более того, в когнитивной нарратологии изменились границы между художественным и естественным нарративом. Моника Флудерник в работе «Towards a Natural Narratology» («На пути к естественной нарратологии», 1996) переосмыслила понимание нарратива и «естественного нарратива», двигаясь в направлении прагматики, теории рецепции и конструкивизма. По Флудерник, нарративность — это «одна из функций естественных текстов и сосредоточена на обладании опытом антропоморфной природы» [23: 19]. Актанты в естественном нарративе определяются не по степени вовлеченности в повествование, а на основе их существования. Они в большей мере экзистенты: их действия — это не только физические действия, но и мыслительные акты. Нарратив, в результате, оказывается той уникальной формой, которая может изобразить сознание как бы изнутри. Фильм же, как считают некоторые исследователи, представляет собой непосредственный опыт рассказывания, побуждающий зрителя конструировать историю, стоящую за событиями фильма [22].

Так как события в реальной жизни человека происходят в определенной временно́й последовательности, то события фильма легче воспринимаются зрителем, если передаются в хроноло-

гическом порядке. Нарушения естественной хронологии происходит во флэшбеках, в рассказах о прошлом, в перестановке частей фильма. Роман Якобсон в статье "Is the Film in Decline?" («Упадок кино?») утверждает, что кинематографическое движение времени носит линейный характер [24: 737]. Впрочем, согласно Якобсону, подобно тому, как «закон хронологической несовместимости» одновременных событий во времени относится лишь к поэзии Гомера, а не к нарративной поэзии в целом, линейность кинематографического повествования, возможно, есть всего лишь черта определенного периода развития кинематографа. Можно предположить, что в действительности в кинонарративе в ряде случаев происходит развертывание нескольких, по крайней мере двух, параллельных нарративов. Обратимся в качестве примера к фильму Романа Полански «Призрак».

В романе Роберта Харриса «Призрак» [16], открывающемся словами «В тот момент, когда я услышал, как погиб Макэра, мне нужно было встать и уйти», повествование строится от первого лица, а рассказчик — «писатель-призрак», то есть писатель, который облекает в привлекательную и понятную для читателя форму мемуары известных людей. Фильм представляет собой визуализацию рассказанной истории, и в то же время — наряду с сюжетным развитием действия, последовательность которого по сравнению с книгой слегка нарушена, — в фильме разворачивается вторая линия нарратива. Сюжетная, первая, линия нарратива — это история писателя-призрака, нанятого для правки мемуаров политического деятеля Адама Лэнга и невольно оказавшегося вовлеченным в распутывание причин таинственной гибели своего предшественника. В ходе непрофессионального расследования, которое на свой страх и риск ведет писатель-призрак, вскрывается связь жены Лэнга Рут с ЦРУ, а самому писателю-призраку начинает грозить смертельная опасность. Заканчивается же история словами рассказчика, которые можно считать эпитафией: «И вот теперь, когда мы с вами добрались до последнего абзаца, передо мной возникает дилемма. Ведь мне положено радоваться тому, что вы прочитали эту книгу, не так ли? Конечно, приятно писать от самого себя и о собственной жизни. С другой стороны, меня угнетает печаль, поскольку если вы читаете мои слова, то, значит, я, увы, погиб. Но знаете, моя мама в подобных случаях обычно говорила так: боюсь, что в этой жизни всех прелестей иметь нельзя» [26]. Собственно, именно тема смерти и обнажает вторую нарративную линию фильма: историю призрака.

В работе «Смысл завершения» Кермоуд высказывает предположение, что повествовательные сюжеты отсылают к неотвратимому эсхатологическому концу человечества. Финальностью с точки зрения человеческого восприятия обладает даже звук часов «тик-так», ибо звук, на деле производимый часами, — это «тик-тик» [25: 44–45]. Позднее Кермоуд определит нарратив как «продукт двух переплетенных процессов», результат взаимодействия двух логик — логики истории и логики дискурса. Результатом взаимодействия двух нарративов — сюжетной линии писателя-призрака и линии призрака — является кинонарратив Романа Полански. Хотя линия призрака тянется, пульсируя, по всему фильму, видимой ее делает именно финальная — финальная в т. ч. в смысле финальности человеческого существования — сцена фильма, в которой происходит то ли смерть, то ли исчезновение писателя-призрака. Режиссерское решение вынести смерть за рамки повествования сближает в данном эпизоде предполагаемую смерть писателя-призрака с исчезновением призрака или духа. Ретроспективное восприятие кинонарратива высвечивает многочисленные моменты «призрачности» героя, начиная с первой сцены фильма: обнаружения полицейскими на переправе через реку пустой машины. Ближе к концу фильма выясняется, что это машина писателя-призрака, на которой он вел свое расследование и которую ему пришлось бросить из-за преследователей. Важно, что фильм начинается с визуализации отсутствия — с отсутствия за рулем водителя. Отсутствующий водитель — это в определенном смысле призрак. Водитель, не просто отсутствующий, но ускользнувший от своих преследователей после того, как он был замечен, — тем более призрак. Собственно, именно в данном эпизоде на переправе одновременно

с сюжетной линией начинает свое разитие линия призрака.

8. Подводя некоторые итоги, следует отметить, что термин «кинотекст» многозначен и обладает комплексным характером. Определение кинотекста возможно лишь внутри выделяемых типов отношений между кино и текстом, только на основе и исходя из характера их взаимодействия. В результате можно говорить о кинотексте как о сочетании вербального и визуального, как о проявлении в кинотексте вербального текста, как о разных видах интертекстуальности в кинематографе, рассматривать наррацию в кино, доэкранную и послеэкранную жизнь литературного текста и т. д. Каждый из подходов к кинотексту фокусирует внимание на его отдельных аспектах, которые собственно и структурируют термин «кинотекст» в каждом случае. Кино имеет дело со «смысловыми вещами» — видимыми вещами, взятыми в их разнообразных отношениях и преображенными искусством кино. Как считал Юрий Тынянов, за видимым миром — «видимым человеком» и «видимой вещью» — стоит смысловая перепланировка мира. Раскрыть содержание данной смысловой перепланировки мира и помогает филогическое исследование кинотекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–79.
2. *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–79.
3. *Базен А.* Что такое кино? М., 1972.
4. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. Вып. (2) 22. Екатеринбург, 2007. С. 106–110. — http://www.philology.ru/linguistics1/voroshilova-07.htm
5. *Гиндина С.И., Захарова А. В.* Н. И. Жинкин о языке кино и типологии искусств // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2010. № 3. С. 52–69.
6. *Игнатов К. Ю.* От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
7. *Лотман Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.
8. *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 2005. С. 288–373.
9. *Пелевин В.* Generation «П». М., 1999.
10. *Пелевин В.* Жизнь насекомых. М., 2007.
11. *Садуллаева Дж. Р.* К вопросу о минимальной цельнооформленной единице киноязыка // КИНО/ТЕКСТ (Матер. секции XXXIX Междунар. филол. конф., 18–19 марта 2010 г.). СПб., 2010. С. 25–28.
12. *Слышкин Г. Г., Ефремова М. А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М., 2004.
13. *Смирнов И. П.* Видеоряд: Историческая семантика кино. СПб., 2009.
14. *Тревер К. В.* Сэнмурв-Паскудж. Собака-птица. Л., 1937.
15. *Тынянов Ю. Н.* Об основах кино // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 326–345.
16. *Харрис Р.* Призрак. М., 2010.
17. *Цивьян Ю. Г.* К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Труды по знаковым системам, 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1984 (Ученые записки Тартуского гос. ун-т; Вып. 641). С. 109–121.
18. *Шмид В.* Нарратология. М., 2008.
19. *Эйзенштейн С. М.* Неравнодушная природа. Т. 1. Чувство кино. М., 2004.
20. *Ямпольский М.* Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993.
21. *Ямпольский М.* Язык — тело — случай. Кинематограф и поиски смысла. М., 2004.
22. *Currie Gr.* Image and Mind: Film, Philosophy and Cognitive Science. Cambridge, 1995.
23. *Fludernik M.* Towards a Natural Narratology. London, 2003 (1996).
24. *Jakobson R.* Is the Film in Decline? // Jakobson Roman. Selected writings. Vol. 3: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. Mouton De Gruyter, 1982. P. 732–739.
25. *Kermode Fr.* The Sense of Ending: Studies in the Theory of Fiction. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000 (1966).
26. *Metz Chr.* Essais sur la signification au cinéma. T. 1, 2. Paris, 1971–1972.

(Окончание. Начало на с. 52, 56, 66)

[Форум «Стульчиковеды»]; «Она смотрела на него долго, внимательно: старик со злыми безумными глазами, ***сухой как вобла***…» [Е. Донец. Главный Герой // Литературно-художественный журнал «Заповедник»].

Син.: *худой, тощий как глист, худой, тощий как глиста, худой, плоский как доска.*

Ант.: *толстая как бочка, толстая как корова, толстая как пышка.*

Исп.: *seco como una bacalada* (сухой как вяленая треска).

И. А. Мартьянова

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: ПУШКИН, ТЫНЯНОВ, ЭЙЗЕНШТЕЙН

IRINA A. MARTYANOVA
A CINEMATOGRAPHIC TRIANGLE: PUSHKIN, TYNYANOV, EISENSTEIN

Статья посвящена специфике литературной кинематографичности А. С. Пушкина, Ю. Н. Тынянова и С. М. Эйзеншетйна. Сопоставляются фрагменты романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин», его статьи «Безыменная любовь» и литературного сценария С. М. Эйзенштейна о жизни поэта.

Ключевые слова: литературная кинематографичность, стиль, текст, киноискусство.

The paper focuses the specificity of Pushkin's, Tynyanov's and Eisenstein's literary cinematography. The author compares the fragments of Tynyanov's novel «Pushkin» and his article «Nameless love» with Eisenstein's literary screenplay about the poet' life.

Keywords: literary cinematography, style, text, cinematic art.

Ирина Анатольевна Мартьянова

Доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
► irine.pismo@gmail.com

Весной 1940 года в одной временно́й точке сошлись художественные интересы Ю. Н. Тынянова и С. М. Эйзенштейна. Общим полем приложения их сил стало творчество А. С. Пушкина, а вектором, разумеется, не единственным, литературная кинематографичность. Так возник своеобразный кинематографический треугольник: Пушкин — Тынянов — Эйзенштейн. Последний пришел к Пушкину в поисках «литературных предков» кино, в результате анализа монтажной композиции «Полтавы» и «Медного всадника» и, как это всегда бывает с Пушкиным, по личным мотивам. Тынянов — в процессе научного и художественного исследования. Тогда почему треугольник именно кинематографический? Ответ на этот вопрос предполагает осмысление пушкинской кинематографичности как одного из импульсов творчества Тынянова и Эйзенштейна.

Эйзенштейн посвятил ей несколько исследований: «Пушкин и кино», «Монтаж 1938», «Три письма о цвете», «Запретная любовь», «Любовь поэта (неотправленное письмо)» [12]. Заметив «Пушкин очень внимательно монтирует», Эйзенштейн сделал парадоксальный вывод: «Величие Пушкина. Не для кино. Но как кинематографично!» [11: 433]. Пушкинский монтаж и игра с крупностью плана не могут, по мысли Эйзенштейна, механистично переводиться на язык кино. Это подтверждается и мнением режиссера П. Фоменко: «...Пушкин выигрывает тогда, когда читаешь вместе с ним его книгу. Как только начинаешь искать

какой-то особый кинематографический, монтажный эквивалент, все летит к черту» [9: 17].

Путь Тынянова к пушкинской кинематографичности можно понять лишь в контексте его научного и художественного творчества. Его отношение к Пушкину не было благоговейным — и только. Он утверждал, что «...вся литература под знаком Пушкина становится бессмысленной, а сам он остается непонятным „чудом“» [6: 78], подчеркивая в исследовании «Достоевский и Гоголь» «молчаливую борьбу почти всей русской литературы XIX века с Пушкиным, обход его, при явном преклонении перед ним» [Там же: 198].

Пушкин для Тынянова, которому было не свойственно «чопорное дифференцирование науки и искусства» [Там же: 66], — тема как научная, историко-литературная, так и творческая, в том числе и кинематографическая. Нигде прямо не говоря о пушкинской кинематографичности, Тынянов не мог не ощущать ее импульсы в своей научной и художественной интерпретации пушкинской темы.

Ю. Н. Тынянов профессионально занимался кинематографом: руководил сценарной деятельностью «Ленфильма», писал сценарии (самостоятельно и в соавторстве: «Шинель», «СВД», «Окно над водой» и др.), читал лекции по вопросам киноискусства [2; 10]. Он глубоко ощущал современность кинематографа: «Мы — абстрактные люди. Каждый день распластывает нас на десять деятельностей. Поэтому мы ходим в кино» [6: 322], что было созвучно трактовке литературного факта как факта быта, частью которого в концепции ОПОЯЗа являлся кинематограф. Профессиональный интерес Тынянова (и многих деятелей культуры того времени) к кино был вынужденным и вместе с тем внутренне обоснованным.

В концепции ОПОЯЗа кино выступало в качестве младшей по отношению к литературе линии эволюционного развития: «В эпоху разложения какого-нибудь жанра (например, романа. — *И. М.*) он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин вплывает в центр новое явление...» [Там же: 258]. «Дело, по-видимому, не столько в том, что кинематограф — техника,— подчеркивал Тынянов, — сколько в том, что кино — искусство», которое «разложило речь. Вытянуло время. Сместило пространство» [Там же: 322]. Техническую бедность современного ему кинематографа он рассматривал как необходимое конструктивное ограничение.

Тынянов предложил гипотезу близости кинопрозы к лирике, что вписывается в его общие представления о суггестивности, ритме, динамической композиции художественного текста: «Как это ни странно, но если проводить аналогию кино со словесными искусствами, то единственной законной аналогией будет аналогия кино не с прозой, а со стихом» [Там же: 75].

Кинематографичность стиля Тынянова мотивирована также самой историчностью его художественных произведений. Профильность изображения, напоминающая плоскостность экранных образов, является не недостатком, а новаторским принципом историко-художественного повествования Тынянова (резонансом звучит подзаголовок мемуаров Эйзенштейна — «Профили»). Непонимание этого может привести к критике, которой неоднократно подвергался, например, роман Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Исповедуя другие принципы исторического повествования, А. И. Солженицын отдает должное стилю Тынянова:

> «Авторская манера: струнная напряженность над каждой страницей, как если б он боялся оказаться ниже заданной формы. В этом нервность. (Как у Белого?)... Во фразах разнообразит синтаксис, порядок слов... Надо признать, Тынянов успешно ищет свежие формальные приемы. В развитии их есть у него череды кратчайших подглавочек, просто — фрагменты, хорошо. — Уловил и прием кратких абзацев:
>
> „Но.
> Но нужна дружба с русским.
> И.
> И нужно действовать“» [5: 195–196].

Несмотря на это, авторская манера отделена в сознании Солженицына-критика от новаторства исторического повествование Тынянова. В заочный спор с этой оценкой могли бы всту-

пить В. Каверин и В. Новиков [2: 203–204]. С сочувствием цитируя Л. Я. Гинзбург: «Роман скорее истерический, чем исторический. Неумение видеть и понимать людей», А. И. Солженицын подводит итог: «Преимущество специалиста — многознание... Но тут есть и соблазн: выдавать и дальнейшие угадки, гипотезы — в одном <...> ряду с добротным фактическим материалом?.. Автором движет проработанная схема <...> запоем — не прочтешь...» [5: 194–195].

То, что квалифицируется критиком как «беллетристическое неумение», может быть осознано и иначе: «Дело тут не в репертуаре фактов, а в постижении исторической роли героев <…>. Тынянов писал не просто биографические романы, а средствами поэтического слова выяснял судьбы культуры, показывал, какою ценою куплено бессмертие поэзии» [1: 17].

Сам же Тынянов полагал, что исторический материал органически «нужен художнику, потому что заставляет его работать вне выдуманных фабул <...> ставит точные фабульные условия, проверенные не художественным бюро, а историей». Между тем, по его мнению, исторического «жанра ни в кинематографии, ни в каком другом месте вовсе нет» [6: 348]. В его поисках он обращается к кинематографу, создающему эффект остранения истории, иллюзию современности давно прошедших событий. Пушкинский импульс кинематографичности получил в творчестве Тынянова историческое осмысление, стал основой «профильного», контурного принципа его исторического письма. «Крупнейшей семантической единицей прозаического романа является герой — объединение под одним внешним знаком разнородных динамических элементов» [7: 56], одним из таких героев для писателя, а затем и для Эйзенштейна стал сам Пушкин.

Эйзенштейн пришел к Пушкину не только самостоятельно, но и благодаря «замечательному мастеру» Тынянову, и споря с ним. Он вспоминал, что весной 1940 года Эсфирь Шуб «присоветовала ему прочесть „Безыменную любовь“ Тынянова, когда он томился в поисках драматического ядра сюжета к уже готовой общей лирической концепции биографического фильма о Пушкине... Однако почему же, — спрашивал он себя, — я так мгновенно, пламенно, безоговорочно и решительно ухватился именно за эту концепцию?» [12: 212]. Художественным потенциалом для него обладала не научная убедительность гипотезы Тынянова, но ее лиричность и сюжетообразующая прелесть: «Я не знаю, сколько здесь факта и сколько здесь вымысла. Но я знаю, сколько в этой гипотезе таится прелести для сюжета» [Там же: 221].

Диалог с Тыняновым продолжился и после его смерти в «Неотправленном письме» Эйзенштейна, которое «полностью состоит из глубоких формул-идей, возможных лишь в переписке людей гениальных» [2: 203]. Композиционно-синтаксическая аранжировка «Неотправленного письма» кинематографична (или почти стихотворна?):

...Тынянов умер, и письмо не было отправлено.
Письмо касалось моего желания
ставить в цветовом кино биографию Пушкина.
Пушкина, как ни странно (не для Пушкина,
а для... меня!), Пушкина — любовника,
по концепции Тынянова, изложенной
в «Безыменной любви».
Пленительная история тайной любви поэта
к жене историка Карамзина здесь изложена
гораздо острее
и вдохновеннее, чем в последней части романа,
где так и кажется, что торопится рука дописать
последние страницы, боясь не успеть их закончить
(1997, 214).

Мемуары Эйзенштейна, который мечтал создать фильм, объединяющий цвет и музыку, сохранили «беспорядочный, несистематизированный пересказ сценарного и зрительно-цветового режиссерского решения одной темы, не увидевшей воплощения», в котором «образы биографии роились цветовыми представлениями... вились цветные лейтмотивы тем, впитывая в себя оттенки действия» [12: 225, 294]. Приведем фрагмент, композиционно-синтаксическая аранжировка которого перекликается с пушкинскими текстами Тынянова:

«Неуверенная вспышка вишневым
атласом муфты
Натальи Николаевны — „косой мадонны“.

Окончательно туманно-серая гамма.
И резко черное с белым.
Снег.
И силуэты дуэлянтов.
И одно цветовое пятно.
Кровавое.
Красное.
Не на груди.,
Не на рубашке.
Не на жилете поэта.
В небе!
Кроваво-красный круг солнца.
Без лучей.
Того малинового тона, каким оно невысоко над горизонтом виднеется в морозные дни среди черных силуэтов деревьев, ампирных решеток Петербурга, очертаний фонарей, за шпилем Петропавловской крепости...» [6: 220].

В стиле Тынянова, пишущего о Пушкине, также присутствуют малые абзацы и строфоиды, научный текст разбивается на композитивы [4]:

«Все это мало убедительно. Имя Карамзиной все объясняет.

К *** не может быть Екатериной Николаевной Раевскою. К *** это не выдумка Пушкина, а с трудом давшееся ему признание.

Утаенная по глубоким и веским причинам на всю жизнь — это не Мария Волконская, не Мария Голицына.

Это Екатерина Андреевна Карамзина.

Утаенная до сих пор любовь Пушкина — один из важнейших фактов его биографии» [8: 219, 227].

Краткую фразу Тынянова вслед за ним можно назвать сценарной. Примечательно, что это словосочетание Тынянов использовал для характеристики стиля Пушкина: «Как зыбка грань, отделяющая пушкинские черновые программы от его чистовой прозы <...>. Нейтральная сценарная фраза вырастает в нейтральную позу рассказчика...» [Там же: 162–163].

Открытие сценарности в стиле Пушкина в свою очередь открывает перед Тыняновым новаторские возможности исторического повествования и стиля научного исследования. И в его научных статьях, и в прозе краткая сценарная фраза, «брошенная на разные временные отрезки», устанавливает «иерархию предметов», она «необходима для создания объективной, нейтральной позы рассказчика» [Там же: 162–163], позволяющей избежать вульгаризации научного и художественного проникновения в историю и внутренний мир поэта.

Так создавался новый стиль лирически взволнованного историко-литературного повествования. Но и Эйзенштейну Пушкин был необходим для создания нового вида искусства — кино. Кинематограф близок к лирическому роду литературы в понимании и Тынянова, и Эйзенштейна, здесь они единомышленники, впрочем, как и во многом другом (Эйзенштейн с сочувствием цитирует стиховедческие работы Тынянова [11: 86–89]).

Сопряжение имен *Пушкин, Тынянов, Эйзенштейн* вызывает дополнительные вопросы: почему, например, Эйзенштейн пришел к теме потаенной любви Пушкина не от кинематографичного романа Тынянова, а через его научное исследование?

Тыняновская разработка пушкинской темы не менее парадоксальна. Фактически мы имеем дело с художественной интерпретацией научной гипотезы в творчестве одного и того же автора: научное исследование послужило Тынянову сценарной основой его романа о Пушкине. Сопоставим однотематичные фрагменты статьи «Безыменная любовь» (а) и романа «Пушкин» (б). Смена исследовательской установки на эстетическую выражается здесь не только в субъективном модальном сдвиге, но и в очевидном изменении композиционно-синтаксической аранжировки высказываний, их ритмико-интонационного рисунка:

(а) «Первый, кто ясно говорит о том, что он скрывает и должен скрывать от всех какую-то безнадежную любовь,— сам Пушкин, задолго до цикла элегий и элегических отступлений в поэмах, намеченного биографами.

Это еще элегия лицейского периода, относящаяся к 1816 г. <...>

Поэтический реализм еще не наступил для Пушкина. Картина счастливой любви дает пересчет всех обычных для лицейской лирики общих поэтических черт пейзажа и жанра... Но любовь несчаст-

ливая, вызвавшая стихотворение, удивительна реалистическими, ясными, даже резкими, и притом не общими, а конкретными чертами, даваемыми в первой строфе:

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет.
Не забудем и последнего стиха: о его слезах, слезах его любви» [8: 211].
(б) «Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет.

В страсти. И ему стало легче. Таков он был. Вовсе это не была лицейская любовь. Страсть. И он не смел признаться в ней. Самому себе. Кончились лицейские упражнения, страхи, тайна. Страсть владела им. И был страх перед страстью» («Пушкин», ч. 3, гл. 20).

Выскажем предположение о том, что сам факт реализации научного сценария в художественной прозе сделал более естественным для Эйзенштейна путь к замыслу фильма от статьи, чем от романа Тынянова. Хотя, разумеется, и роман, в частности, своей ритмической организацией (о ее ведущей роли в создании прообраза фильма неоднократно писал сам Эйзенштейн) не мог не вызвать у него эстетического резонанса.

Таким образом, весной 1940 года счастливо сошлись в одной временно́й точке различные проявления литературной кинематографичности. Пушкин кинематографичен, по словам Эйзенштейна, «не для кино» [11: 433]. Истоки тыняновской кинематографичности — в поисках нового стиля, позволяющего изменить сам способ историко-литературного повествования. Путь Эйзенштейна к ней — иной, сопряженный с анализом эстетической сущности киноискусства, с созданием литературной основы поэтического исторического кинематографа.

Приход Тынянова и Эйзенштейна к Пушкину был мотивирован также стилевыми исканиями века кино. «Одна из замечательных особенностей Пушкина — способность находиться с нами в состоянии диалога,— писал Ю. М. Лотман. — <...> Система, которую Пушкин создал и запустил в мир, — это динамическая структура, она накапливает смысл, она умнеет, она заставляет нас умнеть, она отвечает нам на те вопросы, которых Пушкин не мог знать. Эта система — сам поэт. Поэтому в том, что он меняется перед нашим взглядом, нет ничего удивительного: в этом его жизненность» [3: 226].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андроников И. Л.* Возле Тынянова // Андроников И. Л. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1981. С. 7–17.
2. *Каверин В. А., Новиков В. И.* Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове. М., 1988.
3. *Лотман Ю. М.* «Пушкин притягивает нас, как сама жизнь…» // Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2003. С. 226–227.
4. *Мартьянова И. А.* Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб., 2002. С. 20–29.
5. *Солженицын А. И.* «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 4. С. 191–199.
6. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
7. *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. М., 1965.
8. *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. — М., 1968.
9. *Фоменко П.* «Сбились мы. Что делать нам...» // Искусство кино. 1999. № 6.
10. *Цивьян Ю., Тоддес Е.* «Не кинограмота, а кинокультура». Кино и литература в творчестве Юрия Тынянова // Искусство кино. 1986. № 7. С. 88–98.
11. *Эйзенштейн С. М.* Избр. пр.: В 6 т. М., 1964. Т. 2.
12. *Эйзенштейн С. М.* Три письма о цвете. Запретная любовь. Любовь поэта (неотправленное письмо) // Мемуары. Т. 2. Истинные пути изобретения. Профили. М., 1997. С. 211–225.

А. М. Ямалетдинова

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА, СТАНОВЛЕНИЕ

ALMIRA M. JAMALETDINOVA

A MODERN MODEL OF PEDAGOGICAL EDUCATION: ESSENCE, SPECIFICITY, FORMATION

Статья посвящается одной из актуальных проблем психолого-педагогической науки — определению специфики современного подхода к системе педагогического образования. Вопросы, касающиеся целей, сущности, содержания педагогического образования, считались самыми важными на разных витках развития общества. Современная модель педагогического образования в качестве первостепенной выдвигает задачу психического, личностного развития растущего человека.

Ключевые слова: педагогическое образование, современная образовательная парадигма, воспитание, учитель, личностно-развивающее обучение, профессиональное становление личности, профессиональные компетенции.

The paper outlines the actual problems of a psychology and pedagogics — to define the specificity of a modern approach to pedagogical education system. The questions concerning the goals, essence and content of pedagogic education are contemplated as the most important ones within the different phases of society development. The modern model of pedagogical education issues a challenge of mental, personal development of a growing person.

Keywords: pedagogical education, a modern educational paradigm, education, the teacher, personal-developing training, professional formation of the person, professional the competence.

Альмира Мухаметовна Ямалетдинова

Кандидат педагогических наук , доцент Башкирского государственного университета
► almira27@mail.ru

В настоящее время становится очевидным, что высшая школа XXI века вступает в эпоху перемен. Они во многом зависят от характера и темпов развития отечественной экономики, науки, культуры, духовности. Но уже сейчас можно обозначить некоторые тенденции, касающиеся реформирования вузовской образовательной системы. В качестве важных можно назвать следующие:

– гуманизация высшего образования;

– утверждение статуса студента как доминирующего субъекта в учебном процессе;

– расширение специализаций студента по профилю его квалификации;

– закрепление права вузовского преподавателя самостоятельно (но в рамках государственного стандарта) определять содержание и структуру своей учебной дисциплины;

– установление органической связи и преемственности между средней и высшей школой в качестве единого образовательного процесса;

– широкое использование в учебном процессе современных информационных технологий;

– расширение и развитие дистанционного общения преподавателей и студентов через Интернет — всемирную компьютерную сеть.

Эти общие тенденции непосредственно относятся и к вузовской подготовке педагогических кадров, концепции обучения которых имеют давние и глубокие традиции, формировавшиеся такими

известными отечественными педагогами, как Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, П. Ф. Каптерев, В. И. Водовозов, Д. Д. Семенов, П. Ф. Бунаков и другие. Объединяющим началом педагогических трудов этих ученых было представление о человеке как высшем проявлении созидательных сил природы, о духовно-нравственном облике личности, ее ума, воли, характера и вера в высшее предназначение каждого родившегося на земле человека. Центральной фигурой педагогического образования всегда являлся учитель, который владеет знаниями и сообщает их, устанавливая контакт с обучаемыми. Именно об учителе писал Н. И. Пирогов: «…воспитание идет через науку и урок учителя; десять воспитателей не сделают столько, сколько сделает один квалифицированный учитель» [5: 242].

Наиболее полно проблемы учебного процесса — подготовка и возможности учителя, содержание обучения и участие в этом процессе учащихся — нашли отражение в трудах К. Д. Ушинского, являющегося основоположником отечественной теоретической педагогики. Именно им были определены положения о подготовке педагогов. Он отмечал, что народная педагогика есть прикладная философия, что система воспитательных взглядов народа формируется на основе его миропонимания, его национального сознания; развитие индивидов зависит от бытия людей, т. е. от всей совокупности их жизнедеятельности. Выдвинутая К. Д. Ушинским концепция педагогической антропологии дала мощный толчок целостному изучению человека, признанию неделимости его духовной и телесной природы, сочетанию умственного и нравственного воспитания с воспитанием физическим. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях», — писал К. Д. Ушинский [9: 91]. Конкретные задачи народного образования определялись им тем, что нужно было тогдашней России, что согласовывалось с ходом ее истории, духом и потребностями народа. Говоря о народном образовании, выдающийся педагог доказал гениальную и современную до сих пор мысль о том, что устройство хороших школ, правильно развивающих и правильно воспитывающих народ, есть одна из самых выгодных и самых прочных финансовых операций. Составитель тома Антологии гуманной педагогики, посвященной К. Д. Ушинскому, П. А. Лебедев отмечает, что Ушинский первый заговорил о русской национальной школе, о том, что образование не может совершаться вне времени и пространства, российский образ жизни и российский образ мысли должны учитываться в педагогических поисках [2: 5].

Идеей антропологизма пронизаны и психолого–педагогические воззрения М. М. Рубинштейна, касающиеся его размышлений о проблеме учителя, педагогическом образовании и воспитании. Так, он отмечал, что педагог — преподаватель отдельного предмета не становится прямым воспитателем, а ведет свой предмет, учитывая всю широту его воздействия, куда неизбежно войдут и в форме, и в содержании воспитательные отражения. И воспитатель, и учитель в современном понимании идут к человеку, но только один от поведения и характера, а другой от знаний и науки, но цельность должна быть сохранена везде. Так в общем итоге организованного воздействия и должна сложиться гармоничная цельность [7: 19].

Рассуждения М. М. Рубинштейна об образовании учителя, то есть по сути об образовании педагогическом, имеют далеко идущую эвристическую и прогностическую значимость, утверждая творческую сущность педагогической профессии. Приведем основные положения системы педагогического образования М. М. Рубинштейна.

1. Педагог в узком смысле слова рождается не в учебном заведении, во всяком случае, а в практической жизни.

2. В подготовке учителя необходимо иметь в виду: 1) то, что ему дала природа и что он должен развить в себе; 2) то, что ему должна дать наука и что он должен приобрести теоретической работой главным образом; 3) то, что он должен создать сам в себе на этой естественной и культурной почве, синтезируя их и перейдя с ними к прямой, непосредственной жизнедеятельности.

3. Педагогические факультеты должны дать основы и натолкнуть на умение добывать знания собственными усилиями.

4. Смысл педагогического образования не в механическом переложении науки, а в умении приложить ее к жизни и самому сделать выводы.

5. Одна из крупнейших задач подготовки учителя вплоть до университета — научить учиться.

6. В подготовке современного педагога следует выступить против двух тенденций: одна — это стремление охватить все и вся в подготовке педагога, педагогический энциклопедизм и другая — это пагубная мысль, что в задачи педагогического образования может входить задача исчерпать все вопросы и дать вполне завершенного педагога, выполнив то, что должны сделать опыт и живая работа.

7. Образование учителя не должно сужаться до методико-педагогических пределов.

8. Не должно быть просто педагога, а должен быть тот или иной специалист с педагогической подготовкой. Образованность не должна становиться меньше от прибавления к ней предиката «педагогический». Это обозначает только, что знания должны быть усвоены, но еще нужно уметь их передать.

9. Факторами, определяющими подготовку учителя, должны быть: государство, собственные образовательные интересы, требования жизни и культуры.

10. Для учителя, как и вообще для педагога, необходимо широкое, основательное общее образование как основа или фон специального педагогического образования.

11. Важно не отрывать педагогического и специального образования друг от друга; они могут и должны идти параллельно, взаимно оплодотворяя друг друга.

Гуманистические взгляды К. Д. Ушинского, М. М. Рубинштейна органично вписываются в современные модели педагогического образования. Так, Д. И. Фельдштейн, раскрывая содержание приоритетных направлений развития психолого-педагогических исследований, отмечал, что на современном этапе психологические, социальные изменения человека прослеживаются исключительно выпукло. Это требует принять в качестве первостепенной задачу выяснить и прописать норму психического, личностного развития современного человека, прежде всего ребенка — живущего сейчас, сегодня и качественно отличающегося не только от того «Дитя», которое описывали Ушинский и другие великие педагоги, но даже от ребенка 70–80-х годов XX века. «Сегодня, — говорит Д. И. Фельдштейн, — весь специально подаваемый растущему человеку материал (от учебных предметов до нравственных установок), как бы широк он ни был, и как бы ни старались родители и преподаватели, находится в одном русле со значительно большим потоком свободной информации, поступающей с экранов телевизора, компьютера, из интернета, печатных СМИ, разнопланового общения со сверстниками и взрослыми» [10: 33].

Учитывая приведенную оценку современной действительности, в которой развивается растущий человек, можно предположить, что в педагогическом образовании следует определить: 1) психологические условия, сочетание существующего информационного прессинга и организованной системы образования детей, молодежи; 2) психолого-педагогические основания процесса обучения в современных условиях, требующих раскрытия путей, возможностей выработки у школьников и студентов избирательного отношения к информации, умения ее ранжировать в процессе самостоятельного присвоения знаний; 3) теоретически обоснованные и экспериментально проверенные рекомендации о том, как, где и до каких пределов должна осуществляться компьютеризация обучения, чтобы работа учащихся с компьютером не снижала инициативности их мысли, не обедняла деятельности их творческого воображения и в то же время не уводила от реального мира, способствуя более интенсивному развитию у них качеств активных субъектов познания, труда, общения.

Говоря о том, что в условиях перехода к новой образовательной парадигме складываются предпосылки для развития личностно-ориентированного подхода в образовании, Л. М. Митина приводит следующие характеристики этого подхода:

– цель: содействие становлению и развитию личности учащегося;

– основные средства: актуализация, фасилитация, организация мыследеятельности, проблематизация, проектирование;

– способы общения: сотрудничество, понимание, признание и принятие другого, коллективная мыследеятельность;

– отношение к ученику: как к полноценному сотрудничающему партнеру [3: 13–15].

Таким образом, новое личностно-развивающее направление рассматривает систему «учитель-ученик» как постоянно развивающуюся духовную общность, где учитель не только создает оптимальные условия для развития позитивных потенций каждого ученика, но и сам открыт новому опыту, новому знанию, постоянно развивается и получает удовольствие и удовлетворение от своего труда. Такому учителю необходим новый уровень профессионального развития, который связан в первую очередь с иным взглядом, иным способом мышления, поведения, отношением к себе и к ученикам как к свободным и ответственным людям.

Современные публикации (см.: С. Е. Каменецкий, А. Е. Наумова, В. А. Буравихин, Р. М. Асадуллин, В. Л. Бенин, В. А. Сластенин, Я. И. Мищенко и др.), при наличии некоторых отличий, выделяют мысль о том, что основной задачей образования является не обеспечение некоторым запасом знаний, а вооружение обучаемого подлинной культурой, которая позволит ему найти свое место в жизни и даст возможность принимать самостоятельные решения. Поэтому вузам необходимо делать акцент не на трансляцию знаний, как это чаще всего происходит сегодня, а основное внимание обращать на создание мотивации самостоятельного образования. Это позволит в будущем преодолеть объективно действующее противоречие между постоянно меняющимися требованиями и возможностями системы образования. Социально-экономические и общественно-политические факторы не только влияют на общие перспективы развития образования, но и предъявляют принципиально новые требования ко всем его структурам, в частности по отношению к преподавателю вуза — его понимание роли личности будущего специалиста: студент не должен выступать объектом массового единообразного педагогического воспроизводства (см.: [1: 60]).

Всё перечисленное дает возможность отметить, что профессионально-педагогическое образование на современном этапе всё менее рассматривается в инструментальном плане и всё более в гуманистическом. Так, отмечается, что в образовательном пространстве высшей педагогической школы студента следует ориентировать на профессиональную деятельность, предметом которой является человек. Значит, ядром профессиональной компетентности будущего учителя становятся системные антропологические знания, обеспечивающие «взаимосвязь и единство социогуманитарной, культурологической, психолого-педагогической и предметно-социальной подготовки учителя» [4: 9]. Для решения этой задачи необходимо осознание того, что уже в педагогическом вузе между преподавателями и студентами должны строиться субъект-субъектные отношения, механизмы которых можно определить особенностями социального развития и, по терминологии С. Л. Рубинштейна, взаимопроникновением «внешних воздействий» и опосредующих их «внутренних условий».

Сама по себе мысль о необходимости перевода учащегося с позиции объекта в положение субъекта психологического процесса не нова. Еще в 1765–1766-х гг. И. Кант выдвинул положение о том, что для студентов полезнее не овладение готовыми источниками, а «методом самостоятельно размышлять и умозаключать». И. Г. Фихте полагал, что преподаватель высшего учебного заведения должен помочь студенту в реализации способности «стать своим собственным учителем». Думается, что к месту будет привести идею В. Гумбольдта, который считал, что школа должна учить учеников учиться. Ученик считается созревшим для обучения в университете, «если он так многому научился у других, что он теперь в состоянии учиться самостоятельно», т. е. задачу университетского образования он видит в создании готовности к исследованию и подчеркивает, что преподаватель вуза «уже не учитель, а обучающийся уже больше не ученик» [11].

Интерес к проблемам профессиональной подготовки учителя отмечается не только в России, но и за рубежом. Направления исследований в области педагогического образования обращены к изменению способов взаимодействия преподавателя со студентами, учителя с учениками. Ценностными ориентациями становятся знания, самостоятельность мышления, умение работать с информацией и принять аргументиро-

ванное решение, осведомленность не только в узкой профессиональной области, но и в смежных областях. Если соотнести эти ориентиры с компетенциями, которые Совет Европы выделил как определяющие степень развития информационного общества, то можно сделать вывод о том, что современный подход к системе образования предполагает: 1) владение устным и письменным общением, которое играет важную роль в общественной и профессиональной деятельности; 2) овладение новыми технологиями; 3) способность учиться всю жизнь как основа непрерывной подготовки в профессиональном плане; 4) повышение качества образования и обучения [6].

В Национальном докладе Российской Федерации «Система образования России», представленном на 47-й-сессии Международной конференции по образованию, были определены основные тенденции развития образования в России на фоне мировых тенденций. Это:

«– ускорение темпов развития общества и, как следствие, необходимость подготовки людей к жизни в быстро меняющихся условиях;

– переход к постиндустриальному, информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают факторы коммуникабельности и толерантности;

– демократизация общества, расширение возможностей политического и социального выбора, что вызывает необходимость повышения уровня готовности граждан к такому выбору; динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубокие структурные изменения в сфере занятости, определяющие постоянную потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их профессиональной мобильности;

– рост значения человеческого капитала, что обусловливает необходимость интенсивного опережающего развития образования как молодежи, так и взрослого населения» (см.: [8: 7]).

Эти компетенции и тенденции формируют компетентностно-креативный подход в современной системе образования в целом и системы педагогического образования в частности.

Таким образом, не претендуя на исключительность представленной в общем виде модели педагогического образования, отметим, что логическими центрами в ней являются следующие модули: психолого-педагогический, социально-гуманитарный, культурологический, естественнонаучный. На наш взгляд, результаты общего образования (в том числе педагогического) должны выражаться и в предметном формате, который задает границы возможных решений образовательных задач. Но сформированность надпредметных компетенций, раскрывающих когнитивные, коммуникативные, ценностно-ориентированные компоненты образования, в современном информационном обществе становится приоритетной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буравихин В. А.* Учитель и общество // Педагогика. 1996. №5. С. 60–63.

2. *Лебедев П. А.* Слово о Константине Дмитриевиче Ушинском // Ушинский. М., 2002 (Антология гуманной педагогики). С. 5–22.

3. *Митина Л. М.* Психология труда и профессионального развития учителя: Учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2004.

4. Педагогика: Учеб. пос. для студ. пед. учебн. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко и др. М., 1998.

5. *Пирогов Н. И.* Избр. педагогические соч. М., 1993.

6. Проект «Совет образования для Европы». Берн, 1996.

7. *Рубинштейн М. М.* Проблема учителя: Учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В. А. Сластенина. М., 2004.

8. Система образования России. Национальный доклад Российской Федерации ООН по вопросам образования, науки и культуры. Междунар. бюро просвещения. 47 сессия Междунар. конф. по образованию «Качественное образование для всей молодежи: вызовы, традиции и приоритеты». Женева, 8–11 сент. 2004 года.

9. *Ушинский К. Д.* Педагогические соч. Т. 6. М., 1988.

10. *Фельдштейн Д. И.* Приоритетные направления развития психолого-педагогических воззрений // Роль кафедр педагогики и психологии в реализации Программы модернизации педагогического образования: Матер. Всерос. совещания-семинара заведующих кафедрами педагогики и психологии вузов Российской Федерации (30 сент. — 3 окт. 2003 года). Уфа, 2003.

11. Формирование учебной деятельности студентов / Под ред. В. Я. Ляудис. М., 1989.

И. А. Гончар

ОПЕРАТИВНЫЙ ТЕСТОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ЧАСТЬ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

IRINA A. GONCHAR

CURRENT LESSON-BY-LESSON TESTING AS PART OF THE MODEL FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGE LISTENING

В статье описана конфигурация теста по аудированию, применяемого в оперативном поурочном контроле и являющегося неотъемлемой частью авторской модели обучения аудированию иноязычного текста. Подробно рассмотрены типы заданий, включенных в тест. Дан образец теста для обучающего звучащего текста, рассчитанного на уровень ТРКИ-2. Сформулировано определение оперативного тестового контроля и описана процедура его проведения.

Ключевые слова: аудирование, модель обучения, оперативный контроль, тест.

The paper concerns the structure of a listening test that is used for current lesson-by-lesson testing. The test is an essential part of the author's model for teaching foreign language text listening comprehension. The types of tasks included in the test are thoroughly described. The example test for the TRFL-2 level audio text is provided. The definition of current testing is given and its procedure is described.

Keywords: listening, teaching model, current testing, test.

Рассматриваемый в статье *оперативный тестовый контроль* отличается от контрольного сертификационного тестирования или типовых тестов [10], а также — от тренировочных тестов. Он является компонентом предложенной нами стадиальной модели обучения аудированию иноязычного текста [5], занимая в нём четвертую позицию, то есть следуя за 1) введением в тему (формулировка обучаемыми концептуального для данного текста понятия, в значительной мере определяющего предсказуемость содержания); 2) предтекстовой работой (культурологические и страноведческие комментарии, снятие языковых трудностей, работа над словосочетательными «цепочками», выводящими на коммуникативные фрагменты); 3) притекстовой работой (*прослушивание-1*, задания на наблюдение за композицией, *прослушивание-2* с установкой на максимально полное понимание содержания). Он представляет собой 4-й компонент — послетекстовую работу, будучи **оперативным тестовым контролем,** проверкой и анализом допущенных при понимании текста ошибок. Заключительный, 5-й компонент составляет «выход» в говорение (интерпретация, поиск смысла).

Ирина Александровна Гончар

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета

► goncharia@mail.ru

Таким образом, ***оперативный контроль*** при обучении инофонов аудированию понимается как *контроль, следующий непосредственно после второго прослушивания, которому, в свою очередь, предшествует системная пред- и притекстовая работа в* ***текущей*** *учебной деятельности.*

Такой подход коррелирует с рекомендациями по интерпретации текста для чтения в иноязычной аудитории: рецепция текста осуществляется в двух режимах: «*чтении 1,* которое всегда держит субъекта „внутри“ текста, и *чтении 2,* организованного исследовательской стратегией» [9: 399].

Для оперативного тестового контроля можно рекомендовать задания, которые имеют форму теста в виде комбинации заданий разных типов. Несмотря на справедливую критику абсолютизации тестового контроля, который в ряде случаев не удовлетворяет требованиям современной парадигмы педагогических измерений, не обладая достаточной «чувствительностью» при измерении важнейших видов компетентности,[1] следует отметить, что при обучении аудированию тест является более чем оправданной формой контроля.

Нацеленность учащихся на включённость тестовых заданий повышает их внимание к прослушиванию и развивает навык извлечения содержательной информации. Преподаватель получает данные об уровне владения языком учащихся, а также «о трудностях, возникающих при усвоении данного языка» [11: 16]. Таким образом реализуются важнейшие функции контроля в обучении: управляющая и обратной связи. И еще один важный момент: поскольку оценивание как таковое при оперативном контроле не предусматривается, студенты сами могут оценить свои умения в данном виде речевой деятельности, сделать выводы («отрефлексировать» результаты), т. е. включить мотивационно-стимулирующий фактор.

Чтобы получить представление об объёме усвоенной информации, целесообразно включить в тест 3 типа заданий, по 6 позиций в каждом, т. е. всего тест должен состоять из 18 позиций.

1. Данные высказывания соответствуют / не соответствуют содержанию текста (да / нет)[2].

Это самое простое тестовое задание в закрытой форме, а именно: есть «основная часть» — высказывание и один правильный ответ. Такой тип тестового задания достаточно распространён в практике преподавания. Например, он активно используется в пособии И. В. Одинцовой: «Слушайте диалог второй раз. Читайте предложения, выражайте свое согласие или несогласие с тем, о чем в них говорится (Да/Нет)» [7]. Заметим, однако, что выражение согласия или несогласия — это нечто другое, нежели установление соответствия (да) / несоответствия (нет) содержанию текста предложенных высказываний.

2. Закончите предложения в соответствии с содержанием текста, выбрав правильный вариант.

Это задание есть не что иное, как задание «на множественный выбор». Как правило, из трёх возможных вариантов выбрать труднее, чем из двух, поэтому, следуя логике возрастающей трудности, мы располагаем его в матрице оперативного контроля на втором месте. Этот тип тестового задания, пожалуй, самый популярный на сегодняшний день и встречается во многих современных пособиях. К упомянутому выше пособию добавим, например, «Жили-были...» Л. В. Миллер и Л. В. Политовой [6]. В пособии И. В. Одинцовой задача несколько модифицирована: учащимся предлагается прослушать вопрос и отметить один из 3 ответов. Принимая во внимание целевую установку И. В. Одинцовой «активизировать у учащихся навыки аудирования, помочь им в овладении живой разговорной речью», задача, решаемая в такой форме, может быть признана адекватной. Точно такое же по сути задание находим в пособии «Русское слово»: Слушайте вопросы <...> и выбирайте правильный ответ» [2].

3. Закончите предложения в соответствии с содержанием текста.

Степень сложности такого задания значительно выше, чем двух предыдущих. Часть, дописываемая в матрицу, должна быть максимально приближённой к звучащему оригиналу (а в идеале — дословно повторять). Допустимы синонимичные замены, если они не искажают содержание. Кроме того, при выполнении этого задания учитывается и языковая компетентность обучаемого, так как оно должно быть выполнено в соответствии с нормами грамматики русского языка.

Следует особо оговорить отличие данного задания от «Допишите предложения», предлагаемого тестологами [1: 53], или «Прослушайте диалоги еще раз. Восстановите пропущенные слова и предложения» [7], или «Слушайте <...> и заполняйте пропуски» [2: 150]. Главное отличие от «дописываний» и «восстановлений» в данном случае заключается в том, что студенты выполняют задание без дополнительного обращения к звучащему тексту, ***по памяти***. А это существенно усложняет их задачу. Для успешного выполнения задания необходимо держать в памяти весь текст. Это очень способствует развитию оперативной памяти, объём которой во многом определяет эффективность аудирования.

При видимой схожести рекомендуемых в данном случае тестовых заданий с теми, которые широко применяются в практике преподавания РКИ, мы должны отметить, что тестов такой конфигурации нам не удалось встретить ни в одном учебном пособии.

Проиллюстрируем сказанное конкретным примером. Для этого воспользуемся фрагментом (01'32") из художественного фильма «Дневник директора школы» (реж. Б. Фрумин, «Ленфильм», 1975). Данный текст актуализирует обязательный для ТРКИ-2 учебный материал, связанный с проявлениями межличностных отношений при удовлетворении познавательных потребностей, включается в тему «Образование. Школа». По степени сложности может быть отнесён к уровню ТРКИ-2[3].

СИНХРОННЫЙ ТЕКСТ
(«Пишем письма вместо сочинений»)

Борис Николаевич:

— *Юный* пишешь через два «н», *зеленый* — опять два. *Бессмысленный* — где у нас два «С»? Ты пишешь и там, и тут. На всякий случай что ли? Лучше больше, чем меньше?

Ученик 1:

— А мы как классики, Борис Николаич!

Борис Николаевич:

— Какие классики?

Ученик 1:

— А которые писали с ошибками. Помните? Вы нам рассказывали.

Борис Николаевич:

— Да, я вот вижу, много лишнего вам рассказывал. И потом вы у меня еще не классики. И потом не все классики держали экзамен в институт, а вам многим — придется. И особенно я не завидую тем, кто вот *юный* пишет через два «н».

Ученик 2:

— А у него блат!

Борис Николаевич:

— Не понял.

Ученик 2:

— Блат!

Борис Николаевич:

— Я не знаю такого слова.

Ученик 3:

— А есть в словаре: *знакомство*.

Борис Николаевич:

— *Знакомство* — есть такое. Прекрасное русское слово. Ну что же, Бог в помощь, как говорится! Хотя я бы не очень на это надеялся.

А кто из вас умеет писать письма? *(пауза)*

Я вас не случайно об этом спрашиваю. Я хочу, чтобы вы научились... научились писать. Владели слогом. Попробуйте писать письма, как их писали в век, когда не было телефона.

Ученица:

— Милостивый государь?

Борис Николаевич:

— Совершенно верно! И почитайте когда-нибудь просто... э... рядовую переписку прошлого столетия. Я уж не говорю о письмах Пушкина, Тургенева... Толстого. Мы сейчас, к сожалению, теряем эту культуру.

Так! В следующий раз вместо сочинения будете писать письма. *(смеются)*

Борис Николаевич:

— ...вот... и кстати говоря, вы знаете, переписка, она ведь не только дисциплинирует мысль, она и создает какие-то определенные взаимоотношения между людьми. Например, приучает к вежливости.

ТЕСТ

I. Данные высказывания соответствуют / не соответствуют содержанию текста (да/нет).

1. Борис Николаевич рассказывал своим ученикам о том, что некоторые классики делали орфографические ошибки.
2. Все классики имели диплом об университетском образовании.
3. Учитель советует своим ученикам писать письма и брать пример с классиков.
4. Борис Николаевич уверен, что знание правил личной переписки полезно для учащихся.
5. Учитель считает, что при поступлении в вуз знакомство может сыграть положительную роль.
6. Учитель фиксирует орфографические ошибки своего ученика на правило «Правописание словарных слов с удвоенными согласными».

II. Закончите предложения в соответствии с содержанием текста, выбрав правильный вариант.

7. Учитель по отношению к своим ученикам проявляет
   А) равнодушие,
   Б) строгость,
   В) заботу.
8. Сравнивая себя с классиками, один из учеников
   А) гордится,
   Б) шутит,
   В) хитрит.
9. Учитель был открыт и доверчив с учениками и теперь
   А) жалеет об этом,
   Б) не жалеет об этом,
   В) рад этому.
10. Слово «блат» Борис Николаевич
    А) не понял,
    Б) не захотел понять,
    В) не знает.
11. Один из учеников объясняет значение слова «блат» через
    А) синоним,
    Б) антоним,
    В) омоним.

12. Борис Николаевич очень высоко оценивает тексты писем

А. Тургенева, Толстого, Пушкина.

Б. Пушкина, Тургенева, Чехова.

В. Пушкина, Достоевского, Тургенева.

III. Закончите высказывания.

13. Учитель не завидует тем, кто ...

14. Учитель хочет, чтобы его ученики владели ...

15. Учитель рекомендует своим ученикам почитать...

16. По мнению учителя, переписка не только дисциплинирует, но и ...

17. Борис Николаевич считает, что переписка приучает к ...

18. Борис Николаевич говорит, что «знакомство» — это...

КОНТРОЛЬНАЯ МАТРИЦА К ТЕСТУ

Задание	Позиции	Варианты ответов		
1	1	да		
	2			нет
	3	да		
	4	да		
	5			нет
	6			нет
2	7			В
	8			В
	9	А		
	10		Б	
	11	А		
	12	А		
3	13	«юный» пишет через два «н».		
	14	слогом.		
	15	рядовую переписку прошлого столетия.		
	16	создает определенные взаимоотношения между людьми.		
	17	вежливости.		
	18	прекрасное русское слово.		

По параметрам запрашиваемой информации: в основном эксплицитно выраженной; на уровнях общего, детального и критического понимания; по поведенческим характеристикам коммуникантов; по выраженности интенций; по возможности дальнейшего использования полученной информации в прагматических целях; по специфике лингвокультурного компонента — текст и тест соответствуют требованиям ТРКИ-2.

Попытаемся описать данный тест и процедуру его выполнения в терминах, принятых в современной тестологии[4].

1. Это *нестандартизированный* тест, так как он не прошел апробацию на необходимом количестве испытуемых[5], хотя нормы, условия и инструкции для его многократного использования могут быть сформулированы. Более всего он подходит под определение *локально стандартизированного,* т. е. «менее строгого по показателям качества, чем стандартизированный тест, и апробированного на ограниченном контингенте испытуемых» [3: 43].

2. Это *обучающий* тест, т. е. он включает актуальный учебный материал, одновременно являясь и тестом-репетитором, и тестом-тренажером, и тестом-экзаменатором, поскольку контролирует материал пройденного цикла, которым в данном случае является урок.

3. *Цель* теста — *контроль уровня понимания содержания* звучащего текста, т. е. степени сформированности аудитивных (речевых) умений, к которым, вслед за Т. М. Балыхиной [Там же: 91–92], относим умения: определять тему, проблему; различать основную и второстепенную информацию; вычленять детализирующую, иллюстрирующую, аргументирующую, дублирующую информацию; устанавливать семантические отношения между частями текста. Что касается контроля языковых навыков, то в том виде, в котором он активнее всего используется в отечественной практике (множественный выбор), возможности контроля языка, как правило, ограничиваются лексическими навыками. Фактически для того чтобы сделать правильный выбор, студенты должны лишь знать лексику, использованную при составлении конкретных заданий. В рассматриваемом тесте эти возможности несколько расширяются за счёт последнего типа задания. Оно контролирует и грамматические навыки: нормы построения русского предложения, глагольного и именного управления и т. д. И, наконец, как показывает практика, далеко не всегда можно формализованными средствами проверить степень понимания подтекста, как это утверждает Т. М. Балыхина. Такой подход как раз и демонстрирует издержки неточного разведения двух уровней семантики текста: содержания и смысла. Смысл часто «живёт» в подтексте, его поиски выводят работу мысли за рамки текста, требуют интерпретации, активной рефлексии и, следовательно, свободного высказывания. Таким образом, вопрос о проверке интерпретативных умений как цели теста по аудированию считаем дискуссионным.

4. Это *комбинированный закрытый* тест: в нём используются разные типы заданий, правильное выполнение которых предполагает единственно верный ответ.

5. Это *групповой* тест, так как его одновременно выполняют все студенты учебной группы.

6. Материал предъявляется в *устно-письменной* форме (текст — звучит, тест — написан).

7. Форма выполнения — *работа с матрицей.*

8. *Время* выполнения — *10 минут* (примерно по 30 секунд на каждый из 18 пунктов). Такой регламент установлен опытным путем.

9. Рекомендуемое *количество предъявлений* в ходе урока — 2, хотя оно может быть увеличено по усмотрению преподавателя в зависимости от аудиторной ситуации.

10. Во время контрольного прослушивания испытуемые *не располагают материалом теста,* поскольку зрительная опора на тест (печатную форму заданий) нарушает целостность процесса аудирования. Тест выдается испытуемым сразу после завершения прослушивания. Следует особо оговорить недопустимость вклинивания каких бы то ни было дополнительных упражнений, комментариев или заданий между прослушиванием и началом работы с тестом, так как это рассеивает внимание обучаемых и затрудняет работу оперативной памяти.

11. Тест выполняется примерно за 20–25 минут до конца урока (выполнение; озвучивание правильных ответов и самопроверка, краткое обсуждение проблемы текста).

12. *Ключ* озвучивает преподаватель сразу после выполнения теста. *Проверку* осуществляют *сами* учащиеся (возможны варианты). Испытуемые знакомы с системой оценивания теста: удовлетворительным считается результат с минимумом 12 правильных ответов. Неудовлетворительным считается выполнение теста, если 6 ошибок допущено в одном блоке теста. Ошибки обязательно комментируются преподавателем.

13. Преподаватель анализирует выполненные испытуемыми тесты с целью *совершенствования* процедуры текущего контроля и коррекции учебного процесса.

Практика показала, что студенты, обучаемые по модели с использованием оперативного тестового контроля, уверенно себя чувствуют при прохождении сертификационного тестирования, результаты которого, согласимся с коллегами, «несомненно, зависят от **готовности испытуемых, привычности и искушенности в выполнении теста**. Понятно, что человек, имеющий опыт в выполнении тестов, обладает преимуществом перед теми, кто впервые участвует в тестировании. Отчасти эти преимущества складываются из преодоленного чувства неизвестности, развившейся уверенности в себе, в своих возможностях» [4: 22].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «...традиционные тесты по английскому языку не измеряют способности эффективно общаться»; «традиционные измерения навыка чтения не в состоянии оценить стратегии работы с текстом» [8: 21].

[2] Формулировки всех трех типов заданий приводятся в исправленном виде в сравнении с теми, что использовались нами ранее в пособиях, публикуемых в течение последних семи лет.

[3] Пример взят из: *Гончар И. А.* 45 «АУ». Что у русских на слуху...: Пос. по аудированию для иностранных студентов филол. профиля. Книга для преподавателя. СПб., 2010. С. 12–15. — Цитата приводится с исправлениями.

[4] Параметры спецификации теста взяты из Словаря терминов и понятий тестологии Т. М. Балыхиной.

[5] В личном архиве автора (2007–2011) имеется примерно 1000 тестов, выполненных не менее чем 200 испытуемыми. Реальное же количество студентов, прошедших через данного типа тест, подсчитать затруднительно: опубликованные учебные материалы, включающие тест (порядка 100), имеют широкое хождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверьянова Г. Н., Ерофеева И. Н., Иванова Т. А.* и др. Лингводидактическое тестирование: пособие для преподавателей русского языка в Латвии. СПб., 2003.

2. *Афанасьева Н. А., Бойцов И. А., Бойцова М. А.* и др. Русское слово: Учебн. комплекс по русскому языку для иностранцев. Элементарный уровень. Книга для студента / Под ред. Е. Е. Юркова, Л. В. Московкина. М., 2006.

3. *Балыхина Т. М.* Словарь терминов и понятий тестологии. М., 2000.

4. *Балыхина Т. М., Нетёсина М. С.* Тестирование звучащей речи: лингвопрагматические и управленческие аспекты // Мир русского слова и русское слово в мире: Матер. XI Конгр. МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сент. 2007 г. Т. 6 (2). Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного). С. 21–28.

5. *Гончар И. А.* Модель обучения аудированию иноязычного текста // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 86–92.

6. *Миллер Л. В., Политова Л. В.* Жили-были... 12 уроков русского языка. Базовый уровень: Рабочая тетрадь. СПб., 2007.

7. *Одинцова И. В.* Что вы сказали? Книга по развитию навыков аудирования и устной речи для изучающих русский язык. — СПб., 2000.

8. *Равен Дж.* Педагогическое тестирование: Проблемы, заблуждения, перспективы / Пер. с англ. М., 1999.

9. *Рогова К. А., Вознесенская И. М., Гончар И. А. и др.* Художественный текст в аспекте преподавания русского языка как иностранного. // Русское слово в мировой культуре. Матер. X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докл. В 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 398–404.

10. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Аверьянова Г. Н. и др. М.; СПб., 1999.

11. *Федотова Н. Л.* Фонетическое тестирование: проблемы и перспективы (в аспекте преподавания русского языка как иностранного). СПб., 2002.

[хроника]

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ «РУСИСТЫ РОССИИ — РУСИСТАМ СНГ»

Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы провела 16–28 ноября 2011 года мероприятия научно-выездной сессии «Русисты России — русистам СНГ» в Республиках Казахстан (г. Астана, 17–19 ноября), Узбекистан (г. Ташкент, 20–24 ноября) и Туркменистан (г. Ашхабад, 24–28 ноября). Мероприятия проводились по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 гг.

Мероприятия сессии были направлены на изучение профессиональных потребностей преподавателей русского языка вузов стран Содружества Независимых Государств, повышение их научно-методической квалификации, внедрение новых форм обучения и контроля, обмен научными достижениями и практическим опытом. Одной из задач сессии был сбор и анализ более детальной информации о реальном положении и перспективах продвижения русского языка на постсоветском пространстве.

Организаторы выездной сессии провели в Казахстане, Узбекистане и Туркмении научно-практические семинары, посвященные актуальным проблемам лингвистики, лингвострановедения и лингвокультурологии, литературоведения, методики преподавания, мастер-классы, круглые столы по актуальным вопросам преподавания и изучения русского языка и литературы в странах СНГ. В каждой из стран были организованы выставки новинок научной, учебной и методической литературы. Площадками для проведения этих мероприятий стали Российские центры науки и культуры в Астане (Казахстан), Ташкенте (Узбекистан) и Ашхабаде (Туркмения).

В мероприятиях сессии, кроме членов российской делегации, приняли активное участие преподаватели русского языка и литературы вузов, школьные учителя, представители органов образования, деятели культуры стран СНГ, сотрудники дипломатических представительств Российской Федерации и Российских центров науки и культуры в Астане, Ташкенте и Ашхабаде.

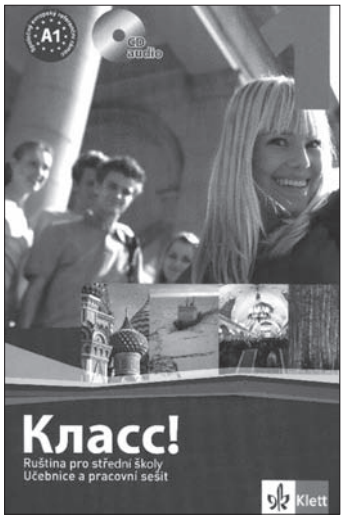
Преподаватели русского языка и литературы, лингвисты, литературоведы, специалисты в области методики преподавания из стран СНГ познакомились с последними научными достижениями в области русистики, обменялись опытом преподавания русского языка и литературы, обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества. Были проведены совещания между представителями Российского общества преподавателей русского языка и литературы и национальных ассоциаций русистов стран СНГ, посвященные выработке новых форм сотрудничества в рамках деятельности Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Проект «Научно-практическая выездная сессия „Русисты России — русистам СНГ“», предполагающий оказание ведущими русистами России научно-методической помощи преподавателям русского языка стран СНГ, будет способствовать дальнейшей популяризации русского языка в странах СНГ, расширению и укреплению пространства русского языка и культуры, оказанию содействия в изучении и распространении русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента межнационального общения на пространстве СНГ, обновлению методической и методологической базы преподавания русского языка и стимулированию использования инновационных форм изучения и преподавания русского языка как иностранного. Одним из важнейших результатов выездной сессии является повышение степени консолидации русистов и расширение сотрудничества между национальными ассоциациями русистов стран СНГ, поддержка общественных организаций, чья деятельность связана с русским языком, литературой и культурой России.

РУССКИЙ ЯЗЫК ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЧЕШСКИЕ ШКОЛЫ

(*Орлова Н., Вагнерова М., Кожушкова М.* «Класс!»: Учебник русского языка для средних школ. Прага: Издательство «Klett», 2010)

После «бархатной революции» (ноябрь–декабрь 1989 года) обязательное изучение русского языка в основных и средних школах Чехии было отменено. Большинство учеников выбирали другой иностранный язык. Постепенно русский язык практически исчез из чешских школ.



В настоящее время ситуации кардинально меняется, количество изучающих русский язык, увеличилось почти в 5 раз и продолжает увеличиваться. Кроме государственных языковых школ, число которых сокращается (как и число учащихся в них), курсы русского языка открывают многие частные языковые школы.

Интересно отметить, что в настоящее время мотивацией для выбора русского языка как одного из иностранных являются не всегда типичные для современной молодежи прагматические причины. По словам преподавателей, имеющих «дореволюционный» опыт работы, учащихся привлекает красота русского языка, интерес к истории России, Украины, Подкарпатской Руси и всего региона, к истории отношений наших стран в разные исторические периоды, чего никогда не отмечалось в то время, когда его изучение было обязательным (Л. Йирова, преподаватель Коммерческого училища в Чешских Будейовицах).

По состоянию на 30 сентября 2010 года в начальных школах Чехии русский язык изучают 24 955 школьников (из них в качестве обязательного выбираемого предмета — 18 090). Русский язык занимает третье место после английского и немецкого. В средних школах и гимназиях русский язык изучает 29 181 человек (четвертое место после английского, немецкого и французского языков). Количество уроков в неделю варьируется от 2 до 3, количество лет (в зависимости от школы) — от 4 до 6.

Таким образом, судьба русского языка в Чехии внушает определенный оптимизм.

Но новое время требует новых подходов, новых учителей и новых учебников.

Одним из таких учебников, на наш взгляд, и, по мнению большого количества учителей русского языка, можно считать недавно вышедший и уже вызвавший интерес и немало положительных откликов учебник «Класс!».

Адресатом этого учебника являются учащиеся старших классов гимназий, начинающие изучать русский язык. «В связи с тем, что личностно-ориентированный подход, положенный в основу УМК „Класс!“, предполагает учет индивидуальных особенностей обучаемых, при работе над учебником авторы учитывали не только возрастные особенности учащихся данной группы, но и особенности родного языка обучаемых. Как следствие, логика введения лексико-грамматического и фонетического материалов опирается на явления, сходные в чешском и русском языках. Соответственно, языковой материал, отсутствующий в родном языке учащихся, подвергается более интенсивной отработке во избежание межъязыковой интерференции, которая является одним из источников ошибок в речи учащихся»[1].

Этот компактный и удобный в использовании комплекс состоит из трех частей (третья часть в печати), каждая из которых представляет собой учебник и рабочую тетрадь, объединенных под одной обложкой, а также приложение на 2 CD (в общей сложности 6 CD). Книга для учителей также представлена на CD.

Каждая часть включает в себя по 9 уроков, представляющих разнообразные типы работы над одной из актуальных в сфере ежедневного общения тем.

В оглавлении формулируется содержание, цели и задачи, навыки и умения, лексическое и грамматическое наполнение каждого урока. Так, на материале четвертого урока, который называется «Понедельник — день тяжелый», студенты учатся говорить о расписании уроков, о школе, школьных предметах, высказывать интерес к определенной проблеме, их словарный запас пополняется названиями дней недели, числительными от нуля до двадцати, изучается и тренируется употребление конструкций « у меня, у тебя … есть». Фонетическим заданием этого урока является произношение звуков «ч, щ, р’, л’» и слов типа « сегодня».

Каждый урок заканчивается интересной информацией под рубрикой «Знаете ли вы, что…». Особый интерес вызывает творческое задание под рубрикой «Проект!», которое стимулирует учащихся к самостоятельному поиску в Интернете ответов на поставленные вопросы, например, в четвертом уроке они связаны с выяснением различий в российской и чешской системах образования.

Пятый, девятый, четырнадцатый и восемнадцатый уроки называются «Повторение — мать учения» и содержат материал для закрепления пройденного.

В конце рабочей тетради после компактного итогового обзора грамматики расположен поурочный словник с грамматическими пометами, спряжением нерегулярных глаголов и некоторыми наиболее частотными выражениями.

Объединяющим психосоциальным моментом содержания можно считать компанию главных героев — петербургских старшеклассников, в жизни и интересах которых принимают участие те, кто начинает работать по этому учебнику. Удачным решением следует признать введение в компанию главных героев чешской девушки Вероники, приехавшей с родителями в Санкт-Петербург и начинающей учебу в русской школе. Такое решение дало автором возможность естественным образом отразить некоторые проблемы социокультурного характера, выявить различия в русском и чешском менталитете. Вообще, естественность — одна из основных черт этого учебника. Он построен на естественных ситуациях, в которых живет современный школьник, в его содержании и заданиях отражается психология «новых детей», живущих более динамичной жизнью, имеющих возможность получать информацию из самых разных источников, стремящихся к разнообразию представления этой информации.

Отдельной оценки заслуживает оформление учебника. Он чрезвычайно красочный, наполненный фотографиями и рисунками, иногда создается впечатление, что перед вами анимационный фильм, живой и динамичный. Этот тот редкий случай, когда графика активно работает на коммуникативность.

Появление учебников, подобных «Классу!», вселяет надежду на то, что русский язык в XXI веке вернет свои позиции в чешских школах на новом уровне.

Хочется поблагодарить коллег Марту Вагнерову, Наталию Орлову и Ленку Йирову за предоставленные материалы и отзывы.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Orlova N., Stejskalová J.* Класс 1! (2010) Metodická příručka pro učitele na CD.

Т. Е. Милевская, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

Гусейнов Г. Закатальские этюды. СПб.: «Златоуст», 2011.

Название книги вполне адекватно содержанию. Ровно 200 одностраничных этюдов сливаются в мозаичное панно, на котором наиболее четко проступают в конечном счете портрет автора и во многом узнаваемый еще по литературной классике портрет Кавказа. Автор — он же и главный герой — во многом похож на лесковского очарованного странника: преобладает в нем восторженное восприятие мира и человека. Он скромен, добр, терпим, довольно сентиментален, рефлексивен и по-восточному мудр. Обнаруживая широкую эрудицию и хорошо развитую ассоциативность мышления, обожает глубокое и меткое слово — фольклорное, литературное, эстрадно-песенное и т. д., да и сам в этом деле, как говорится, не промах. Каждый этюд венчается афористически краткой цитатой или собственной формулой-выводом. Иногда, правда, кажется, что для автора сам этюд вторичен по отношению к выводу. При всем этом следует отметить глубоко уважительное отношение автора к русской и советской литературе: строки Пушкина, Лермонтова, Гамзатова и многих других классиков не сходят с пера и всегда кстати. Пронзительны по чувству этюды о Марине Цветаевой.

В части замысла и формы книга, образно говоря, без претензий. В моем восприятии тон и стиль ее близки к арифметически среднему между «потоком сознания», «Героем нашего времени» и телевизионными «Не -Путевыми заметками» Дмитрия Крылова. Характерна в этом смысле судьбоносно-начальная история книги: автор собрался в Баку, но — из-за снегопада «дороги нет», и автор от нечего делать решает «написать что-то необычное» и вместе с тем давно задуманное и предназначенное «удивить ну хотя бы одного-двух закатальцев». Как ни странно может кому-либо показаться, такой зачин вполне располагает читателя. Автор же, недолго думая, в качестве натуры для первого этюда берет тот самый снегопад и стимулируемый им лай дворовой собаки. Лиха беда начало!..

В содержании доминируют категории созерцания внешнего мира и духовно-нравственного мира автора, национального характера, воплощенного в горских архетипах мужчины, женщины, ребенка, друга, мудрого старца, народного героя (Шамиль и Хаджи Мурад). В книге масса тонких наблюдений и замечаний относительно культуры, истории, быта и мировоззрения многоплеменного населения Кавказа. Блестками по тексту — темы вечного мира, интернационализма, ностальгия по СССР, трагедия малых народов на постперестроечном пространстве. Характерны камерность и сдержанность тона в этих вопросах, что, в общем-то, можно понять.

В целом книга художественно состоятельна и социально актуальна. Она может представить определенный интерес и для специалистов от социогуманитарнных наук, и для политиков, и для бизнесменов от туризма.

Думается, что при втором издании книгу могли бы улучшить географическая карта закатальских маршрутов и авторская справка (биография, профессия и т. д.). В части содержательной излишне однообразны форма и тематика этюдов, что при их многочисленности существенно утомляет читательское внимание уже к середине книги. Здесь тоже есть резерв для совершенствования.

В. Н. Панибратов, д-р филос. наук,
проф. каф. философии
ф-та философии человека РГПУ им. А. И. Герцена

Романова А. Холст, масло. СПб.: Геликон Плюс, 2011.

Советуем прочитать «Холст, масло» — роман Александры Романовой, молодой писательницы, художницы, нашей коллеги — кандидата искусствоведческих наук, преподавателя Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица. На фоне современных текстов, молодые герои которых, с одной стороны, глубоко озабочены своей карьерой (принадлежа, по остроумному замечанию З. Прилепина, к поколению БМП — «без меня поделили»), с другой, — достаточно поверхностно — сложностями нашей социальной жизни, «Холст, масло» раздвигает эти границы, восстанавливая в правах призыв А. П. Чехова: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её нужно бодро, осмысленно, красиво».

Мы встретились с Александрой Валерьевной, и вот что она рассказала:

— Про себя говорить всегда сложнее всего, а про свое творчество практически невозможно, потому как все системы анализа, все подсказки, шпаргалки и схемы не действуют. После того, как работа над текстом была полностью завершена, редактор внес свои изменения, корректор расставил все пропущенные запятые и забытые буквы, я взяла «Холст, масло» и прочла так, словно бы автором был кто-то другой. Мне хотелось понять, что же я сделала на самом деле.

Выяснилось, что в книге есть три слоя, каждый из которых имеет полную композиционную структуру с завязкой, развитием, кульминацией и прочими необходимыми стадиями. И каждый этот слой, или тема, формировался особым способом, становясь частью творческого метода помимо моей воли.

Главная и самая насыщенная событиями, красками и приключениями тема — это путешествие героини по Франции, ее знакомства с иммигрантами и создание галереи портретов. Эта история появилась спонтанно, когда моя подруга однажды обронила фразу, что жила летом в Ницце и писала портреты русских иммигрантов. Более ничего, но моя фантазия уже летела, опережая руки, и, лишь набросав структуру из десяти вымышленных имен, я начала текст.

Почему Франция? Наверное, у меня есть не открытый пока учеными ген влюбленности в эту страну, ее язык, искусство, кухню, стиль, во все, что с ней связано, даже закрывая глаза на позорные картины кровавых казней и бесконечных революций. Из всех европейских языков именно французский выучился с легкостью, в отличие от остальных четырех, что я втирала в мозг постоянной мучительной зубрежкой.

Люди, встреченные героиней во время ее живописного приключения, — это одновременно и памятники эпохи, и разные психологические типы, и символы порой диаметрально противоположных жизненных позиций. Их не связывает между собой ничего, кроме единственного биографического факта: однажды они перестали быть гражданами России и стали подданными Франции.

Тема иммиграции, сквозящая во всех разговорах моего детства, так или иначе тревожила сознание, и я, найдя для себя точный ответ на вопрос «Почему я остаюсь», не изменяю однажды принятому решению, хотя и не считаю его догмой. Именно из этого корня выросла вторая основная тема книги. Можно назвать ее патриотической, несмотря на истерзанность этого понятия и его практически полную смысловую обнуленность в современном языке. Тема любви к Родине прозвучала столь сильно, наверное, потому, что в ней не оказалось пафоса. Историческая мистификация, связанная с изучением тракта эпохи Возрождения, была сделана для того, чтобы задать несколько возможных линий развития всемирной истории, ее бесконечную вариабельность и неумолимость случая. Героиня критична, она не закрывает глаза, она умеет видеть и понимать, но при этом ей важно то, что стоит за такими понятиями, как государство, власть, история, она словно бы нащупывает почву, на которой можно будет построить собственную жизнь.

И здесь набирает силу третья тема — тема лирической героини, сотворения личности, появления и развития художника. Для меня вопрос формирования творца всегда стоял особенно остро, и каждая биография художника, прочитанная в детстве, становилась не ответом а очередным вопросом. Как появляется художник? Когда он начинает чувствовать себя вправе сказать миру нечто важное?

Эта линия выведена в сны, в отдельные миры, где конкретика и детали воспоминаний растворяются в поэзии образа. От одного сна к другому меняется и язык: синтаксис все усложняется, речь становится красочнее и богаче, словно бы героиня выныривает на поверхность со дна глубокого океана, и чем она ближе к поверхности, тем больше солнца и разноцветных рыбок, тем яснее путь, еще такой туманный в самом начале.

Три темы переплетаются и вьются из начала в конец романа, написанного от первого лица. Мне не удалось уйти от субъективного взгляда, и мнение автора порой сложно отделимо от мнения героини. Осознавая опасность подобной конструкции, я постаралась задать тон самоиронии, которая дает возможность отстраниться от переживаний героини и посмотреть чуть сверху, дав больше воздуха.

КРАСНОЯРСКАЯ ЯРМАРКА КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

2–6 ноября 2011 года фондом Михаила Прохорова была организована и проведена V Красноярская ярмарка книжной культуры. Подробный отчет о том, что показалось нам интересным в рамках этого события, читайте в следующем номере нашего журнала. Здесь же мы представляем несколько новинок, привлекших внимание участников и посетителей ярмарки.

***Новиков Вл.* Словарь модных слов. Языковая картина современности. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. — 256 с. — (Словари для интеллектуальных гурманов).**

Эту книгу никак не назовёшь словарём в традиционном смысле: здесь нет чётких критериев отбора материала, нет и единой модели словарной статьи — здесь всё очень субъективно, но от этого не менее интересно. «Словарь модных слов» включает в себя организованные в алфавитном порядке небольшие заметки о некоторых хороших или плохих словах, о каждом из которых, как утверждает лексикограф, можно сказать, что «оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, то и дело доносится из радиоприёмника или телевизора», но главное — «в них отражаются колоритные особенности нашей жизни». Всего в книге 136 «портретов» модных слов, и они в совокупности дают некоторое представление о современной русской языковой картине. При необходимости из авторских комментариев можно извлечь немало полезной информации. Но стиль Вл. Новикова таков, что его словарь можно читать и как просто занимательную и познавательную книгу. Думается, что знакомство со «Словарём модных слов» поможет читателям осознанно включать или не включать модные слова в свою речь, но главное — избегать злоупотребления ими. Особая же ценность этого труда состоит в том, что автор привлекает внимание исследователей и любителей русского языка к фактору языковой моды, который, на наш взгляд, недооценивается лингвистами и педагогами: в лексикологии нет термина «модное слово», такую помету вряд ли когда-то согласятся использовать составители классических словарей, ведь мода быстро проходит, и модное слово либо лишается своего модного статуса, становясь обычным, либо уходит на периферию языка,

а то и вовсе исчезает. Модное в языке остается не отмеченным, не оцененным, не прокомментированным. Между тем мы убеждены, что невозможно эффективно ни обучать современной русской речи, ни развивать языковую способность, ни корректировать языковой вкус как наших сограждан, так и иностранцев, изучающих русский язык, если профессионалы игнорируют фактор языковой моды.

Текст: теоретические основания и принципы анализа: учебно-научное издание / Под ред. проф. К. А. Роговой. — СПб.: Златоуст, 2011. — 464 с.

Данное пособие является учебно-научным изданием, поскольку, с одной стороны, в нём обобщаются и получают дальнейшую разработку серьёзные теоретические положения, касающиеся как смысловой, так и структурной организации текста, представленные на базе семи основных текстовых категорий: интенциональности, цельности, связности, информативности, воспринимаемости, ситуативности, интертекстуальности, интерпретированных авторами в связи с моделью коммуникативного акта и с учётом особенностей основных функциональных стилей; с другой стороны, работа и с теоретическим, и практическим материалом в книге дана в диалогизированной форме, где авторское изложение перемежается вопросами и заданиями, адресованными читателю, что облегчает восприятие информации пользователем и обеспечивает для него возможность не только и не столько просто приобщиться к выводам, предлагаемым в этом коллективном труде, сколько вместе с авторами пройти весь путь осмысления важнейших и интереснейших проблем организации такой сложной единицы речи, как текст, с тем, чтобы умело использовать приобретённые знания как в учебных или исследовательских целях, так и в процессе реального общения на русском языке.

Пособие состоит из двух частей — теоретической и практической, каждой текстовой категории отводится по отдельной главе в обеих частях книги. Введение ко всему пособию и предисловие ко второй главе подготавливают читателя к восприятию основного материала. Практическая часть не только включает аутентичные тексты разных функциональных стилей, выступающие образцами современной русской речи, которые предлагаются для наблюдения за воплощением той или иной текстовой категории, но и предполагает выполнение творческих заданий. Учебный характер пособия проявляется и в том, что в конце каждой из глав практического раздела представлены возможные ответы на вопросы и пояснения к заданиям, которыми авторы направляли движение мысли своего читателя при анализе особенностей реализации определённой текстовой категории в текстах каждого из функциональных стилей.

Книга может служить хорошим пособием для курсов теории текста, стилистики, культуры речи; её использование будет уместно в обучении журналистскому мастерству. Книга поможет и школьным учителям осознать особенности структурно-смысловой организации текстов, что позволит найти более эффективные пути формирования у учащихся умений смыслового восприятия речи и повышения их уровня владения продуктивными видами речевой деятельности. Книга, вне всякого сомнения, окажется полезной и для преподавателей русского языка как иностранного, которым она поможет сформулировать, например, основания для создания с учётом текстовых категорий типологии текстов и заданий для разных этапов обучения языку.

Уважаемые филологи-русисты! Эта книга для каждого из вас.

***Григоренко А.* Мэбэт (История человека тайги). — М.: ArsisBooks, 2011.**

Фабула романа — история жизни Мэбэта, любимца богов, каковым его считают все жители тайги и в чём нисколько не сомневается он сам до того момента, когда, получив от вестника смерти уведомление о своей близкой кончине, он пускается в фантастическое путешествие в обитель Матери Земли, где узнаёт, что он прожил не свою жизнь, а прошёл по земному пути как любимая игрушка в забавах богов. Отправиться к богам с просьбой продлить его дни до того времени, пока внук не повзрослеет («не сделает семи шагов своего отца»), Мэбэта заставляет невыносимая мысль о том, что с его исчезновением из «среднего мира» семья останется без мужчин и будет лёгкой добычей для порабощения соседями, жаждущими мести за его прижизненное пренебрежение людскими законами. Мать Земли готова дать ему шанс отсрочить смерть на 11 лет, но для этого ему «предстоит пройти одиннадцать пространств, которые есть граница между миром людей и миром богов. Их на-

зывают чумами искупления. Там обитают дела людей, злые и добрые, за которые человек не успел получить воздаяния, пока дышал и ходил по земле». И читателю дано пронаблюдать пробуждение человека в человеке, всю свою жизнь презиравшего человеческое, и вместе с Мэбэтом понять, что человека по-настоящему сильным делает не физическая сила, а способность к покаянию и искуплению своей вины, способность к милости. Удачливость сильного — лишь игра богов, людское же превосходство — в человечности.

Роман написан таким намеренно остранённым экзотизмами языком, который должен убедить читателя, что перед ним — подлинное таёжное сказание, плод сознания, не тронутого цивилизацией. Тем больший воздействующий эффект оказывают на нас рассыпанные по тексту философские размышления, обличённые в вопросы или в формы, близкие к афоризмам: «Страшно быть человеком?», «Все люди добрые, только у них не всегда получается… добрыми быть: вечно какая-нибудь пакость подвернётся», «Есть смерть — и это придумано не людьми. Но право на жизнь достается тому, кому оно по силам. И размышления о смерти — пустая трата времени и сил. Пока жив человек — смерти нет: смерть придёт — человека нет». При знакомстве с романом в голове читателя проходит целый парад аллюзий: история человека тайги строка за строкой отсылает нас к истории и культуре «белого человека». Ну, а два эпизода, проясняющие происхождение Мэбэта, — в начале: «Ходил слух, что мать Мэбэта обольстил кто-то из богов или духов» и в конце романа: «— Мэбэт, — прозвучало в небе. <…> — Иди и возвести <…> Страдание замыкает человека в пещеру и приваливает камень у входа. Будет человек биться о камень — и не сможет выйти. Но та рука, что освободит его и отвалит камень, зовется милостью. О милости возвести, милостью жив человек. <…> Иди… Бедный мой сын, мой покинутый сын» — эти два эпизода превращают текст в своеобразное Евангелие Тайги.

Словом, необычный, многослойный и насыщенный мыслями роман о таёжном сверхчеловеке Мэбэте — прекрасная возможность для читающей публики открыть для себя творчество талантливого и самобытного красноярского писателя Александра Григоренко.

Настольная игра «Сибирика»

Заметили ли вы, что настольные игры возвращаются в нашу жизнь? И это, вероятно, не случайно, ведь вытеснившие их в своё время компьютерные игры не предполагают настоящего общения между игроками в процессе игры. И вот на волне ностальгии по некогда популярному виду коллективного развлечения, позволяющему в приятной компании скоротать вечерок за увлекательным занятием, соединив шанс на победу с наслаждением от живого обмена репликами с близкими людьми, настольные игры вновь входят в моду. Так что Красноярское творческое объединение «Твори-Гора» очень вовремя предложило оригинальную настольную семейную игру «Сибирика», созданную группой студентов и школьников на основе рассказов Виктора Петровича Астафьева. На красочном игровом поле нарисовано родное село писателя Овсянка с его домиками, коровами, рекой, тайгой. Игроки (а их может быть до десяти человек по числу фишек в комплекте игры) — либо жители села (например, рыбак, пастушка, учительница), либо гости из города, но у каждого из них много дел, и какие именно дела на сегодня им следует выполнить, определяют карточки с заданиями, которые игроки вытягивают наудачу в начале игры. Кто первый выполнит все задания, тот и победитель. Интересно, что среди этих дел немало разговоров, что заставляет игроков вместе обсуждать проблемы игровой, разумеется, реальности, но в то же время и имеющие отношение к настоящей действительности. А значит, «Сибирика» дарит детям не только радость игры, не только общение с близкими людьми, но и учит тому, что пригодится в жизни.

О. В. Хорохордина

ТРАДИЦИОННАЯ НАУЧНАЯ ВСТРЕЧА РУСИСТОВ ЧЕТЫРЕХ СТРАН

(Санкт-Петербург, 29 сентября — 1 октября 2011 года)

Научно-практическая конференция «Русистика и современность» в 14-й раз проведена в Санкт-Петербурге на базе РГПУ им. А. И. Герцена. Она была учреждена под эгидой МАПРЯЛ и ЮНЕСКО, при участии кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия), кафедры русской филологии Жешувского университета (Польша), кафедры русского языка и кафедры мировой литературы Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина), Международной ассоциация преподавателей русского языка и литературы Балтийской международной академии (Латвия). Конференция уникальна тем, что каждый год она проходит по очереди в разных

странах на базе университетов — учредителей этой конференции. В 2011 году в пятый раз гостей принимал Санкт-Петербург, кафедра межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена (зав. каф. д-р филол. наук, проф. И. П. Лысакова).

На этот раз конференция собрала рекордное количество участников из России, Ближнего и Дальнего Зарубежья: всего в оргкомитет конференции поступило свыше двухсот заявок от учёных, желающих принять в ней участие.

Конференция стала поводом для очередной встречи постоянных её участников, среди которых такие известные учёные, как И. Г. Милославский, И. П. Лысакова, Н. А. Любимова, Г. М. Васильева, Е. С. Роговер, С. С. Хромов, Е. А. Хамраева, С. Н. Цейтлин, В. М. Шаклеин, Н. Л. Шубина и др. Большой интерес конференция «Русистика и современность» традиционно вызывает и у молодых учёных — аспирантов, и только начинающих свою профессиональную и научную деятельность преподавателей. Не случайно одна из секций конференции была названа «Будущее науки XXI века», которая состояла из докладов аспирантов и магистрантов разных стран. Это было особо отмечено в приветствии, с которым выступил на Пленарном заседании первый проректор РГПУ им. А. И. Герцена, д-р филол. наук проф. С. А. Гончаров.

Первый день работы конференции проходил в формате пленарного заседания, выступления на котором были посвящены, прежде всего, современным общеметодическим проблемам обучения русскому языку и литературе в современном поликультурном пространстве. Закончился первый день работы конференции мастер-классом В. А. Ковач (Одесса) «Чуть выше обитания земного (Памяти Беллы Ахмадулиной)».

Второй день продемонстрировал широкий спектр проблем, интересующих современных учёных-русистов. Выступления шли одновременно в восьми секциях: «Лингвокультурологические проблемы изучения русского языка», «Межкультурная коммуникация», «Русская культура и литература в контексте современной Европы», «Перевод как средство межкультурной коммуникации», «Методика преподавания РКИ», «Преподавание РКН в поликультурной среде», «Новые учебные пособия и технологии в преподавании РКИ и РКН», «Будущее науки XXI века (секция молодых ученых)».

Все прослушанные на заседаниях доклады будут опубликованы в двух томах материалов XIV Международной научно-практической конференции «Русистика и современность».

На заключительном заседании участники конференции поблагодарили организаторов за возможность ежегодных встреч и обмена научно-практическими достижениями.

Ну и, конечно, третий день конференции был посвящён «культурной программе», которая привлекла большое количество участников конференции, так как была организована экскурсия в резиденцию семьи Николая I «Коттедж» в парке Александрия (Петергоф)

Следующая конференция «Русистика и современность — 15» пройдёт через год в Жешувском университете (Польша).

Т. Ю. Уша, доцент кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена

ЭСТАПРЯЛ И «РУССКИЙ МИР» В НАРВЕ ВНОСЯТ СВОЙ ВКЛАД В СОЗДАНИЕ ГОРОДСКИХ ТРАДИЦИЙ

24 мая 2011 года, в день славянской культуры и письменности, в праздник, приуроченный ко дню памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славянских, в самом крупном городе Северо-Востока Эстонии Нарве зародилась новая традиция: чествование учителей русского языка и литературы.

Родоначальниками ее стали Эстонская ассоциация учителей русского языка и литературы и класс «Русского мира», который начал свою работу в Нарве в феврале этого года. Главная задача класса — способствовать развитию русского языка, оказывать всяческую помощь учителям русского языка и литературы.

О том, что это будет за традиция, рассказала заведующая классом Русского мира Ольга Цветкова: «Ежегодно, начиная с этого года, в день славянской письменности мы будем проводить чествование учителей русского языка и литературы нашего города. Сейчас в школах Нарвы работает 40 русских филологов. Все они являются прекрасными профессионалами, стремятся к тому, чтобы наши ученики знали и любили родной язык, с удовольствием читали лучшие произведения классической литературы. Кроме того, они проводят внеклассную работу, организуют различные конкурсы, мероприятия. Делается большая, целенаправленная работа по зову сердца, по личной инициативе. Все это достойно признания. Мы решили, что день славянской культуры и письменности — это именно тот день, когда уместно будет сказать спасибо нашим учителям».

В церемонии чествования учителей приняли участие мэр города Тармо Таммисте, консул Генерального консульства России в Нарве Ольга Комарова, предсе-

датель Нарвского общества российских соотечественников Валерий Четвергов, настоятель Нарвского храма иконы Божией Матери о. Виталий (Гаврилов).

Каждый учитель получил в подарок прекрасные книги от фонда «Русский мир», благодарственное письмо, в котором были отмечены его профессиональные заслуги и сильные стороны. Руководители школьных методобъединений были отмечены благодарственными письмами Нарвской городской управы и Отдела культуры. Генеральное консульство также подарило школам замечательную методическую литературу. Пять педагогов, которые активно участвовали в конкурсах, организованных храмом Нарвской иконы Божией Матери, были отмечены приходскими грамотами.

По информации пресс-службы горуправы Нарвы

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «РУССКИЙ ЯЗЫК ВНЕ РОССИИ»

(г. Берн, Швейцария, 3 июня 2011 года)

Первый международный семинар «Русский язык вне России» прошел в здании Посольства Российской Федерации. Он был организован швейцарским Русским Детским Центром «Матрешка» при поддержке Россотрудничества и Посольства России в Швейцарии, Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, российского издательства «Златоуст». Одной из главных целей мероприятия было усилить взаимодействие между русистами: преподавателями русского языка, научными сотрудниками и студентами вузов, педагогами школ дополнительного образования и гимназий Швейцарии и остальной Европы, российскими издательствами и официальными организациями для осуществления в будущем совместных проектов, в частности, создания общего единого методического кабинета русского языка в Швейцарии. Первый шаг к созданию такого кабинета и был сделан на семинаре, заявил Европейский представитель фонда «Русский мир», протоиерей Антон Ильин. Также он подчеркнул, что фонд поддержит подобное начинание русистов Швейцарии, поможет с материалами и оснащением. Антон Ильин выразил убеждение, что во главе инициативы создания методического кабинета должен стать центр «Матрешка».

Второй целью мероприятия было собственно повышение квалификации русистов Швейцарии и Европы, и прежде всего учителей школ дополнительного образования и гимназий. «Главная трудность, с которой сталкивается каждый преподаватель русского языка вне России, связана с тем, как мотивировать учеников изучать этот трудный язык, особенно, если речь идет об обучении в школах дополнительного образования, где дети учатся в свое свободное время, тогда, когда все их ровесники отдыхают, — поделилась опытом директор РДЦ «Матрешка» и организатор семинара, Ольга Александрэ. — Наши лекторы красной нитью своих выступлений сделали именно проблему мотивации учителем учеников».

В рамках семинара мастер-классы для учителей провели ведущие специалисты в области русистики, авторы учебных и методических пособий по РКИ и «Русскому языку как второму родному». Среди выступавших были доцент кафедры ЮНЕСКО в Москве, Ольга Каленкова, доцент Хельсинского университета, Екатерина Протасова, а также другие специалисты. Также в рамках семинара издательство «Златоуст» познакомило участников с новинками учебной и методической литературы.

В заключении семинара собравшиеся обсудили еще один момент, волнующий прежде всего преподавателей русского языка как второго родного за границей: это проблема единой сертификации и единого способа оценки знаний по этому предмету у учеников, а также проблема выработки единой для Европы методической программы, по которой должны работать школы дополнительного образования. Также встал вопрос о сертификации самих школ и учебных заведений за границей, где русский преподается как второй родной язык. Участники семинара выразили уверенность, что для решения этих вопросов в ЕС должна быть создана экспертная комиссия. На следующей встрече участники решили вернуться к обсуждению вопроса создания подобной комиссии.

Всего в мероприятии приняли участие 45 специалистов из Швейцарии, России, Голландии, Финляндии, Италии, Германии, Австрии. В заключение всем присутствовавшим были выданы дипломы о прохождении курса повышения квалификации в области русистики и подарки: учебная литература, предоставленная Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга.

А. Сорвачева

Более подробно о семинаре можно будет узнать из фильма, который сейчас готовится к выпуску на швейцарском интернетканале Swiss-Russian TV. Анонс фильма — по ссылке: http://www.livestream.com/dannyros/video?clipId=pla_8fe2d98a-5bda-4fbf-9eee-e63756dc643c&utm_source=lslibrary&utm_medium=ui-thumb

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ПРОБЛЕМАМ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

(Санкт-Петербург, 15 июня 2011 года)

В рамках семинара по лингводидактическому тестированию в Институте русского языка и культуры Санкт-Петербургского государственного университета состоялся круглый стол, посвященный проблемам обучения профессиональной речи (языку специальности). Семинар был организован по инициативе научно-методического отдела ИРЯК. В нем приняло участие около 30 преподавателей из различных вузов России. Предварительно участникам семинара был разослан список вопросов, которые могли бы вызвать обмен мнениями. Вопросы касались этапов обучения, продолжительности, видов речевой деятельности, соотношения устной и письменной форм, учебных пособий и т. п. Для участия в работе Круглого стола была приглашена зав. кафедрой русского языка Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского Политехнического университета канд. филол. наук, доц. И. И. Баранова. Ведущий Круглого стола — ст. научный сотрудник научно-методического отдела ИРЯК канд. пед. наук, доц. А. С. Шатилов.

И. И. Баранова отметила, что, по ее мнению, формированию коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере не уделяется достаточного внимания. Обучение научному стилю зависит от уровня владения языком, и учебные пособия, разумеется, должны создаваться в рамках уровневого подхода. Коммуникативные потребности учащихся являются определяющим фактором при обучении. В Программах и требованиях описаны конечные требования, но в них нет указаний на то, когда нужно начинать обучение научному стилю. В Политехническом университете на этапе предвузовской подготовки занятия по научному стилю речи начинаются после достижения студентами базового уровня, т. е. во втором семестре. Но поскольку студенты нуждаются в лексико-грамматическом материале научного стиля на более ранних этапах, у нас созданы элементарные курсы по гуманитарно-экономическому и техническому профилю. Занятия по этим курсам начинаются уже с третьей недели обучения.

— Одной из важнейших задач, на мой взгляд, является создание тестовых материалов по учебно-профессиональной речи, поскольку тест первого уровня проверяет владение русским языком в социокультурной сфере.

Т. И. Белая, Тюменский ун-т. На сколько часов рассчитаны ваши элементарные курсы?

И. И. Баранова. Мы считаем, что соотношение научного стиля речи и языка общего владения — это 50 и 50%, т. е. из 16 часов русского языка во втором семестре 8 часов занимает обучение научному стилю. Общее количество составляет примерно 170 часов.

Г. И. Шатохина, учебный центр МИД Японии. На какие специальности рассчитаны ваши пособия? Есть ли пособия по международным отношениям? Социологии, политологии?

И. И. Баранова. Нет.

С. Н. Вакуров, Московский энергетический ин-т. Учитываете ли вы тот факт, что преподавателям русского языка приходится заниматься выравниванием уровня общей подготовки учащихся, поскольку системы образования в разных странах значительно отличаются друг от друга?

И. И. Баранова. Конечно, всегда возникает вопрос кто и чему должен учить. Мы считаем, что мы не должны заниматься выравниванием уровня подготовки, это задача преподавателей общеобразовательных дисциплин. Мы проводим межкафедральные семинары с участием преподавателей других дисциплин, на которых мы вырабатываем общие подходы к обучению и координируем планы.

И. М. Вознесенская, СПбГУ. Есть ли у вас опыт создания учебных пособий для иностранцев на основе учебников для русских студентов?

И. И. Баранова. Нет, поскольку у нас этап предвузовской подготовки, а вы имеете в виду уже первый курс вуза.

Н. П. Сидорина, Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Как вы контролируете уровень знаний по языку специальности?

И. И. Баранова. Студент может выбрать форму контроля — либо он сдает тест ТРКИ-1, либо он сдает экзамен по русскому языку. Наш экзамен включает проверку владения русским языком в учебно-профессиональной сфере — прослушивание лекции с последующей проверкой понимания в виде теста и чтение текста по специальности с последующей передачей содержания с опорой на вопросы. Если же студент выбирает тест ТРКИ-1, то уровень владения языком специальности не проверяется.

Т. И. Попова, СПбГУ. У меня есть дополнение к тому вопросу, который подняла Ирина Михайловна. Мне кажется, что надо создавать специальные учебные пособия для учащихся-иностранцев, а не упрощать или адаптировать учебники для русских студентов.

И. И. Баранова. У нас сейчас создаются компьютерные версии наших пособий, которые позволяют индивидуализировать процесс обучения.

И. И. Попова. Обучение у вас начинается с четвертой недели?

И. И. Баранова. С пятой.

И. И. Попова. Получается, что предметной компетенции они обучаются раньше, чем овладевают языковой.

И. И. Баранова. Существуют элементарные курсы, которые создаются преподавателями общеобразовательных дисциплин совместно с русистами.

Н. П. Сидорина. Какие еще специальности отражены в ваших пособиях?

И. И. Баранова. Экономическая география, литература, математика.

А. С. Шатилов, СПбГУ. Вопрос о соотношении языковой и предметной компетенции довольно сложный. Здесь есть два пути. Первый путь, когда сначала формируется языковая компетенции, а затем уже предметная. Второй путь — параллельное формирование. Вот те учебные пособия, которые были представлены, ориентируются на второй путь. Раннее введение элементов языка специальности способствует более быстрому вхождению в учебно-профессиональную сферу. Я поддерживаю идею о введении отдельных компонентов языка специальности в тесты элементарного уровня.

Далее я позволю себе более подробно остановиться на особенностях устной научной речи (УНР) и возможностях обучения ей в нефилологической аудитории. Среди характерных черт УНР можно выделить следующие: редукция гласных и сокращение групп согласных, интонация незаконченного высказывания на стыке предложений, перенос ударения на отрицательную частицу в глаголах, паузы после союзов и союзных слов, преобладание общенаучной лексики над терминологией, вставки, разрывы, повторы в синтаксических структурах, инверсия, вынесение на первое место субъекта в именительном падеже и дублирование его в предложении, большие по объему высказывания.

Для овладения научной речью целесообразно познакомить учащихся с основными типами научных текстов, показать особенности создания каждого из них, продемонстрировать способы выражения средств связи на формальном и логическом уровнях, формировать навык словообразовательного анализа лексических единиц. Особо следует обратить внимание на трансформации синтаксических структур, которые встречаются и в устной, и в письменной научной речи.

И. И. Баранова. Вы записывали лекции по гуманитарным дисциплинам или есть записи и других направлений?

А. С. Шатилов. В основном гуманитарные дисциплины — лингвистика, история, философия, международные отношения.

Т. И. Попова. Вы предлагаете задания на трансформацию устного текста, что подразумевает довольно высокий уровень владения языком. Когда вы предлагаете начинать такую работу — уже на первом уровне или позже?

А. С. Шатилов. Опыт работы в группах стажеров говорит о том, что ее можно начинать уже на первом сертификационном уровне.

И. И. Баранова. Учитываете ли вы при этом контингент обучаемых, поскольку, например, для китайских студентов изменение порядка слов приводит к изменению смысла высказывания?

А. С. Шатилов. Подобную работу мы проводим в группах стажеров из европейских стран. Для китайских учащихся, вероятно, следует либо упрощать, что уже теряет смысл, либо отодвигать на более поздний срок.

И. И. Баранова. Одно из требований современного процесса обучения — размещение текста лекций на сайтах вузов. Наличие таких текстов существенно облегчает процесс вхождения в профессиональную речь.

А. С. Шатилов. Согласен, но далеко не все преподаватели готовы поделиться своими разработками.

Вопрос из зала. Каков процент мужчин и женщин-лекторов в ваших записях?

А. С. Шатилов. Мы не анализировали тексты по этому критерию. На мой взгляд, гендерные характеристики никак не влияют на качество текста.

О. А. Муллинова, Кубанский государственный ун-т. Используете ли вы какие-нибудь программы для перевода устного текста в письменный или делаете это вручную?

А. С. Шатилов. Мы не ставили задачу перевода устных текстов в письменную форму. Мы берем только небольшие фрагменты для иллюстраций и упражнений.

Т. И. Попова. Связаны ли умения трансформации высказывания с умениями понимания текста? Проводили ли вы такие эксперименты на понимание?

А. С. Шатилов. Нет, таких экспериментов мы не ставили, но полагаю, что умения трансформации способствуют совершенствованию умений понимания, поскольку если учащийся в состоянии перевести инверсионную конструкцию в прямую, то можно говорить о том, что он понял исходную мысль.

На этом позвольте закончить и поблагодарить всех участников за терпение и активность, проявленную во время обсуждения.

Материал подготовил ст. научн. сотр. Научно-методического отдела ИРЯК филол. ф-та СПбГУ, доц., канд. пед. наук А. С. Шатилов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

(г. Тула, 5–6 декабря 2011 года)

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы обучения иностранных граждан в российском вузе: теория и практика» состоялась в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого. Конференция проходила под эгидой РОПРЯЛ по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 годы. Конференция привлекла более ста участников из России и стран ближнего и дальнего зарубежья: Украины, Беларуси, Таджикистана, Польши, Китая, Индии, США и других стран, где изучается русский язык.

Состоялись одно пленарное и четыре секционных заседания: «Иностранный/русский язык как средство межкультурной коммуникации», «Лингвометодические и кросс-культурные проблемы обучения иностранных граждан», «Лингвистический и функциональный аспекты языка», «Инновационные технологии в поликультурном образовательном пространстве». Объединил участников конференции итоговый круглый стол, где заинтересованно обсуждались проблемы и перспективы обучения иностранных граждан в российских вузах. Собравшиеся говорили о возможных путях совершенствования системы обучения иностранных граждан в России, о важности этого направления в сфере российского образования.

В рамках конференции проходил и фестиваль русской песни, организованный на международном факультете ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Участникам конференции была предложена интересная культурная программа.

Р. В. Лопухина

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПРОБЛЕМАТИКА БЫТОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

(г. Ставрополь, 6–7 декабря 2011 года)

Всероссийский научно-практический семинар по вопросам функционирования, проблематики и бытования русского языка и русской культуры на юге России проводился Российским обществом преподавателей русского языка и литературы на базе кафедры общего и славяно-русского языкознания факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета по заказу Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 годы.

Целью научно-практического семинара стало рассмотрение роли русского языка и русской культуры на юге России на современном этапе и в предшествующие столетия. Особое внимание уделялось анализу историко-культурного контекста в процессе становления и развития диалога языков и культур юга России и их взаимодействию. На семинаре состоялся обмен информацией и опытом в области разработки и применения наиболее эффективных методов и приемов преподавания русского языка как неродного, русской литературы и культуры в полиэтническом регионе юга России.

Задачами семинара стали: содействие успешному преподаванию русского языка как неродного, русской литературы и культуры в условиях полилингвального и поликонфессионального пространства юга России; изучение специфики интерференции русского языка, русской литературы, культуры и языков, литератур и культур иных этносов юга России; а также выявление характерных черт ономастикона юга России в условиях диалога и взаимодействия разных культур; определение современных черт и истории русской диалектологической карты юга России; изучение специфики языка региональных средств массовой информации юга России; выявление особенностей языка художественных произведений литературы юга России; знакомство участников с новинками учебно-методической и научной литературы как центральных, так и вузовских издательств.

Участники семинара совершили экскурсию по Лермонтовским местам городов Ставрополя и Пятигорска. В работе семинара приняли участие ученые из разных университетов, институтов юга России, учителя школ Ставропольского края, аспиранты, магистранты.

Научная значимость проведенного научно-практического семинара определяется тем, что его работа будет способствовать сохранению филологического и культурного наследия юга России, повышению уровня научных исследований в области методики преподавания русского языка как неродного, русской литературы и других дисциплин на неродном языке, а его результаты найдут отражение в практической работе вузовских преподавателей и учителей.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗЛАТОУСТА»: «ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В МЕТОДИКАХ РКИ»

В начале декабря Центр «Златоуст» провел научно-методическую конференцию «Традиционное и новаторское в методиках РКИ» сразу на 3 площадках, в 3 городах России: в Красноярске, в Твери и в Москве. Такое решение с выбором мест было продиктовано необходимостью более широкого охвата преподавателей местных вузов, а не только — в силу затратности командировок — отдельных представителей от вузов. Конференция проходила под эгидой РОПРЯЛ при финансовой поддержке ФЦП «Русский язык».

Решение развести заседания конференции на 3 города полностью себя оправдало. Так, на базе Сибирского федерального университета собралось около сорока преподавателей из ряда сибирских вузов: Сибирского федерального университета, Красноярского государственного педагогического университета, Новосибирского государственного технического университета, Алтайского государственного технического университета, Омского государственного педагогического университета, а также из образовательного центра «Click». Собрать такое количество русистов региона в Москве или Санкт-Петербурге было бы крайне затруднительно. Кроме того, приятно было видеть на стенде «Златоуста» заметное количество студентов-иностранцев, которые обучаются в вузах Красноярска.

Помимо презентации продукции издательства и демонстрации новинок, участникам была предложена обширная программа. Перед преподавателями выступили авторы учебных пособий по РКИ, которые издает «Златоуст». О. В. Хорохордина (двухтомник *«Окно в Россию»*, с аудиоприложением) посвятила свое выступление особенностям построения курса русского языка как иностранного на продвинутом этапе. О лингвометодических основах работы с текстами публицистического стиля речи рассказала Л. И. Москвитина на примере работы с аудиокурсом *«В мире новостей»*, автором которого она является. О секретах обучения аудированию на различных уровнях владения русским языком участникам семинара поведала А. В. Голубева, главный редактор издательства «Златоуст».

Также в рамках семинара прошла презентация коллективной учебно-научной монографии *«Текст: теоретические основания и принципы анализа»*, подготовленной группой исследователей СПбГУ под руководством проф. К. А. Роговой. Приятно, что высокую оценку книге дал во время презентации профессор СФУ А. П. Сковородников, коллеги из других вузов Сибири.

Заседание секции в Твери, проходившей в Тверском государственном университете, позволило охватить большую часть преподавателей-русистов всех вузов Твери, что дало им уникальную возможность напрямую пообщаться с авторами ряда новых, но уже популярных учебных пособий наших авторов из вузов Москвы и Петербурга.

А. П. Жорова (ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова) посвятила свой доклад «Системе ТРКИ и ее функционированию сегодня». Эта тема и ее проекция на нынешнюю ситуацию в вузовском преподавании РКИ вызвала особый интерес у всех участников, спровоцировала оживленную дискуссию. Проблему подготовки к тестовым экзаменам подхватила и заведующая кафедрой русского языка ИМОП СПбГТУ И. И. Баранова. Ее доклад был посвящен развитию речевой деятельности учащихся от уровня А1 до уровня В1. Кроме того, в своем выступлении докладчиком был дан некоторый дополнительный комментарий к работе по учебнику *«Живем и учимся в России»*.

О. В. Хорохордина (СПбГУ) рассказала о принципах отбора и анализа текстов для различного уровня владения. Г. М. Юдина (Центр Златоуст), поддержав эту тему с другой стороны, изложила концепцию формирования серии «Библиотека Златоуста» как системы градуированного чтения, коррелирующей с системой ТРКИ. Т. Н. Неганова сделала обзор новинок пособий по РКИ, вышедших в издательстве «Златоуст» за последние полтора года.

Особенно массовым, как по количеству участников (100 человек), так и по количеству докладчиков (10 докладов), оказалось пленарное заседание конференции в Москве, прошедшее в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Среди выступлений, вызвавших оживленный отклик у аудитории, были, прежде всего, доклады, связанные с системой тестирования. Н. П. Андрюшина (Центр международного образования МГУ им. М. В. Ломоносова) остановилась в своем выступлении на проблемах совершенствования российского тестирования по РКИ, а М. Э. Парецкая (Южный федеральный университет) посвятила свой доклад лингводидактическим особенностям комплекса пособий *«Учебно-тренировочные тесты»*.

Яркой отличительной чертой этого пленарного заседания стала презентация в авторском исполнении 8 учебников и учебных пособий, вышедших в свет за последние полтора года. Многие из них уже стали популярными и весьма востребованными в вузах России и за рубежом. Но авторские интерпретации по работе с материалом всегда полезны и вызвали большой отклик у аудитории. Так, например, интересную дискуссию вызвала презентация учебного пособия по грамматике «Русский язык. Основной курс», представленного Т. М. Балыхиной и И. С. Пугачевой (РУДН). Принципы отбора и анализа текстового материала для разных уровней РКИ были подробно освящены в докладе О. В. Хорохординой (СПбГУ). Многочисленные вопросы и интерес аудитории вызвало также выступление И. А. Гончар (СПбГУ), представившей новое пособие по аудированию для уровней А1–В1 и принципы работы с аутентичными текстами по аудированию на начальном этапе обучения. О. А. Ускова, и М. Н. Макова (МГУ им. М. В. Ломоносова) рассказали об особенностях организации обучения на уровне В2. Игровому принципу в обучении РКИ было посвящено выступление А. А. Харитонова. Два последних доклада также были проиллюстрированы совсем новыми пособиями выступающих. Большая часть докладов касалась презентации специализированных учебных пособий — изучению русского языка в определенных научных и социокультурных сферах. О комплексном обучении языку СМИ Л. И. Москвитина (СПбГУ) рассказала на примере своего учебного пособия «*В мире Новостей*». В издательстве «Златоуст» уже были выпущены несколько книг новой серии «Читаем тексты по специальности». В продолжение этой, уже ставшей востребованной и популярной, линейки рядом авторов были представлены и озвучены методические принципы работы с совсем новыми пособиями серии: О. С. Жаровой, Л. Н. Третьяковой (Тульский гос. университет, РУДН) «*Читаем тексты по специальности. Военная история*», Т. В. Васильевой (СТАНКИН) — «*Информатика*», Л. И. Судаковой, Т. В. Летяговой (Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева) «*Общая химия*».

В заключение главный редактор издательства «Златоуст» познакомила собравшихся с разрабатываемой новой издательской стратегией компании, обозначила лакуны, имеющиеся в палитре представленных на рынке пособий, призвала преподавателей-русистов к широкому взаимодействию в разработке именно таких материалов, в которых остро нуждаются в аудитории, в самостоятельной работе дома, материалов для дистанционного обучения.

Подводя итоги 20-летию деятельности Центра «Златоуст», авторам наиболее популярных работ, при единодушной поддержке участников конференции, были вручены благодарственные грамоты, с признанием их вклада в развитие современных методик РКИ.

XIV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ»

(Санкт-Петербург, 2–3 декабря 2011 года)

Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) провело на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена дополнительную сессию XIV Международной научной конференции «Русистика и современность». Конференция проводилась по заказу Министерства образования и науки РФ в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 гг. В конференции приняли участие ученые из Российской Федерации, Украины, Польши, Латвии, а также молодые ученые — аспиранты и магистранты.

На пленарном заседании выступили вице-президент РОПРЯЛ Е. Е. Юрков, профессор РГПУ им. А. И. Герцена И. П. Лысакова, профессор СПбГУ, директор Секретариата МАПРЯЛ Л. В. Московкин, профессора Балтийской Международной Академии Э. М. Архангельская и Л. И. Игнатьева (Рига). Они рассмотрели актуальные проблемы методики обучения русскому языку нерусских учащихся, проблемы языкового тестирования, вопросы создания современных учебников по русскому языку.

На секционных заседаниях обсуждались проблемы методики обучения русскому языку как неродному, проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, результаты лингвистических, лингвокультурологических и методических исследований молодых учёных. Особый интерес вызвал Круглый стол «Проблемы методики обучения русскому языку как неродному на начальном этапе обучения», в заседании которого приняли участие учителя полиэтнических школ Санкт-Петербурга.

И. П. Лысакова, Председатель Оргкомитета конференции, профессор РГПУ им. А. И. Герцена

ЮБИЛЕЙ ДОКТОРА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ЛЕНЫ ГАЛЕЕВНЫ САЯХОВОЙ

Глубокоуважаемая Лена Галеевна!

От всей души поздравляем Вас с юбилеем!

Коллеги знают Вас как талантливого преподавателя и неординарного ученого с разносторонними и широкими интересами, автора многочисленных научных трудов: научно-методических статей, монографий, словарей, учебных пособий, вузовских и школьных учебников, по которым учатся студенты и школьники Республики Башкортостан.

В течение многих лет Вы талантливо и мудро руководите кафедрой русского языка и методики его преподавания в Башкирском государственном Университете, кафедрой, которая, наряду с проблемами лингвистики, русского языка и культуры речи, занимается вопросами обучения языку в поликультурной среде, создания новых методик, написания современных учебников для школы, разработкой концепции интенсивного обучения русскому языку на коммуникативно-культурологической основе.

Вами создана лингвокультурологическая методическая школа, которая занимает в России одно из ведущих мест.

Благодаря Вам, Вашей активной работе в РОПРЯЛ, МАПРЯЛ стало возможным плодотворное сотрудничество с Санкт-Петербургским государственным университетом, Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена, Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина, Российским университетом дружбы народов, вузами Казани, Иркутска, Чебоксар, Якутии и др.

Ваши научные труды вызывали и вызывают неподдельный и искренний интерес коллег за рубежом — в Париже, Регенсбурге, Варне, Братиславе, Велико-Тырново, Шанхае и других городах зарубежья. Не случайно еще в 1987 году Вам было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки БАССР», а в мае 2011 года на XII Конгрессе МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве», в Китае (Шанхай), где присутствовало более 1200 делегатов со всего мира, в торжественной обстановке Ваш труд был отмечен медалью А. С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка».

Вы воспитали не одно поколение студентов, аспирантов и докторантов,

Вам удаётся сплотить людей с разносторонними научными интересами вокруг общей идеи и вызвать желание работать в едином ключе — отдавать себя полностью формированию новой языковой личности, способной к межкультурной коммуникации.

Ваша активная научная, преподавательская и организаторская деятельность, несомненно, говорит о высочайшей степени трудолюбия и преданности нашему общему делу.

Примите и от нас самые искренние поздравления и наилучшие пожелания: творческого горения, новых идей, интересных задумок и работ, которых мы все с нетерпением ждем, долгих и радостных дней, любви близких и крепкого здоровья!

Л. А. Вербицкая, Президент «МАПРЯЛ», Президент «РОПРЯЛ», Президент СПбГУ
Е. Е. Юрков, Генеральный секретарь «МАПРЯЛ», Вице-президент «РОПРЯЛ», Директор Института русского языка и культуры СПбГУ

КОСТРОМА

Дата основания города — **1152 год.**

Расстояние до Москвы — **330 км.**

Численность населения — **270 000 человек.**

Площадь города — **144, 5 кв. км.**

КОСТРОМА MON AMOUR

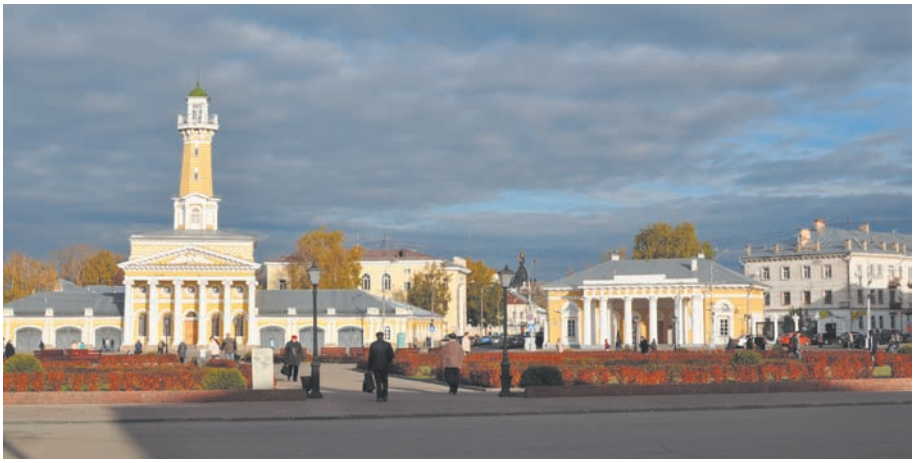
— Папа, смотри, какая красота! — мой шестилетний сын зовет меня, привычно стоя у окна на низенькой деревянной скамейке. Я подхожу сзади, тыкаюсь губами в пушистую детскую макушку и провожаю взглядом проплывающий за окном большой пассажирский теплоход. Кажется, что он цепляет бортом ветви склонившихся над берегом берез и тополей, а из окон ближних к воде избушек можно протянуть руку и уважительно похлопать ладонью по металлическому корпусу корабля. Действительно, красиво!

Эркер нашего дома выходит на Волгу. Мы с сыном любим подолгу смотреть, как идут по реке баржи, груженные песком и щебнем, танкеры и белоснежные лайнеры, буксиры и дачные трамвайчики. Нынче редко увидишь на Волге дюралевую моторку, а тем более — весельную лодку. Зато нет-нет да и пронесется по воде скутер с седоком в ярком плавжилете или яхта какого-нибудь местного нувориша.

Отсюда, из костромского Городища, открывается чудесный вид на волжское левобережье. Слева сияют золотые купола Троицкого собора. Вот мост, переброшенный через Костромку и связавший Ипатьевскую слободу с «материковой» Костромой. Прямо перед нашими глазами — массивная звонница и сверкающие главы Богоявленского монастыря. В сторонке пыхтит завод «Фанплит», расположившийся там, где прежде находились лесопильные предприятия братьев Набатовых и Бычковых. Четыре мрачные арки университетского корпуса уравновешиваются веселым, легким маячком пожарной каланчи. Вот дебаркадер, на котором устроен ресторан-поплавок. Далее — два белых обелиска Московской заставы. Выше, на холме, крыши Красных торговых рядов, изящ-

Алексей Вячеславович Зябликов,
доктор исторических наук,
профессор кафедры
культурологии и филологии
Костромского государственного
технологического университета,
член Союза писателей России

Фото Костромы —
Владимир Иванович Коньков



ная надвратная колокольня и зеленые маковки церкви Спаса. Рядом, над щеткой деревьев, виднеется нечто похожее на черный индейский томагавк. Это памятник Ленину: фигура вождя с простертой рукой пристроилась на постаменте, когда-то предназначавшемся для увековечивания 300-летия Дома Романовых. Правее — кремлевский вал. Впрочем, от Кремля ныне остались только два дома соборного причта. Вот городская пристань (Кострома — единственный губернский волжский город, не имеющий речного вокзала, хотя, может, оно и к лучшему!). А вот и Муравьевка с возвышающимися над Волгой краснокирпичным зданием губернских присутственных мест (бывшее епархиальное женское училище) и главным корпусом технологического университета (бывшая губернская классическая гимназия).

Я, уже привыкший к этой панораме, часто думаю о том, какое ошеломляющее впечатление должен производить вид левобережья на тех, кто впервые оказался в Костроме. Особенно поздней осенью, когда деревья становятся прозрачными и открывают для пытливого взора то, что в иную пору сокрыто листвой или снегом. Осенью контур города становится выразительнее, а детали — рельефнее... Теплоход идет вверх, к Ярославлю. На несколько секунд он заслоняет от нашего взора белые стены и башни Ипатьевского монастыря (см.: [2; 6]). Видны только луковки золотых куполов и кресты.

Я рассказываю сыну, что на этой стороне Волги, где-то в районе Селища, остановилось в марте 1613 года посольство земского собора, пришедшее звать на царство юного Михаила Романова. Утром 14 марта московские челобитчики, возглавляемые боярином Федором Шереметевым и архиепископом Феодоритом, отправились по волжскому льду к Ипатьевскому монастырю. Вскоре к ним присоединились горожане, селяне и местное духовенство. С крестами, иконами, развернутыми хоругвями процессия торжественно двинулась к святой обители. После долгих уговоров Михаил и его мать инокиня Марфа пали на колени и молвили: «Аще на то будет воля Божия, буди тако» [5: 18].

Где-то здесь, на траверзе Ипатьевского монастыря, в мае 1767 года бросила якорь галера «Тверь» с Екатериной II на борту, совершавшей инспекционную поездку по Волге. Императрица осталась довольна приемом, оказанным ей костромичами, и в том же году даровала Костроме герб, представляющий собой золотую галеру под царским штандартом, покачивающуюся на синих волнах. Но какой бы ни предписывали геральдисты изображать воду на костромском гербе — голубой или серебряной, ясно, что это водица волжская.

Волга — охранительница Костромы. Волга — душа России. Волга — живое воплощение Русского мира. От славянско-мерянских верховий течет река через древний Булгар и другие земли тюрков — татар, чувашей; через саратовскую неметчину, через степи половецкие — в хазарский Итиль. Здесь тихо сходятся четыре мировые религии: христианство, ислам, иудаизм и буддизм. Волга. Православные храмы Углича, мечети Казани и пагоды Цаган Амана.

Волга — владычица столетий и судеб. Сколько событий видели волжские берега и воды за минувшие века!

Волга... Велес-Власий. Волглые чащобы. Князь Василий Ярославич, совершающий молебен перед обретенной иконой Феодоровской Божьей Матери. Идущая по льду монгольская конница. Блеск золотоордынского Сарая. Михаил Тверской, собирающий войско против ненавистной Москвы. Нестяжатель Нил Сорский и заволжские старцы. Покоренная и разграбленная Иваном Грозным столица ханства Казанского. Слово набатное посадского старосты Козьмы Минина: «Не жалеть ничего, дворы продавать, детей и жен в кабалу закладывать, жизнь свою положить, но землю родную вызволить!» Икона Казанской Божьей Матери над ополчением, вышедшим из Ярославля на битву с иноземцами. Будущий патриарх Никон, чтением окормляющий разум в Макарьев-Желтоводском монастыре.

Волга. Воля-волюшка. Приют татей и ведунов. Лихие новгородцы-ушкуйники. Холопы и «беспашпортные» людишки, бегущие в беспомещичью глухомань. Разинские струги, плывущие к Астрахани и Симбирску. Пугачев, осадивший Саратов. Волга. Обволакивающая сознание мечтой-дурманом.

Волга великая! Горящие под Сталинградом гитлеровские танки. Фельдмаршал Паулюс, выкарабкивающийся под дулами русских винтовок из разбитого бункера. Фигура Родины-Матери над Мамаевым курганом.

Волга-защитница. Волга-кормилица. Волга-труженица. Пароходы, пристани, мануфактуры и заводы, лоцманские слободы, ярмарки, монастыри, уездные церковки, уютные губернские набережные и бульвары. Репинские бурлаки и кустодиевские купчихи. Горьковские благородные босяки. Роскошный левитановский Плёс. Свежий ветер. Воздух.

Волга. Влекущая к себе измаявшихся, обиженных. Бегущая к волжскому обрыву Катерина Кабанова. Голос в толпе горожан: «Женщина в воду бросилась!» Кулигин, говорящий Тихону и его матери: «Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша...» Вальяжно сходящий с «Ласточки» Сергей Сергеевич Паратов,

Кнуров и Вожеватов, разыгрывающие беспридан-ницу Огудалову в орлянку, выстрел Карандышева и предсмертный шепот Ларисы: «Это я сама... Никто не виноват...»

Волга. Волны, накатывающие на парапет завражской церкви, в которой служили предки Павла Флоренского. Из костромского Завражья и Андрей Тарковский родом. Здесь, на волжских берегах, родился и жил писатель Сергей Максимов, автор знаменитого романа «Денис Бушуев», действие которого разворачивается в костромской Татарской слободе и в Чернопенье. Героиня максимовского романа юная Манефа, слушающая рассказ отца о Туркестане, удивленно восклицает: «А как же там люди-то живут? Как же они без Волги-то живут?»

Волжским простором напоена, костромским дождичком вспоена философия моего великого земляка Василия Розанова. Каждый раз с радостным предвкушением новых открытий погружаюсь в его литературное волхвование. Пытаюсь понять тайну его сумасшедшей органики, его ничем не замутненной русскости.

Волга — особый предмет розановских размышлений. Писатель говорит о «значительном и гордом» волжском патриотизме. Мне, как волжанину, знакомо то чувство, о котором пишет Розанов. Нам действительно кажется, что там, где нет Волги, нет и России, «или что Россия там ненастоящая» [13: 196]. Волге писатель посвятил книгу очерков под названием «Русский Нил» (1907). Идейный стержень книги: в великой русской реке кроется мощная виталистическая сила, а волжский ветерок способен проветрить самые дурные головы.

Почему-то принято считать, что Василий Васильевич не любил Кострому. Мнение это основывают на некоторых горьких словах, пророненных писателем о Костроме, где прошло его детство. Дескать, и дождь-то тут шел с утра до вечера, и «вотчим» драл за курение, и нищета была беспросветная, и штаны — вечно мокрые — оттого что приходилось все время поливать грядки и парники.

Розановым сказано множество горьких слов и о России. Кто на основании этого возьмется утверждать, что Розанов не любил Россию?..

В необъятном творческом наследии Розанова проще назвать произведения, где *не используются* костромские мотивы. Например, их нет в «Возрождающемся Египте», что, в общем-то, странно, поскольку мыслитель считал «обонятельную» и теплую древнеегипетскую культуру близкой русской культурной традиции. Позже Розанов сознавался, что Египет (как, вероятно, и все остальное) он открыл «внутри себя» [10: 355]. Это напрямую связано с костромскими впечатлениями и переживаниями будущего писателя. Именно в Костроме Розанов впервые прикоснулся к священной тайне пола: он вынужден был еще несмышленым ребенком ухаживать за матерью, хворавшей «женской» болезнью. Из печального детского опыта вырастала самобытная розановская философия, основанная на связи между движением семени в фаллосе и трансцендентными началами бытия, между полом и космогонией.

Невеселые детские впечатления (нищета, носка навоза на грядки, зарезанная корова-кормилица) формировали умострой художника, который не стыдится быть таким, каков он есть, не боится выказать жалость и страх, житейскую неловкость и угловатость.

В 1913 году Розанов, «перебрав в пепельнице окурки и вытряхнув в коробку свежего табаку» (такая сделана ремарка), записал в дневнике: «Отчего я так люблю его (детство). Такое дождливое, тягучее, осеннее детство?» [17: 176]. Понятно — отчего. Оттого что из этого тоскливого детства произрастает сам Розанов (тот гениальный Розанов, которого знают сегодня все читающие люди). Этими соками питается его понима-

Богоявленско-Анастасиин монастырь

Церковь Спаса в Рядах (1766)

ние жизни, его религия семьи, его самобытный творческий метод, его писательское бесстрашие.

«Костромской» — едва ли не самое распространенное в розановском лексиконе прилагательное, образованное от топонима. Оно используется писателем реже, чем «русский», но чаще, чем «московский» или «петербургский». Естественно, указывает слово «костромской» не столько на территориальную принадлежность, сколько на некую ментальную, культурную сущность. Кострома часто упоминается вместе с Тамбовом, Тулой и другими русскими городами. Однако какой бы состав и какую бы конфигурацию ни имели эти лексические ряды, Кострома обязательно присутствует там как некое смысловое ядро. «Костромской» для Розанова — значит типично великорусский, *архирусский* — если угодно. В «Уединенном» Кострома упоминается Розановым как синоним всего безыскусно-настоящего, «конкретного», «жизненного» [18: 97]. «Конкретному» костромскому мужику должно найтись место и в Государственной Думе: пообтесавшись, попривыкнув к новым политическим реалиям, он способен быстро преобразиться из «обывателя» и «серяка» в гражданина [11: 99]. А уж в том, что мужик этот не уронит свое человеческое достоинство, Розанов и вовсе не сомневается.

Иногда определение «костромской» призвано подчеркнуть ту «нищету», что оказывается благороднее внешнего педантичного и холодного аристократизма.

В Петербурге Розанов страшно тосковал об огурчиках — тех самых, которые ел в Костроме (наверное, в тех жутких парниках они и вырастали). В столичных лавках овощи были безвкусные, пустые. Только потом с помощью Анны Ивановны Сувориной он добыл нужный адресок, где продавали отличные огурчики.

Однажды в Пятигорске Розанов решил посетить дом, в котором когда-то жил Лермонтов. Новым хозяином дома оказался пожилой человек с внешностью «Максима Максимовича в старости». Когда Василий Васильевич вошел в жилище, то сразу же ощутил, как «пахнуло старой Великороссией». С удивлением он обнаружил в красном углу огромный образ Феодоровской Божьей Матери — охранительницы Костромы. Оказалось, что старик — костромич по рождению. «Само собою, — вспоминал Розанов, — все преграды и отчужденности пали, когда и я в хозяине, и он в госте узнали залетных птиц с севера, в сущности, из одного гнезда. Мы обнялись и поцеловались» [14: 278]. Согласитесь, такая трогательная встреча никак не вяжется с представлениями о Костроме как о чем-то ненавистном Розанову и тягостном для него.

От нелюбви вся ненависть, что в нас есть. От ненависти все наше несчастье. В «Последних листьях» Розанов объясняет природу своей юношеской неприязни к учебе, учителям, Костроме, «которая ни в чем не была виновата, кроме того что „стояла на р. Костроме“ (география)» [15: 30]. Дело в том, что в жизни будущего писателя не было любви. Той любви, доказывая которую не нужно резать вены или выбрасываться из окна. Не было простого сердечного участия. Не было тихой семейной радости. Только познакомившись в Ельце с семейством Рудневых-Бутягиных (Варвара Бутягина стала второй женой Розанова), писатель понял, что такое счастье. И сразу полюбил весь мир. Кострому, естественно, тоже. Точнее, он понял, что никогда не переставал любить ее. Так что, как это ни банально, мир стоит на любви: «И еще и окончательно: будем, господа, любить!!!» [12: 158].

Образ Волги помогает Розанову прояснить природу собственного писательского дара, который Василий Васильевич оценивал вполне объективно: с 1882 года «ни одной вялой, безжизненной, плетущейся строки» [Там же: 13]. Нескромно? Зато в целом верно. Чем объяснить такое творческое горение? Да тем, что «дров запасено» много: «Целая барка, „беляна“, как на Волге, и еще — дрова, дрова, березовые, чтобы ярко пылали. Елового — ни одного» [Там же]. А «откуда дровишки»? Из Костромы, вестимо...

Оттуда, из костромского детства — очарованность подвигом Ивана Сусанина. В «Опавших листьях» Розанов вспоминал о своих детских ощущениях: «И сердце замирало от восторга о Сусанине, умирающем среди поляков» [7: 423]. Подвиг костромского крестьянина Розанов часто ставит в пример политическим деятелям, скорым на слово, но не на дело. Критикуя крайне правых за склонность к пышной фразеологии и ненужной шумихе, Розанов писал: «Титул „Сусанина“ они берут себе. Труда Сусанина еще не взял никто» [16: 221]. Розанов всячески защищал народного героя от ретивых охотников усомниться в историчности его подвига и в необходимости жертвовать собой ради монаршей особы.

Даже в дружбе Розанов (вольно или невольно) отдавал предпочтение тем, кто был так или иначе связан с Костромской землей. Потому близкими писателю людьми стали Николай Страхов, Петр Перцов, о. Александр Устьинский (с ним Розанов вел многолетнюю переписку, обсуждая принципиальную для себя семейную тему). На обороте фотографии протоиерея Устьинского Василий Васильевич сделал трогательную надпись, включавшую такие слова: «Он был весь — русский. Твердый. Ясный. Скромный... Ах: по-

том мы с ним вместе уродились в Костроме» [8: 476]. Интересно, что в действительности А. Устьинский не был костромичом: как полагают исследователи, он родился в городе Волхове. Однако духовное сродство двух мыслителей было таким сильным, что для Розанова «костромские корни» Устьинского не подлежали никакому сомнению: отец Александр мог быть только костромичом — а кем же еще!

Розанов ругал себя за то, что не помог сойтись двум крупнейшим русским издателям: Алексею Суворину и своему земляку Ивану Сытину («гениальный русский самородок» [17: 235]). Суворин и Сытин могли бы дополнить друг друга, избавить друг друга от поспешных и недальновидных шагов — и «тогда социалистики совсем отлетели бы в сторону...»[Там же: 235].

Особая тема — дружба Василия Розанова и Павла Флоренского. Оба они понимали масштаб личности друг друга и очень дорожили этим задушевным общением. Казалось бы, что может быть общего у «нововременского» публициста — и священника, богослова-интеллектуала? Их объединяло отсутствие столичного лоска, глубокая любовь к России, проистекающая из «костромского уездного начала» [12: 148]. Потому в переписке для них не было запретных тем.

В розановском «Апокалипсисе нашего времени» есть необычный по форме фрагмент, посвященный Павлу Флоренскому. Текст строится как диалог отца Павла с самим собой. Вот кусочек:

— И мои крови мешанные...

— И люблю я новую родину,

— Мою прекрасную Кострому...

— И мою дождливую Армению...

— То есть дождливую Кострому и горячую Армению [9: 279].

Там, где речь идет о Костроме, бесспорно, слышится вкрадчивый голосок самого Василия Васильевича. Кому как не ему знать важные климатические и иные особенности этой местности, ибо сам он (плотью и кровью) — отсюда! В ноябре 1918 года (за два месяца до смерти) Розанов записал: «Одно было золото — сердце, ум у сопливого мальчика в Костроме» [Там же: 192].

Вот неоспоримый факт: два великих мыслителя России корнем своим считали Костромскую землю. Может быть, и неласкова и нерадостна эта земля, да, видно, напитана соками благодатными. Видно, здесь, под мелким костромским дождичком, под неярким северным солнышком, хорошо русскому человеку мечтается-думается. Здесь он ощущает сопричастность свою русской истории, уходящей корнями в дославянское язычество, уводящей нас во времена князя Василия Ярославича и первых Романовых...

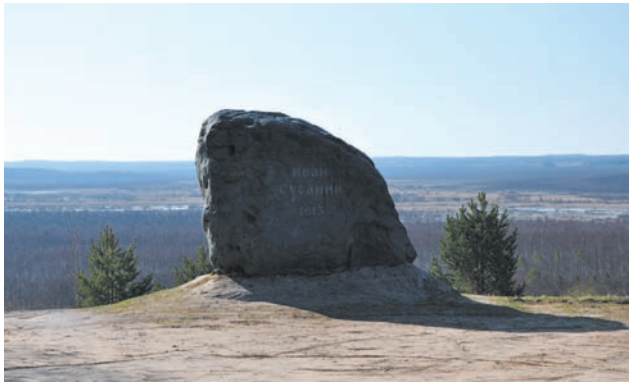
Кострома — самый северный из губернских волжских городов. Он вполне может претендовать на статус провинциальной столицы России, духовного центра корневой, кондовой Руси. И в имени, и в облике своем сохранил этот город обаяние времени, когда люди поклонялись не экономическим и политическим теориям, а добрым духам леса и воды. Поэт Владимир Леонович (костромич по рождению и духу) написал:

Слышишь, Кострымя... Нелепица,
Слух царапает дика,
А на слове город крепится.
Кострома стоит века.

Комментируя эти строки друга-поэта, еще один наш знаменитый земляк критик Игорь Дедков заметил: «На холеном, гладком слове ничего не выстоит, сползет. Все всегда держится на твердом, созревшем, страстном слове» [4: 178].

Не случайно именно на Костромской земле нашел свое законченное оформление мифологический образ Снегурочки.

Родословная Снегурочки невнятна и темна. Невозможно точно сказать, когда Снегурочка утвердилась в статусе «внучки» Деда-Мороза. В русском фоль-



Исуповское болото. Место подвига Ивана Сусанина

Памятник Ивану Сусанину

клоре, в частности в сказках, мы встречаемся с девушкой Снегурушкой, однако никакими кровными узами с бородатым зимним божеством она не связана. В некоторых великорусских областях «снегуркой» называли снежную бабу. Бесспорно, образ Снегурочки является мутацией и трансформацией многих дохристианских верований, мифов и обычаев. Прежде всего, это касается таких праздников, как Масленица, Красная горка, когда поселяне *закликали-зазывали* весну, Ярилино гульбище, похороны Костромы. Все названные праздники объединяет традиция предания огню (земле, воде) некоего импровизированного соломенного чучела-истукана — его-то и называли Костромой. В старинной игре Костромой называли женщину, которая «сказывается мертвою, а потом вдруг вскакивает и распугивает ребят» [3: 176]. Так что есть все основания полагать, что Кострома и Снегурочка — одно лицо. Возможно, Снегурочка как-то связана с февральской Кумахой: костромские поселяне верили, что в дремучем лесу живет девушка Кумаха, которая в конце зимы насылает своих сестер «людей знобить, грешное тело мучить, белы кости крушить» [19: 31].

В 1873 году в костромском имении Щелыково А. Н. Островский написал пьесу «Снегурочка». Первая же авторская ремарка к тексту гласит: «Действие происходит в стране берендеев в доисторические времена». «Снегурочка» А. Н. Островского — это и мистерия, и национальное предание, и притча, и красивая утопия о счастливом сказочном царстве. История дочери Деда-Мороза и Весны-Красны, живущей среди простых и беззлобных берендеев, погружает нас в гармоничный мир древних языческих поверий, одухотворенной природы. Финал «весенней сказки» трагичен: кроткая Снегурочка расплачивается своей жизнью за радость и «сладкий дар» любви. Погибает и влюбленный в Снегурочку купец Мизгирь. Обречено погибнуть все, что выпадает из привычного, естественного уклада жизни.

В конце 1960-х годов известный советский актер Павел Кадочников осуществил свой режиссерский замысел — поставил фильм «Снегурочка» по одноименной пьесе А. Н. Островского (вышел на экраны в 1970 году). Съемки проходили под Костромой. Фильм «Снегурочка» при всей его сказочной декоративности передает запрограммированную аномальность человеческого бытия, где добро и зло нередко неразличимы. Развязка и пьесы, и фильма кажется алогичной: смерть Снегурочки и Мизгиря не печалит берендеев. При желании можно упрекнуть и самого Павла Кадочникова, исполнителя роли царя Берендея, за излишне жестокосердную интонацию, выбранную им для финального приговора погибшим. Наверное, примерно так же упрекает заезжий гражданин среднестатистического коренного костромича за консерватизм и медлительность, за инертность и безынициативность. Возможно, за этой внешней инертностью скрывается стремление оберечь свои пусть в чем-то наивные и устаревшие, но такие родные тысячелетние предания от всевозможных «инноваций» и «модернизаций», за которыми чаще всего скрываются пагубная и для природы, и для человеческих отношений суетность, меркантилизм, прагматизм.

Для съемок кинокартины на окраине города был сооружен Берендеев посад: рубленые лубочные домики берендеев, островерхий дворец царя Берендея. После завершения съемок Берендеев посад было решено не разбирать, парк «Берендеевка» стал одним из любимых мест отдыха костромичей. Увы, в смутные 90-е Берендеевка пришла почти в полное запустение, по существу, вернулась в те самые «доисторические» времена, к которым отсылал героев своей «Снегурочки» А. Н. Островский.

В начале XXI века Снегурочка превратилась в широко разрекламированный товарный знак, призванный сделать культурный и деловой имидж Костромы более привлекательным. Мифологизация мест, имен и событий как способ решения экономических проблем — традиция давняя и широко распространенная. Насколько оправданы претензии Костромы называться «родиной Снегурочки»? На мой взгляд, в полной мере. И дело здесь не только в Александре Островском и его знаменитой пьесе. Главное: костромская земля, наши традиции и обычаи вполне органичны мифу о Снегурочке. Этого достаточно. Правда, есть одно смущающее обстоятельство. Образ Снегурочки поэтичен, но несколько слащав. Не хватает этой даме некоторой здоровой стервозности. Вот если бы костромичи смогли заявить свои права еще и на Бабу-Ягу (увы, уже застолблен за ярославским селом Кукобой), дела их определенно пошли бы в гору...

Впрочем, Кострома не обделена вниманием ценителей исторической, этнографической и прочей экзотики. За Костромой давно и прочно закрепилась слава готовой «декорации» для масштабных костюмных экранизаций и фильмов о провинциальной русской жизни Выдержанный в традициях русского классицизма XVIII–XIX вв. исторический центр города, создававшийся трудами архитекторов С. А. Воротилова, Н. И. Метлина, В. П. Стасова, П. И. Фурсова и практически не испорченный современной застройкой, неизменно останавливает на себе взгляд. Комплекс Торговых рядов, церковь Спаса, ансамбль казенных

зданий (окружной суд, городская дума, магистрат, губернские присутственные места), Ботниковский сквер, каменные двухэтажные купеческие дома, дворянские особняки и, конечно, Волга, на которую открывается величественный вид с городского вала, создают неповторимую атмосферу (см.: [1]). Город идеально подходит для экранизации русской классики. На его улицах и площадях легко представить русского купца и буржуа, священника и гимназиста, мастерового и крестьянина, извозчика и зимогора, продающего за пятак свои рабочие руки.

Однако киногеничность Костромы определяется не только ее живописными видами, но и особым культурным, духовным пространством. Принципиально важные его составляющие — корневая связь с дохристианской, мерянско-славянской Русью, глубокая сопричастность христианско-православной традиции, обаяние немногословного и трудолюбивого костромича-волжанина, очарование провинциальной несуетности, тишины и патриархальности.

Кострома — притягательное место. Особенно для приезжего. Особенно для столичного. Полюбился наш город режиссерам, художникам, ученым, писателям. Появился, к примеру, здесь однажды поэт и музыкант Б. Б. Гребенщиков. И стала с тех пор Кострома для питерца Гребенщикова «монамуром». Повторяю, все это можно понять. У Костромы сложившаяся репутация духовного центра «доподлинной» Руси. Этакого заповедного оазиса «всамделишности» русской, русской самовитости и домовитости. Побывал тут, подышал здешним воздухом-ладаном — и вроде как прикоснулся к пониманию чего-то важного, ощутил, что сердце-то русское — вот оно, туточки, у впадения Костромки в Волгу, бьется.

«Проснись, моя Кострома», — поет, несколько противореча себе, петербуржец Гребенщиков... Не нужно будить Кострому. Пусть она спит, храня свои мифы и сказки в неприкосновенной чистоте. Пусть останется то, над чем прольет слезы умиления заезжий человек...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочков В. Н.* Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997.
2. *Брюсова В. Г.* Ипатьевский монастырь. М., 1982.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1989. Т. 2.
4. *Дедков И. А.* Во все концы дорога далека: литературно-критические очерки и статьи. Ярославль, 1981.
5. *Лукомский В. К., Лукомский Г. К.* Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины. Репринтное воспроизведение издания 1913 г. М., 2002.
6. Монастыри Костромской епархии. Кострома, 2009.
7. *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990.
8. Розанов В. В.: pro et contra: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 2.
9. *Розанов В. В.* Собр. соч. Апокалипсис нашего времени. М., 2000.
10. *Розанов В. В.* Собр. соч. В нашей смуте. М., 2004.
11. *Розанов В. В.* Собр. соч. Когда начальство ушло... М., 2005.
12. *Розанов В. В.* Собр. соч. Мимолетное. 1915. М., 1994.
13. *Розанов В. В.* Собр. соч. Около народной души. М., 2003.
14. *Розанов В. В.* Собр. соч. О писательстве и писателях. М., 1995.
15. *Розанов В. В.* Собр. соч. Последние листья. М., 2000.
16. *Розанов В. В.* Собр. соч. Русская государственность и общество. М., 2003.
17. *Розанов В. В.* Собр. соч. Сахарна. М., 2001.
18. *Розанов В. В.* Соч.. М., 1990.
19. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.

А. Зябликов

Костромской гос. драматический театр им. А. Н. Островского

Дом генерала С. С. Борщова

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПОЭМА

A TOPONYMIC POEM

В очерке характеризуются особенности топонимического пространства Костромской области, предлагается версия, объясняющая происхождение топонимов Рай, Ерусалим.

This essay focuses the pecularities of the toponymic space of Kostroma region and suggests an explanation of the origin of the toponyms “Paradise” (“Rai”) and “Jerusalim” (“Ierusalim”).

Хорошо бы взять в руки посох да отправиться из деревни Адищево, что в Островском районе Костромской области, в деревеньку Рай, что в уезде Вохомском. Чем не повторение Дантовых странствий! Следуя замыслу великого итальянца, идти можно через буйские Чистые Боры — пусть это и приличный крюк. До Буйской земли дойти вместе с каким-нибудь седовласым костромским Вергилием — шутником-балагуром, знатоком здешних преданий. От Чистых Боров до Пыщуга топать одному, размышляя о радостях и тяготах жизни, а уж в Рай подобает войти с хорошенькой девушкой. Соглашусь даже на то, чтобы ее звали не Беатриче, а, например, Вера или Надежда. Или даже Любовь...

Вообще-то, нет чтения более познавательного и занятного, чем чтение крупномасштабных оперативно-тактических карт. Издание их массовым тиражом подогрело бы библиофильский ажиотаж не только вражеской агентуры, но и краеведов, историков, путешественников. Названия костромских поселков и сел, деревень и деревенек, рек и речушек, оврагов и увалов способны привести в восхищение любого читателя, дать ему обильную пищу для размышлений.

Ничто так непредвзято и полно не расскажет нам о вещи, как ее имя. Топонимы, гидронимы надежно фиксируют сведения об умострое, обычаях, профессиональных, человеческих тяготениях местных жителей.

Наши генетические корни угадываются в былинно-сказочных именах Кикиморино, Кощеево, Упыревка, Чертово, Нежитино. Это в упрек тем, кто считает леших и русалок выдумкой для малых детей.

О простом, добром и честном нраве предков свидетельствуют названия костромских деревень и сел Блудово, Грехово, Дракино, Грубилово, Пьяньково, Бухалкино, Матюково, Галашевцы, Крадихино, Озорниково, Побоишня, Лиходеево. Как говорится, добро пожаловать, путник, к нашим пенатам!

На этом разухабистом фоне как-то теряются безмятежно-сусальные Лагодки, Отрада, Целуйково, Лелеково и величаво-библейские Ианнополь, Архангельское.

Деревни Аманово, Бабаево, Кунаково выдают тайну давнего добрососедства здешних славян и выходцев с Востока. Столь же самобытно и умиротворяюще смотрелся бы где-нибудь в горной Чечне аул Ивановка или Малиновка.

Кашеедово, Блиново и Пирогово расскажут о гастрономических пристрастиях костромских первопоселенцев; Морковкино, Огурцы, Смородинка — о специфике местной агрокультуры, а Колпашница и Шляпники — о поветриях моды и роде предпринимательства. Есть в Костромской области и вполне некрасовские Голодаево и Горюшкино.

Мнение о нечистоплотности здешних жителей, подкрепляемое ссылками на топонимы Бяковцы, Вшивки и Шелудково, легко опровергается названиями деревни Волосомойново и реки Портомойки. Так что с личной гигиеной у костромских крестьян все было в порядке. Как не было проблем у них со здравым смыслом: Фефелово и Чайниково уравновешиваются Башками и Доброумовом.

У кого-то может вызвать недоумение (смешанное с тайным уважением) название деревни Кондома. Это имя никак не связано с проблемой регулирования рождаемости: словом «конда» на севере Руси называли боровую сосну.

Ненавистники кондовости и старорусского колорита тоже могут быть довольны: достаточно в Костромской губернии населенных пунктов с названиями, выдержанными в духе соцреализма: Коммунар, Райвыселок, Главкарьер, Фанерник и (особенно ласкающее слух) Заготскот.

Прошлой весной мне довелось побывать в вохомском Раю. Конечно, это не волшебная страна Дильмун, но место красивое, привольное. И тем еще приметное, что в трехстах метрах от Рая, с другой стороны дороги, располагается деревушка с не менее впечатляющим названием — Ерусалим.

Такие топонимические изыски не могут не пробудить вопросов. Почему Рай? Связан ли «тутошний» Ерусалим с Иерусалимом «тамошним»?

Местные жители легко попотчуют любопытствующих красивыми легендами, историческая достоверность которых, впрочем, весьма сомнительна. Некоторые из них приводит краевед Н. П. Кучин в книге «Костромской край: города и веси» (2000). По одной из версий, деревеньку назвали Раем, отдавая дань уважения некоему высокочтимому лицу, которому пришлись по душе здешние места [4: 248]. О том же ведет речь Н. Большаков, уроженец вохомской деревни Паговец: ямская станция, расположенная на Сарово-Орловском гужевом тракте, стала зваться Раем с легкой руки одного из проезжавших вельмож, который был восхищен здешним гостеприимством [2]. По другой версии, Рай — это топоним Край, в силу неясных причин «потерявший» первую букву. Происхождение топонима

Ерусалим Н. П. Кучин связывает с тем, что один из первопоселенцев пешком ходил в Палестину к Гробу Господню [4: 106].

Вряд ли эти объяснения можно принять без оговорок. Топоним Рай не обязательно может быть связан с библейским вертоградом. В костромских, ярославских, нижегородских говорах раем называют отдаленный гул, звуковые раскаты, а райким местом — такое, откуда далеко слышно, где голосу вторит эхо [3: 56]. От «райкого» до «райского» путь не длинней, чем от «края» до «рая».

Близкое соседство деревень заставляет рассматривать их как части единого замысла, который окажется несостоятельным, если мы примем версию «обезглавленного» Края или Рая-отголоска. Неестественным благообразием веет и от гипотезы, объясняющей появление на Вохомской земле топонима Ерусалим. Маркиз Астольф де Кюстин, автор убийственной книги «Россия в 1839 году», одно из немногих позитивных впечатлений о нашей стране связывал с «патриархально-библейским» обликом обитателей русских деревень. Однако тот же Кюстин писал: «Слова „мир“, „счастье“ здесь столь же неопределенны, как и слово „рай“. Беспробудная лень, тревожное безделие — таков неизбежный результат северной автократии» [8: 315].

Верхнее Поветлужье вряд ли можно назвать землей святых и праведников. Исстари за этой территорией закрепилась слава разбойной сторонушки. В XVII–XVIII веках сюда, в беспомещичье вологодско-костромское захолустье, стекались беглые, «беспашпортные» людишки. Под стать им были и коренные насельники, отрезанные, по определению П. И. Мельникова (Печерского), «от остального крещеного мира»: «Жили в лесу, молились пенью, венчались вкруг ели, а черти им пели». Духовную власть здесь представляли наезжавшие с Моломы и Вятки попы-самоставленники, о которых говаривали: «Молодец поп-хлыновец: за пару лаптей на родной матери обвенчает» [6: 313].

Здесь оседала потрепанная разинская вольница. Есть сведения о том, что сюда, на Ветлугу, Вохму и Вятку, бежали сподвижники Степана Разина Илья Пономарев и Мирон Мумарин [9]. М. В. Ломоносов в «Записке о сохранении и размножении русского народа» (1761) говорит о лесистом пространстве около реки Ветлуги как об одном из самых зловещих мест в империи: «Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта» [5: 315]. Автор романа «В лесах» (1875) И. П. Мельников (Печерский), характеризуя социальную закваску поветлужского населения, ведет речь о беглых рейтарах и холопах, пашенных крестьянах и слобожанах, отягощенных оброками и податями: «Все это валом валило за Волгу и ставило свои починки и заимки там и по таким местам, где до того времени человек ноги не накладывал» [6: 314].

Нередко для искоренения разбойничьей заразы в эту глухомань посылались воинские команды и на берегах лесных рек разгорались настоящие сражения. Однако плода карательные акции приносили мало, ибо не было в местах сих на 700 верст ни городов, ни укреплений, ни мещанских караулов, а письменные «дозволения» не имели здесь никакого веса. Лояльность по отношению к беглым людишкам выказывали не только здешние крестьяне, но и местная монастырская администрация Николаевской Кажировой пустыни [1].

Во многих преданиях Вохомской земли звучит тема «лихих людей». Наиболее известное повествует о нападении шайки разбойников на Крестогорский Тихонов монастырь: выбросили-де, спасаясь от погони, грабители золото в реку, с тех пор и кличут Вохму-реку «золотым дном» [7]. А давайте-ка вслушаемся в названия вохомских деревень: Разбойница, Харино, Чумаково, Шабашиха, Басалаево (от «басалай» — непутевый), Голята, Окулово (от «окул» — плут), Бушуиха, Гробовщина, Худобино — прямо-таки ласкающий слух посвист Соловья-Разбойника! Как некомфортно должны ощущать себя в таком уголовно-маргинальном соседстве благолепные Рай да Ерусалим.

Думается, мирная тишина и «религиозность» этих названий мнимы. Рай, Ерусалим... Слышится здесь глумливый говорок человека пришлого, дерзкого, бывалого. Проскальзывает тут охалинка скитальца, потоптавшего Землю-матушку в поисках воли да верного куска хлеба и построившего в вохомской глухомани отдельно взятый Рай, основавшего новый Ерусалим — деревеньку-«дарохранительницу».

Оставим первопоселенцам Вохомской земли право на их собственную «телемскую обитель» и «запорожскую сечь». Кто знает, может быть, законом здешней жизни были бражничанье и азартная игра, буянство-ухарство. Может быть, именно сюда приходил лихой человек, чтобы продать или обменять краденое, утробушку побаловать разносолами да сладкой водочкой, побеседовать со сведущими людьми о житейских бедах-напастях. Даже если одна человеческая душа нашла здесь приют и отдохновение, названия деревушек можно считать оправданными.

Восходит солнце над вохомским вертоградом, освещая первобытные холмы и леса. Кричит петух. Скрипит ставенка. Райкое место, райское!..

Карту Костромской области можно читать как эпическую поэму. И, чем черт не шутит, найдется, может быть, предприимчивый человек, который пустит автобус по маршруту «Адищево — Рай». Пассажиры для него наверняка найдутся.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоруков Д.* Поветлужье и Вохма // Вохомская правда. 1989. 26 сент.

2. Вохомская правда. 1981. 28 ноябр.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1989. Т. 4.

4. *Кучин Н. П.* Костромской край: города и веси. Кострома, 2000.

5. *Ломоносов М. В.* Избр. проза. М., 1986.

6. *Мельников П. И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1976.

7. *Панфилов В.* Поселок Вохма в прошлом // Вохомская правда. 1982. 27 июня.

8. Русские мемуары. Избр. страницы (1826–1856). М., 1990.

9. *Скрябин К.* У нас общие корни и интересы // Вохомская правда. 1998. 4 июля.

А. В. Зябликов

КОСТРОМСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Костромской ордена Трудового Красного Знамени государственный технологический университет — один из крупных образовательных и научных центров Верхневолжского региона, базовый вуз для подготовки инженерных и управленческих кадров в Костромской области.

В настоящее время в структуре КГТУ — 3 института (юридический, управления, экономики и финансов, институт дополнительного профессионального образования, на базе которого реализуются федеральные и региональные программы переподготовки управленческих кадров), 7 факультетов (механический, технологический, лесо-механический, автоматизированных систем и технологий, гуманитарный, заочный, а также факультет довузовской подготовки), 36 кафедр, десятки специализированных лабораторий и мастерских. КГТУ — единственный в Костроме вуз, имеющий военную кафедру и военно-учебный центр. Университет располагает восемью учебными корпусами, пятью студенческими общежитиями, спортивно-оздоровительным лагерем, студенческим профилакторием. Ректором КГТУ в 2009 году стал А. П. Болотный, кандидат технических наук, профессор.

В настоящее время в КГТУ обучается более шести с половиной тысяч студентов. Из 425 преподавателей университета 57 имеют ученую степень доктора наук, 238 — ученую степень кандидата наук. В вузе ведется подготовка аспирантов по 17 научным направлениям. По четырем направлениям осуществляется обучение в докторантуре.

У технологического добрая аура. Возможно, доставшаяся по наследству от тех времен, когда в нынешнем главном корпусе КГТУ (Муравьевка, она же улица Всехсвятская, она же Рентгена, она же Дзержинского) был губернаторский дом и по его залам прохаживались князь Дмитрий Петрович Горчаков (1758–1824), который скрашивал свое губернаторство писанием драм и сатир, и благородный Сергей Степанович Ланской (1787–1862), впоследствии министр внутренних дел, прославившийся в том числе и тем, что стал прототипом героя известного рассказа Н. С. Лескова «Однодум» (см.: [1:59]).

Потом здесь была губернская гимназия, и эти старые стены заряжали своей положительной энергией люди, прославившие Россию в механике и экономике, химии и металлургии, медицине и геологии. В здании на Муравьевке учились литераторы Вс. Никан. Иванов. С. В. Максимов, А. Ф. Писемский, Н. К. Михайловский, В. В. Розанов, Н. А. Чаев, историк С. В. Ешевский, синолог С. М. Георгиевский, основоположник термодинамики М. Ф. Окатов, исследователь Арктики А. Н. Жохов.

В 1932 году эти стены были отданы текстильному институту, который оказался хорошим наследником и радетельным хозяином. В 1962 году вуз был преобразован в технологический институт, а в 1995 году получил статус государственного технологического университета.

В КГТУ сложились уникальные научные школы, получившие российское и международное признание.

50 лет проработал в КГТУ профессор П. П. Трыков — автор и разработчик пневмомеханического способа пря-

КГТУ
КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

дения, создатель уникальной для своего времени машины для получения армированной нити.

60 лет своей жизни отдал «технологу» профессор В. Н. Аносов, основоположник крупнейшей в Советском Союзе научной школы текстильного машиноведения.

Более 50 лет проработал в КГТУ профессор М. И. Худых, чьи технологические открытия, повышающие износостойкость деталей машин, нашли применение в российском и зарубежном производственном опыте.

Здесь трудился Н. Н. Суслов, авторитетнейший ученый-льнянщик и ректор «технолога». В настоящее время имя профессора Суслова носит одна из улиц в костромском Заволжье (см.: [2]).

Сегодня в «технологе» трудятся люди по преимуществу несуетные, творческие, интересные. Другим здесь страшновато и неуютно от пробегающего сквозячка времени и открывающегося из высоких окон вида на волжский простор.

«Технолог» первым из костромских вузов отважился поставить точку в кем-то придуманном споре «физиков» и «лириков»: в 1997 году здесь был открыт гуманитарный факультет, готовящий специалистов в сфере социально-культурного сервиса и туризма.

Гуманитарной науке непросто выживать и развиваться в техническом вузе. К чести КГТУ, гуманитарному знанию здесь отводится роль отнюдь не второго плана. Помогают мнение и опыт легендарной профессуры: Г. К. Кузнецова, который не уставал напоминать студентам, что человек не должен замыкаться в учебе и в жизни на чем-то одном, пусть даже значимом и важном; В. Н. Аносова, который, прочитав лекцию по теоретической механике, шел со студентами в актовый зал, и там, за роялем, рассказывал им о том, как научиться понимать музыку.

Несмотря на свой технический профиль, КГТУ сегодня является одним из центров гуманитарного образования, просвещения и науки в регионе. На гуманитарном факультете сосредоточен значительный научный потенциал (9 докторов наук, 17 кандидатов наук). Здесь трудятся доктора философских наук С. В. Ковалева (философия культуры), Л. Н. Роднов (онтология), В. Ю. Яковлев (эпистемология и философия науки), доктора исторических наук Е. Ю. Волкова и А. И. Евстратова (гендерный аспект истории), О. В. Смурова (история русского крестьянства и народных промыслов), А. А. Соловьев (один из немногих в нашей стране светских специалистов по истории церкви), доктор филологических наук Т. А. Ёлшина (русская литература Серебряного века).

Организация образовательной и научной работы в вузе предполагает решение важных сверхзадач воспитательного, нравственного, духовно-эстетического свойства. Преподаватели исходят из того, что студент должен не только овладевать навыками научного исследования, но и формировать в себе эстетический вкус, гражданскую позицию, высокую умственную культуру, **интеллигентность**, то есть осознанную потребность в получении знаний, умение слушать и понимать. Гуманитарная наука невозможна в отрыве от вдумчивого разговора о жизненных приоритетах, ценностях и смыслах. В условиях нынешнего духовного оскудения и одичания особая роль отводится овладению навыками творческой работы, филологическому, философскому, историческому, культурологическому осмыслению фактов, тенденций, явлений нашей жизни. Так, изучение различных культурных феноменов должно, помимо решения сугубо познавательных задач, формировать у студента религиозную, этническую, культурную терпимость. Краеведческие исследования помогают студентам ощутить сопричастность вековым традициям, пробуждают пытливый интерес к своему историческому корню. Прикладное значение филологических штудий заключается в том, чтобы вернуть уважение к родному языку, показать, какое важнейшее место занимает культура речи в интеллектуальном, имиджевом ресурсе современного специалиста.

Реализации означенных целей служат ежегодные проекты с участием студентов, реализуемые силами гуманитарного факультета: научно-просветительские конференции «Создание культурной среды в техническом вузе» (сентябрь) и «Твои века, Кострома» (апрель-май), патриотическая акция «Ищу героя», олимпиады по региональному туризму, иностранным языкам и страноведческой тематике, конкурс ораторского мастерства.

В 2005 году в вузе прошли мероприятия, посвященные 200-летию Костромской классической гимназии, правопреемником и наследником которой считает себя КГТУ. В жизнь преподавателей и студентов постепенно возвращаются старые, еще дореволюционные, гимназические традиции: праздник весеннего древонасаждения, шествие под духовой оркестр. Проведение в мае 2009 года конференции «Твои века, Кострома» (автор концепции профессор О. В. Смурова) превратилось в яркое, запоминающееся действо, стало праздником не только для технологического университета, но и для всего города. Сотни костромичей с приятным изумлением и восторгом смотрели, как студенты, семинаристы, курсанты военной академии прошли под военный оркестр от Муравьевки до набережной Волги. На теплоходе участники конференции переправились в Ипатьевскую слободу, на территорию музея деревянного зодчества, где состоялся праздник традиционных русских ремесел и каждый участник имел возможность попробовать силы в домашнем ткачестве и плетении из бересты, гончарном искусстве и стрельбе из лука, познакомиться со старинными русскими обычаями, песнями, танцами, играми.

В 2010 году научно-теоретическая часть конференции «Твои века, Кострома» была дополнена интерактивным

действом в здании Дворянского собрания, где студенты получили возможность приобщиться к традициям русского дворянства. Конференция все ощутимее превращается в настоящий городской фестиваль костромского студенчества. В 2011 году темой конференции определена «Кострома многонациональная». Выбор такой проблематики неслучаен, ибо Кострома действительно может дать хороший пример веротерпимости, хлебосольства и национально-культурного добрососедства. К проекту уже проявили интерес представители национальных диаспор.

В августе 2009 года впервые в истории КГТУ на базе одного из загородных лагерей были проведены адаптационные сборы для студентов-первокурсников гуманитарного факультета. Усилиями и тщанием декана факультета профессора А. А. Соловьева 5 дней студенты были погружены в атмосферу творчества. Важной частью сборов стали мастер-классы, всевозможные викторины и интеллект-шоу. Вторые сборы 2010 года убедили всех, что в КГТУ родилась еще одна добрая традиция.

Интересным опытом соединения научной теории и практической деятельности является созданный на факультете историко-краеведческий студенческий клуб «Странник» (руководители профессор О. В. Смурова и доцент И. Б. Горланова).

Показал свою жизнеспособность и теоретическую состоятельность студенческий журнал «Отчий дом», редакцией которого со дня основания этого издания руководит доцент Б. Н. Гусев.

Особо следует сказать о проведении на базе КГТУ (совместно с Костромским государственным университетом им. Н. А. Некрасова) международных Розановских чтений. С 2000 года в Костроме существует Межрегиональный научный центр по изучению и сохранению творческого наследия **Василия Васильевича Розанова** и **Павла Александровича Флоренского**, руководит которым доктор культурологии профессор И. А. Едошина (КГУ им. Н. А. Некрасова). Каждый год в мае в Кострому приезжают филологи и философы, крупнейшие российские и зарубежные розановеды, чтобы отдать дань уважения и памяти выдающемуся русскому писателю и мыслителю. Один из двух дней конференции обязательно проходит в главном корпусе КГТУ — в том самом здании, где с 1868 по 1870 год учился гимназист Вася Розанов. Здесь многое сохранилось от интерьеров тех времен: ажурная чугунная лестница с двуглавыми орлами, медные вьюшки и кафель печей, огромное ампирное зеркало, перед которым, возможно, будущий гений русской публицистики оправлял свой жалкий мундирчик и приглаживал торчащий рыжий вихор на голове. Обязательная часть ритуала конференции — прогулка по «розановской» тропе: от места, где когда-то находился Боровков пруд (здесь стоял дом Розановых), по бывшей Покровской улице — до главного корпуса КГТУ: именно такой дорогой гимназист Розанов каждодневно ходил на учебу.

Научно-теоретическое содержание Розановских чтений находит свое отражение на страницах журнала «Энтелехия», давно завоевавшего симпатии ученого сообщества в России. Свидетельством такого признания является и творческий отчет костромичей, организованный 11 ноября 2010 года в Москве знаменитым «Домом А. Ф. Лосева» — библиотекой истории русской философии и культуры и посвященный 10-летию Центра по изучению и сохранению творческого наследия В. В. Розанова и П. А. Флоренского.

В 2010 году на кафедре культурологии и филологии Костромского технологического университета при поддержке губернских властей был создан Межрегиональный научно-просветительский центр им. И. А. Дедкова. **Игорь Александрович Дедков** (1934–1994) — живший и работавший в Костроме выдающийся русский критик, журналист, мыслитель, общественный деятель. Во второй половине XX века он был фигурой, объединявшей вокруг себя интеллектуальную, творческую, духовную элиту страны. К сожалению, при всем высочайшем интеллектуальном и нравственном авторитете И. А. Дедкова, в современной России до последнего времени не было научного центра по изучению и сохранению его творческого наследия. Новый Центр призван восполнить этот пробел, объединить усилия филологов и культурологов, историков и политологов, специалистов по регионоведению и теоретиков искусства — ученых, специализирующихся на изучении самых разных гуманитарных проблем. Ежегодные Дедковские чтения, семинары и конференции, проводимые на базе Центра, издаваемый по итогам чтений журнал станут не только событием в культурной, образовательной и научной жизни региона, но и хорошей школой для молодого поколения исследователей: масштаб личности И. А. Дедкова, притягательность и актуальность его творчества обеспечат деятельное участие в работе Центра известных русских ученых, писателей, издателей, литературных критиков. Центр приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных авторов.

В ноябре 2012 года Костромскому технологическому университету исполнится 80 лет. Для учебного заведения возраст почтенный. Не всякий нынешний вуз, соблазняющий абитуриента перечнем модных специальностей, может похвастаться таким трудовым стажем. 80 лет — это, если угодно, гарантия качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочков В. Н.* Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997.

2. *Волкова Е. Ю.* КГТУ — 75 лет: История и современность. Кострома, 2007.

А. Зябликов